

ГОРИХЪ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДВО ИДЪСЪТИЩА
МОСКВА 1914

Н.К. ГЕРЦХЪ

Многоуважаемый
Валентин Иванович
Скромный дар от поклонника
Н.К. Герца
Селенский
25. X. 1971.
(от Филиппова)

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДВО ИД. СЫТИНА
МОСКВА 1914

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Теперь много говорятъ о старинѣ: въ ней ищутъ новыхъ путей для искусства. Сбываются предсказанія тѣхъ немногихъ, влюбленныхъ въ нашу древнюю красоту, которые одиноко вѣрили, что стариной мы помолодѣемъ.

Изъ этихъ провидцевъ можетъ быть значительнѣйшимъ надо признать художника Н. К. Рериха.

Одинъ изъ наиболѣе крупныхъ современныхъ русскихъ художниковъ, Рерихъ много сдѣлалъ и для проведенія своихъ взглядовъ на искусство въ литературѣ. Съ 1890-го года—съ юношескихъ лѣтъ—онъ писалъ о русской старинѣ и создалъ рядъ очерковъ, статей и сказокъ полныхъ личныхъ настроеній.

Своевременно свести воедино плоды этой 24-лѣтней работы, разсѣянной по разнымъ журналамъ и газетамъ. Н. К. Рерихъ печатался въ „Старыхъ Годахъ“; „Вѣстникъ Европы“; „Золотомъ Рунѣ“; „Искусствѣ“; „Вѣсахъ“; „Въ Мирѣ Искусства“; „Нада“ (Сараево); „Moderny revue“ (Прага); „Art

decoratif“; а также въ газетахъ „Русь“; „Слово“; „Новое
Время“; „Русское Слово“ и др.

Въ слѣдующія книги кромѣ статей „Праздникъ иконы“
и „Школы искусства“ войдутъ записные листки, сказки,
воспомнанія и характеристики дѣятелей искусства.

Женѣ моей.

О СТАРИНЪ МОЛЕНІЯ.

НА КУРГАНѢ.

Въ Водской Пятинѣ (Спб. губ.).

I.

Кто хоть немного соприкасался съ археологіею и хоть одинъ разъ побывалъ на раскопкѣ, тому вѣдомо, насколько увлекательно это дѣло. Обычное по сему предмету остро-словіе: „археологія—мертвечина! Пыльная наука—археологія! Гробокопатели! Вампиры! Прозаики! Муміи!“—особенною острою, боюсь, не отличается.

— Помилуйте, слышу, это до Россіи, пожалуй, не относится; у насъ-то какая же археологія, развѣ кромѣ степей? Хорошо и прилично говорить объ археологіи въ Греціи, въ Италиі, наконецъ, на иашемъ Югѣ и Востокѣ, а здѣшніе меланхлены и гиперборейи врядъ ли оставили послѣ себя что-либо занимательное!

— Да вѣдь всякая мѣстность мало-мальски пригодная для жилья, имѣеть свсю археологію, будетъ ли это Кіевская, Новгородская или Петербургская губернія...

— Что такое? Скажете, что и Петербургская губернія тоже даетъ пищу для археолога? Подите вы! Я понимаю говорить о раскопкахъ въ Помпеѣ, Азіи, въ степяхъ, на худой конецъ въ Новгородѣ—всетаки варяги тамъ, что ли, но раскопка Петербургскихъ кургановъ, да это даже не принято какъ-то! Точно на свалкѣ сардинныя коробки вырываете! Неужели и здѣсь что-нибудь можетъ находиться? Пожалуй, однѣ шведскія пуговицы, потерянные въ Петровское время!

Дѣйствительно, зачастую древности С.-Петербургской губ. или древней Водской Пятины Новгорода пользуются въ обществѣ репутаціей довольно сомнительной; всякій археологическій памятникъ этой мѣстности, о которомъ уже трудно сказать, что это случайная груда камней или естественное возвышеніе, относится ко времени шведскихъ войнъ. Древніе кресты Новгородскаго типа, обильно встрѣчаемые на поляхъ—шведскіе. Курганы—шведскія могилы; городища— „шведскіе шапцы“. Словомъ все, что несомнѣнно принадлежитъ древности—все шведское, хотя на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ.

Шведскій, петровскаго времени, элементъ играетъ самую послѣднюю роль среди древностей Водской Пятины (Спб. губ. тожь). Никто шведскими древностями этого періода не занимается и никакого интереса онѣ представить не могутъ. И безъ нихъ матеріала болѣе чѣмъ достаточно, матеріала важнаго и поучительнаго. Главный контингентъ мѣстныхъ древностей составляютъ памятники отъ X до XV вв. Подробности древне-русскаго обряда погребенія и анализъ, найденныхъ въ курганахъ предметовъ позволяютъ безъ большаго колебанія отнести эти древности къ новгородскимъ пограничнымъ славянамъ. Съ сѣвера давила на нихъ Чудь и Ижора, финскія племена, сидѣвшія на Невѣ и по Прила-

дожью; на западъ они граничили съ Финскою Емью (эстами), на сѣверо-западъ съ небольшимъ, родственнымъ эстамъ и тавастамъ, племенемъ Водью, давшимъ названіе всей Шятинѣ. Въ настоящее время Водь или Всддьялайзеть занимаетъ небольшое число селеній въ районѣ Петергофскаго уѣзда.

Древности эстовъ разработаны довольно хорошо, какъ и вообще всѣ остзейскія. Памятники Ижоры извѣстны въ весьма скудномъ количествѣ; а водскія древности пока еще не установлены. Нѣкоторые изслѣдователи приписываютъ всѣ мѣстныя древности вожанамъ, но въ сущности типъ водскихъ погребеній еще не извѣстенъ и можетъ быть выясненъ только новыми изысканіями. Водь племя невеликое, никогда въ исторіи не выступавшее въ сильной роли. (Въ 1149 году отрядъ Еми въ 1,000 человекъ нападаетъ на Водскую землю и Водь можетъ съ нимъ справиться только при помощи новгородцевъ).

Славянское сосѣдство, кстати замѣтить, всегда оказывало на финновъ сильное вліяніе и при томъ вліяніе доброе, изъ лѣтописи Генриха Латыша знаемъ, что когда священникъ Альбрайдтъ былъ посланъ съ дружиною и рыцарями въ Ливонію съ предложеніемъ народу принять святое крещеніе, то народъ ливонскій бросилъ жребій и спрашивалъ у своихъ боговъ, которая вѣра лучшая—псковская или латинская. Народъ, очевидно, предпочелъ псковскую, т.-е. православную, и только изъ страха принималъ крещеніе отъ западнаго духовенства.

Для полныхъ заключеній о С.-Петербургской губерніи нужны еще новыя археологическія изысканія, преимущественно въ предѣлахъ Петергофскаго уѣзда; хотя цифра изслѣдо-

ванных древних погребеній Спб. губ. достигла солидныхъ размѣровъ и превышаетъ 6,000, но этимъ все же нельзя ограничиться 1).

Среди мѣстныхъ изслѣдователей первое мѣсто заслуженно принадлежитъ, нынѣ покойному, прозектору Военно-Медицинской Академіи Л. К. Ивановскому, производившему раскопки отъ 1872 до 1892 г., остановленные его смертью.

Изъ другихъ раскопокъ въ Спб. губ. надо отмѣтить раскопку Волховскихъ сопокъ, произведенную Н. Е. Бранденбургомъ. Волховскія сопки—это древнѣйшіе курганы края; время ихъ, судя по найденнымъ въ нихъ предметамъ, относится къ IX и VIII вв. Самыя большія сопки имѣютъ въ вышину 4—5 сажень. Затѣмъ въ Лужскомъ и Гдовскомъ уѣздахъ производились раскопки г. Шмидтомъ, Мальмгреномъ, слушателями археологическаго института и нѣкоторыми другими.

Находками отдѣльныхъ вещей Спб. губ. пока не богата. А. А. Спицынъ указываетъ нѣкоторыя наиболѣе важныя: въ 1875 г. были найдены при д. Княжино, Ново-Ладожскаго уѣзда, вмѣстѣ съ саосанидскими, умейядскими и табаристанскими монетами VI—IX вв., 3 серебряные монетные слитка. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ найденъ громаднѣйшій кладъ арабскихъ монетъ на берегу Ладожскаго озера. Купфическія монеты VII—X вв. были находимы въ Галерной

---

1) А. А. Спицынъ, „Курганы Спб. губ. въ раскопкахъ Л. К. Ивановскаго“. Спб., 1896 г. и мои рефераты въ Императорскомъ Русск. археологич. общ. „Раскопки поолѣднихъ лѣтъ въ курганахъ Водской Пятины“ (1896), „Раскопки 1897 г. въ курганахъ Спб. губ.“: „Новыя данныя о курганахъ Спб. губ.“ (1898), „Къ вопросу о типахъ погребенія въ Спб. губ.“ (1898).

гавани, въ Старой и Новой Ладогѣ, около Ропши, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Въ Старо-Ладожской крѣпости была найдена золотая куфическая монета 738 г.

Находки каменнаго вѣка въ Спб. губ. тоже не многочисленны и приурочиваются къ побережью Ладожскаго озера ¹⁾ и долинѣ р. Луги.

Мѣстонахожденіе кургановъ, изслѣдованіе которыхъ такимъ образомъ представляетъ главную работу, находится, конечно, въ связи съ мѣстомъ древнихъ поселеній, въ свою очередь обусловленнымъ характеромъ мѣстности, изрѣзанной непригодными для жилья моховыми болотами (прежде озерами). Главныя поселенія, оставившія намъ обильнѣйшія курганныя поля довольно разнообразнаго содержанія, были расположены на ровномъ суходолѣ между Царскимъ Селомъ и Ямбургомъ; это плоскогорье проникаетъ въ долину р. Луги, соприкасается съ песчаными лѣсистыми верховьями р. Оредежи (Сиверская) и не доходитъ верстъ на 10—20 до побережья Финскаго залива. Это въ сѣверной части губерніи. Въ южной, болѣе возвышенной, занятой не только новгородцами и псковичами, не мало удобныхъ для поселенія мѣстъ въ системѣ озеръ Вердуга, Сяберское, Череменецкое, Чернозерское и др. ²⁾.

Состояніе и внѣшній видъ мѣстныхъ кургановъ не одинаковы. То огромными полями, поросшими мелкой ольхой и

---

¹⁾ Иностранцевъ. «Донисторическій человекъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера». Спб. 1882.

²⁾ А. А. Спицынъ. «Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи» („Записки Имп. Русск. археол. общ.“).

³⁾ Особенно страдаютъ полевая группа при пахотѣ.

орѣшникомъ, многими сотнями сплошь унижаютъ они десятки десятинъ, то небольшими группами (5—20), или одиноко маячатъ они посреди пашни; иной разъ представляютъ они свѣжіе, крѣпкіе, словно вчера сложенные конусы до 2 саж. съ высокой вершиной и правильной, рѣзко обозначенной каменной обкладкой основанія, въ другихъ же случаяхъ вершина оказывается глубоко осѣвшею—сама насыпь осунулась, пригорюнилась или же представляется только небольшимъ неправильнымъ расплывшимся возвышеніемъ, такъ что работники отказываются разрывать его, увѣряя, что это кротъ нарыль. Проѣзжая по деревнямъ, нерѣдко приходится ѣхать по какимъ-то еле примѣтнымъ буграмъ и только заѣзженное каменное кольцо основанія напоминаетъ объ исчезнувшемъ курганѣ. Многія насыпи поросли лѣсомъ, деревья насквозь пронизали ихъ своими корнями; невольно вспоминаются курганныя сосны при деревнѣ Черная (Царскосельскаго уѣзда): коренастая, любовию сбняли онѣ насыпи своими мощными корнями. Сосны эти хранятся преданіемъ, что на смѣльчака, отважившаго рубить одну изъ нихъ, налала «трясучка».

Почти возлѣ каждой деревни можно отыскать большую или меньшую курганиую группу, но, несмотря на ихъ обиліе, разспросить о нихъ у мѣстныхъ крестьянъ подчасъ не легко—надо узнать излюбленныя ими выраженія; если вмѣсто «старой кучи» спросите о курганѣ или бугрѣ, то васъ ни за что не поймутъ. Однажды, вмѣсто городка, я спросилъ городище—и отъ присутствія его немедленно отказались. Среди мѣстныхъ названій кургановъ особенно употребительны: сопка, каломище (финское *calm*—погребальный холмъ), старая куча, шведская могилка, бугоръ,

гора, колониетское кладбище (если погребенія безъ насыпи). Эты укажутъ вамъ курганы, если спросите *va pa aut*, старую могилу.

II.

Въ маѣ, какъ засѣются яровыми, можно приниматься за работу. Подается соотвѣтствующее прошеніе въ Императорскую археологическую комиссію; въ отвѣтъ на него полученъ открытый лнстъ. Сбрасывается тѣсный городской костюмъ; извлекаются высокіе сапоги, непромокаемые плащи; стирается пыль и ржавчина со стального совка съ острымъ концомъ—непремѣннаго спутника археолога. *нет*

Прежде самой раскопки, надо съѣздить на развѣдки, удостовѣриться въ дѣйствительномъ присутствіи памятника. Не полагаясь на свѣдѣнія разныхъ статистикъ, перекочиваете вы отъ деревни до деревни на „обывательскихъ“ коняхъ съ лыкомъ подвязанными хомутами и шлеями. Всматриваетесь буквально во всякій камешекъ; изслѣдуете подозрительные бугорочки, забираетесь въ убогіе архивы сельскихъ церквей; подчасъ, ко всеобщему удовольствію, дѣлаетесь жертвой какой-нибудь невинной мистификаціи. Мѣстами васъ встрѣчаютъ подозрительно: *Сил*

— Никакихъ, ваше высокоблагородіе, изстари древнихъ вещей въ нашей окрестности не предвидится. Все бы оно оказывало.

— Сами посудите, баринъ, откуда мужику древнія

вещи взять? Ни о какихъ древнихъ вещахъ здѣся и не слыхано.

Если же вы пришли по нраву, оказались „баринномъ добрымъ“, „душой—человѣкомъ“, то вамъ нечего будетъ принуждать къ откровенности собесѣдниковъ. Вечеромъ, сидя на заваленкѣ, наслушаетесь вы любопытнѣйшихъ соображеній, наблюденій естественно-научныхъ, повѣрій, наивныхъ предположеній. Сперва изъ осторсжности прибавятъ: „такъ зря болтаютъ“, или „бабы брешутъ“, а потомъ, видя ваше серьезное отношеніе, потечетъ свободный разговоръ о старинѣ, о кладахъ, о лихихъ людяхъ-разбойникахъ.

Но не дай Богъ попасть въ руки книжнаго вслостного писаря или словоохотливаго попа; тутъ каждое дѣльное свѣдѣніе придется покупать цѣною выслушиванія безконечныхъ замысловатыхъ повѣствованій:

— По одну сторону рѣчки-то слегло славянство,—гвардія, народъ рослый, а по другую-то — мордва и черемисы. Черепа недавно еще находили. А вотъ въ Лохсвѣ не такъ давно были ступени плитныя древнѣйшаго храма языческаго, а по близости нашли срубъ, изъ него разные предметы добывали. Въ настоящее время ступени выломаны на плиту, а срубъ, заваленъ камнями—извѣстно: дуракъ народъ!

— Степи! Степи!—воскликаетъ другой,—знаете ли вы, господа археологи, откуда степи взялись? Неужто такъ и сотворилъ Господь Богъ плѣшину на лоиѣ земномъ? Извольте видѣть этотъ полъ? Вотъ окурокъ, вотъ крошки, вотъ лепешка изъ-подъ каблука и вездѣ пыль. Беру я теперь эту метлу и провожу по полу—ни окурковъ, ни грязи не бывало. Провожу еще разъ—крошки исчезли. Махнемъ въ третій—и пыли не видно, развѣ гдѣ по щелкамъ забралась—

по овражкамъ кустики. Идутъ это по землѣ гуннскіе народы; идутъ еще... готты, вандалыцы! Нивѣсть кто идетъ: и печенѣги, и половцы, и татары; чище всякой метлы или щетки отполируютъ, выскребутъ на удивленье, — пылинки въ щелкѣ не оставляютъ, кустика не увидишь! И кого только не носила мать сыра-земля. Многое, какъ говорится, не снилось мудрецамъ! Столько сокрыто въ нѣдрахъ земныхъ; вотъ хоть бы сопки, что подлѣ Заполья, на самихъ огородахъ, скажу, довольно достопримѣчательныя, вещицы находили тамъ очень фили... фили... какъ это говорится то?

— Филиграновыя или филистерскія?

— Вотъ, вотъ именно!

— Да, занятное дѣло—старинное время, — повѣствуетъ третій, — все то разгадать, все то произойти! Какъ вы полагаете, что такое райское блаженство будетъ? Это, какъ вамъ сказать, вѣчное безпрепятственное познаніе, недоступное для насъ въ настоящей суетной жизни. Одни то будутъ познавать—наслаждаться, блаженствовать, а другіе то зубы на полку, что на землѣ узнали того и хватить. Коли ваше желаніе будетъ, интересное мѣстечко могу я вамъ указать. Изволите ли вы знать городокъ подлѣ Селищенской деревни—ну, просто скажу, бугоръ, такой не малый. А рядомъ съ нимъ и сопочка кругленькая, на восточную сторону. Жилъ въ этомъ городкѣ задолго когда-то князь не князь, а князекъ. Была дочка у него красавица. Красавица такая—теперь такихъ и не найдешь! Извѣстное дѣло, нонче какой народъ пошелъ—мозглякъ! Прежде не то было—богатыри, что твой Илья Муромецъ. Только, не знаю съ чего, возьми заболѣй красавица эта, да и отдай Богу душу въ этомъ самомъ городкѣ. Ее похоронили знатно. Бѣдь и тогда не-

бось франтихи были, что и теперь. А князекъ-то не пожелалъ больше въ этихъ мѣстахъ жить. Солочка то подлѣ самаго бугра, еще ручей Черченомъ называется...

Повыудивъ, что можно дѣльнаго изо всѣхъ подобныхъ разсказовъ, вы приступаете къ самой работѣ.

III.

Грудой почернѣвшаго лѣса и побурѣлой соломы раскинулась невеликая деревенька. Часа четыре утра. Пѣтухи перекликаются. Пастухъ затрубилъ—выгоняютъ скотину. Въ сѣняхъ, слышно, вздуваютъ самоваръ; кто-то пробѣжалъ босыми ногами. Староста—у него вы остановились—будить васъ. Стекла запотѣли—свѣжо на дворѣ. Зубы самовольно выстукиваютъ что то воинственное. Вы вздрагиваете—умываясь холдсисей водой. Народъ уже собрался. Ломы, кирки, лопаты, топоры—необходимые раскопчныя снряды—всѣ въ исправности. Пстянулась шумная гурьба къ курганамъ, что раскинулись невдали отъ жилья. Небо безъ облачка. Изъ за лѣса сверкаетъ солнышко. Приятно бодрить студеный утренникъ.

Весело!

Изъ деревни много люду идетъ за нами сами по себѣ—посмотрѣть. Авангардъ мальчишекъ на рысяхъ далеко впереди. Не знаю, какое другое дѣло возбуждаетъ такое же неподдѣльнсе любопытство, какъ раскопки и рассказы о древностяхъ. Ни горячая страда, ни жара, ни гроза—ничто не осилить его.

Пока идетъ незанимательная работа вскрытія верхней части насыпи, говоръ гудитъ не переставая.

— Слышь ты, тутъ шведское кладбище!

— Ну, да, извѣстно не русское; русскіе такъ не хоронятъ.

— Дядя, Федоръ,—толкаетъ бойкая, задорная дѣвка-копальщица,—здѣсь колонисты?

— Вотъ я-те выкопаю колониста, въ акуратъ будешь!

— Что-й-то тутъ испытаніе никакъ?—шамкаетъ древній дѣдъ, пробираясь въ толпѣ.

— Слышь, дѣдушко! Котель нашли съ золотомъ. Каждому мужику по 100 рублей выдавать будутъ, а дѣду не дадутъ.

— Это дѣдкѣ могилу копаютъ,—толкаетъ дѣда баловница-дѣвка,—и ложись, дѣдка, тутъ тебѣ и попоемъ!

— Эхъ, эхъ и насъ то, поди, раскопаютъ. Косточкамъ то успокоиться не дадутъ!

— Такъ не найдете,—совѣтуетъ пожилая баба,—въ Семкинѣ солдатскій докторъ бугры^о перекапываль, такъ у него живое серебро было. Наставитъ онъ его на могилу, оно побѣжить, побѣжить, да и станеть, и гдѣ станеть, тамъ и копай. И всегда находили.

— Да что находили то, дура баба, развѣ дѣльное. Одну только серебряну цѣпочку нашли!

Въ сторонѣ слышится тихій разговоръ.

— Въ Красной одного сидячаго нашли; рядомъ ложка чугунная положена и ножикъ. Въ головахъ то горшокъ.

— Только поужинать собрался, а тутъ его и накрыли!

— Въ Хлѣбниковой дачѣ мостъ оказался черезъ Ржавую мшагу, на сажень его туда засосало. Слышно, тамъ война шла. Вотъ потопнуть то можно...

— А вотъ мы заправду чуть не потопли. Приходить ко мнѣ это разъ Васька Семеновъ; слышь ты, говоритъ, нашла я сопку у Вязовки, невдали отъ Княжой Нивы. Кругленькая, хорошая сопка и огонекъ по ней порхаешь. Кладъ—безпремѣнно. Собьемъ-ка артель, да раскопаемъ. Вдвоемъ то неспособно: и сопка то больша, въ сажень казенную будеть, да, пожалуй, и страхи пойдуть. Ладно! Сбили мы артель, пошли. Сопка правильная и отъ рѣчки недалеко. И насыпана она не проста: кругомъ выложена камнемъ, сверху песокъ, да земля; потомъ прутнякъ—уже перегной. За нимъ хвощъ, да гнила. Дерево сгорѣвшее и негорѣлое. Видимъ—уже грунтъ показался. Васька шупомъ хватилъ внизъ—слышитъ грохъ—дерево, значить. Хватилъ правѣе—звякнуло что-то, значить близко. Свечерѣло уже. Только смотрю я, сочится съ боковъ вода и снизу точно проступаетъ. Васька и Федоръ нагнулись, руками шупаютъ,—нащупали дерево, тянуть на верхъ—не идетъ, будто держать его. Еще потянули, глядятъ—старая, престарая доска—сопрѣвши вся. И хлынула изъ-подъ той самой доски вода. Ключъ открылся; пошла садить; ужъ не то что кладъ—сами то рады изъ ямы выбратъся. Ударишь шупомъ—звякаетъ что-то, котель что ли!

— Такъ и не допустила вода?

— Еще бы тебѣ допустить. Оно, вѣдь, тоже заклиятъ какое положено! Вотъ въ Березовскомъ прудѣ золотая карета ¹⁾, да 5 стволонъ золота опущено, старики въ ясные дни еще

---

¹⁾ Преданіе о золотой каретѣ обще всей мѣстности. Очевидно, какъ преданія о вольницѣ повліяли на Поволжьи въ смыслѣ зарытыхъ лодокъ съ золотомъ, такъ присутствіе высокыхъ особъ дало поводъ къ розыскамъ золотой кареты.

видали чуть-чуть! А поди-ка вытащи. Всѣмъ знатко, а не взять, потому заклятье, зарокъ.

— А вотъ Петра изъ Красной, тотъ такъ взялъ кладъ.

— Поди ты взялъ, брешеть твой Петра; можетъ онъ и нашель чугуиннкъ старый, что пастухи бросили, да только...

— Да что только-то, вѣдь не самъ онъ, а дѣльные люди сказываютъ, что и впрямъ взялъ.

— Пуще разбогатѣлъ Петра, какъ и не у насъ грѣшное тѣло изъ локтей смотреть. Богатѣй!

— Въ прокъ ему не пошло, значить—зароку не зналъ.

— Господинъ, евося будто косточка подъ лопатой оказывается,—докладываетъ одинъ изъ копальщиковъ.

Спускаюсь въ яму. Пахнуло свѣже-рытой землей; посвѣжѣло послѣ припека,—солнце уже высоко. Дѣйствительно, изъ-подъ лопаты торчитъ желтобурая берцовая кость; торчитъ среди такого же точно песка, какъ и вся маоса насыпи, словно бы она всегда была только костью безъ верхнихъ покрововъ.

Кость вполне опредѣлила положеніе костяка. Работа пошла осторожнѣй. Обнаружилнсь руки, сложенные у лоннаго соединенія. Предплечье окислилось, позеленѣло—признакъ близости бронзы, которая и оказывается въ согнувшейся тонкой, витой браслеткѣ.

— Бруслетка! Смотри-ка, эка штучка-то акуратная! Тоже издѣлье!—проносится среди любспытныхъ и, давя другъ друга, вся ватага устремляется къ кургану, жметсѣ къ вершинѣ.

Въ ямѣ потемнѣло. Зола, на которой лежать кости, кажетъ синѣе: строже глядять черепъ земляными очами. Нижняя, удивительно развитая челюсть далека отвалилась,

съ осѣвшей землею, въ сторону. По бокамъ черепа показались височныя кольца добрыхъ вершка два по діаметру.

Летятъ ксмки земли. Мужскія костяки чередуются съ женскими. Долихокефальные черепа смѣняются брахикефальными. Вмѣсто копій, топоровъ, мечей, ножей, умбоновъ, щитовъ, являются гривны, серьги, браслеты, кольца, бляшки, многоцвѣтныя бусы, остатки косъ. Полное трупосожженіе уступаетъ мѣсто погребенію въ сидячемъ положеніи. Высокіе курганы замѣняются жальничными клѣтками (погребеніе въ могилѣ безъ насыпи). Разнообразіе нескончаемое!

Щемяще пріятное чувство первому вынуть изъ земли какую-либо древность, непосредственно сообщиться съ эпохой давно прошедшей. Колеблется съдой вѣковой туманъ; съ каждымъ взмахомъ лопаты, съ каждымъ ударомъ лома раскрывается передъ вами заманчивое тридешатое царство; шире и богаче развертываются чудесныя картины.

IV.

Словно бы синій становится небо. Ярче легли солнечныя пятна. Громче заливается вверху жаворонокъ. Привольное поле; зубчатой стѣной заслонилъ горизонтъ великанъ лѣсъ; всталъ онъ непроглядными крѣпями, со звѣрьемъ— съ медвѣдями, рысями, сохатыми. Стонуть по утрамъ широкаго заводья и мочежины отъ птичьяго крика. Распластались по поднебесью беркуты. Гомонять журавлиныя станицы, плывутъ треугольнички дикихъ гусей. Полноводныя рѣки несутъ долбленныя челны. На крутыхъ берегахъ защищенные

валомъ и тыномъ, съ насаженными по кольямъ черепами, раскинулись городки. Дымятся рѣдкія деревушки. На сухо-долѣ маячатъ курганы; нѣкоторыя насыпи перосли уже зеленью, а есть и свѣжія, ровныя, со стараньемъ обдѣланныя. Къ нимъ потянулась по полю вереница людей.

У мужчинъ звѣровые шалка, рубахи, толстыя шерстяные кафтаны, по борту унизанные хитрымъ узоромъ кольчужнымъ, быть можетъ ватмаломъ ¹⁾. На ногахъ лапти, а не то шкура, въ родѣ поршней. Пояса мѣдные, наборные; на поясѣ все хозяйство—гребешокъ, оселокъ, огниво и ножикъ. Ножъ не простой—завозной работы; ручка мѣдная, литая; кожаная ножны тоже обдѣланы мѣдью съ рытымъ узоромъ. А другой, ничего что мирное время, и мечъ нацѣпилъ, вымѣнянный отъ полунощныхъ гостей ²⁾. На вороту рубахи мѣдная пряжка. Пола кафтана тоже на пряжкѣ держится, на лѣвомъ плечѣ; кто же побогаче, такъ и пуговицы пряжкой прихватить.

На предплечьи изрѣдка блеститъ витой мѣдный браслетъ. На пальцахъ перстни разные, есть очень страннаго вида, съ огромнымъ щиткомъ, во весь суставъ пальца. Заросли загорѣлыя лица жесткими волосами, такими волосами, что 7—8 вѣковъ пролежать имъ въ землѣ нипочемъ. А зубы-то, зубы—крѣпкіе, ровные.

На носилкахъ посаженъ покойникъ, въ лучшемъ нарядѣ; тѣло подперто тесинами. Въ тактъ мѣрному шагу степенно киваетъ его суровая голова и вздрагиваютъ сложенные руки. Вслѣдъ за тѣломъ несутъ и везутъ плахи для костра, для

¹⁾ Ткань, которой торговали исландцы XII-го вѣка.

²⁾ Скандинавскаго типа.

тризны козленка и прочую всякую живность. Женщины жалостно воютъ. Почтить умершаго—разодѣлись онѣ; много чего на себя понавѣшали. На головахъ кокошникомъ, вѣчки серебряныя съ бляшками. Не то мѣховыя, кожаныя кики, каптури, съ нашитыми по бокамъ огромными височными кольцами; это не серьги,—такимъ обручемъ и уши прорвешь, Гривны на шеѣ; иная щеголиха не то что одну, либо двѣ три гривны заразъ одѣнетъ: и витыя, и пластинныя: мѣдныя и серебряныя. На ожерельяхъ бусы, хоть и немного числомъ, но сортовъ ихъ не мало: мѣдныя глазчатая, сердоликовыя, стеклянныя бусы разныхъ цвѣтовъ: синяя, зеленая, лиловая и желтая; янтарныя, хрустальныя, мѣдныя пронизки всякихъ сортовъ и манеровъ—и не перечесть всѣхъ веденецкія издѣлья. Еще есть красивыя подвѣски для ожерелій—лунницы рогатыя и заводные крестики изъ Царьграда и отъ заката.

На груди и въ поясу много всякихъ привѣсокъ и бляшекъ: вмѣсто бляшекъ видны и монеты: восточныя или времянъ Канута Великаго, епископа Бруно. Подвѣски-собачки, знакомыя чуди, ливамъ и курамъ; кошки—страшныя съ разинутой пастью, излюбленныя уточки, вѣдомыя многимъ русскимъ славянамъ. У дѣвокъ ниже пояса на ремешкахъ спускаются эти замысловатые знаки, звенятъ и гремятъ на ходу, привѣшанными колокольчиками и бубенчиками; священный значекъ хранить дѣвку.

На рукахъ по одному, по два разныхъ браслета, и узкіе и витые, и широкіе съ затѣйливымъ узоромъ. Подолы рубахъ, а можетъ быть и воротъ обшиты позументикомъ или украшены вышивкой. У нѣкоторыхъ женщинъ накинута кафтанчикъ, на манеръ шушуна, но покороче.

Опустили носилки. Выбрано ровное мѣстечко, убито, углажено, выложено сухими плахами. Посрединѣ его посаженъ покойникъ; голова безсильно ушла въ плечи, руки сложены на ноги. Съ боку копье и горшокъ съ кашей. Смолистая плахи все выше и выше обхватываютъ мертвеца, ихъ заправляютъ прутнякомъ и берестой—костеръ выходитъ на славу. Есть гдѣ разгуляться огню! Зазмѣился онъ мелкими струйками, повѣяло дымомъ. Вудто блеснуло изъ полузакрытыхъ вѣкъ. въ послѣдній разъ освѣтилось строгое, потемнѣвшее лицо... Вдругъ щелкнуло. Охнулъ костеръ, столбомъ взлетѣли искры, потянулись клубы бурога дыма.

Загудѣла протяжная, тоскливая погребальная пѣсня. Отпрянулъ въ сторону вороиъ, зачужавшій сирадъ горѣлага мяса. Важно и чинно усѣлись кругомъ именитые родичи, понуривъ на посохи сѣдые головы. За ними столпились другіе, пока весь костеръ не обратится въ кучу углей и золы съ черными пятнами жира въ срединѣ. Тогда заработаютъ заступы, понесутъ землю и пригорошнями, и подолами. Втроемъ, вчетверомъ покатытъ къ костришу не малые валуны гранитные; ихъ много по окрестисй равнинѣ, сѣрые, бурые, красноватые, всякихъ размѣровъ—дары Силурійскаго моря. Обровняли края костриша, чтобы представляло оно довольно правильный кругъ. Въ былыхъ ногахъ и головахъ ушедшаго къ предкамъ, ставшаго чуромъ блаженнымъ, кладутся особо большіе дикіе камни и приходится они всегда на восходъ и закатъ, ибо лицо умершаго всегда обращалось въ священную сторону, откуда весело кажется міру вѣчный могучій ярило—красное солнышко, отъ него идутъ блага тепла, а съ нимъ плородія.

Быстро растеть възвышеніе; насыпь сыплють не изъ

разной, какой попало, земли, съ кореньями, съ сорными травами, а изъ чистаго песка или плотнаго суглинка. Если же захотятъ на вѣчныя вѣка сохранить память о родичѣ— не полѣнятся весь погребальнѣй холмъ сложить изъ дерновой земли. Наносятъ воды изъ сосѣдней рѣки, смочать его, такъ уплотняютъ, словно бы чуютъ, что когда-то чужіе ломы и кирки будутъ добираться до роднаго праха. Ну дерновая насыль можетъ постоять за себя; вмѣсто широкой рѣки съ ярами и обрывами, чуть примѣтная сухая ложбинка; свалился старикъ-боръ, а насыль все побѣдно держитъ высокую вершину, будто чуръ ходить за ней, бережетъ ее ⁴⁾.

Сложили насыль, аршина въ два вышиной. Довольно. Пепломъ еще засыпали, принесли его съ собой изъ дому; отъ роднаго очага не отлучился бы чуръ-домовой. Сверху еще землей забросали, выравнивали правильный конусъ, поправили валуны въ основаніи, чтобы одинаково торчали. Заботливо обошли кругомъ, разокъ посмотрѣли. Готово!

Въ почернѣвшее вечернее небо, въ косматыя облака опять понесли струи бурога дыма; заблестѣли яркія точки костровъ. Идетъ тризна. Заколотъ козленокъ, надъ огнемъ мѣдныя котлы повѣшены. Поминаютъ родича и досидятъ, пожалуй, пока и мѣсяцъ изъ за лѣса глянетъ и свѣтомъ своимъ заспоритъ съ кровавымъ пламенемъ. Страшнѣй и мохнатѣй кажутся волосатыя лица, жиромъ блестящія бороды, губы и мускулистыя руки. Звенять о кости ножи.

---

⁴⁾ Насыпи, сложенные изъ дерновой земли, отличаются удивительною прочностью. Каждый комъ земли приходится брать энергичнымъ ударомъ лома. Дерновая земля чаще встрѣчается въ волховскихъ курганахъ. Суглинокъ тоже довольно стойко держится.

брякають черепки горшковъ.—опять, теперь въ иочной тишинѣ, вдалѣ потекла поминальная пѣсня.

Блестить заходящій мѣсяцъ на рукояти меча, сверкаетъ на бусахъ и гривнахъ; мутными пятнами рисуются бѣлыя рубахи уходящихъ домой поминальщиковъ. Не умереть добрая слава покойнаго! Гдѣ же ей помереть? Великъ его родъ; вѣчно будетъ отъ времени до времени правиться тризна; не забудутъ досыпать осѣвшую насыпь! Рѣютъ, неслышно опускаются на остатки ѣды, на козлиныя кости вѣщіе вороны, и они справятъ тризну.

Л

Изъ-подъ облака все видитъ воронъ; смотреть поверхъ высокаго тына городка, что торчитъ на сосѣднемъ бугрѣ. Свѣтлой лентой извиается быстрая рѣчка, одинъ берегъ ровный, покрытый сочной травой и чащей, другой берегъ высокій, къ рѣкѣ спуски крутые, обвалы,—песчаные и глинистые оползани! Въ рѣчку впадаетъ студеный ручей, тоже немаленькій. Слилиса они, съ двухъ сторонъ, охватили вплотную продолговатый холмъ, вышина его по откосу сажени 4—5. Въ рѣдкомъ мѣстѣ природа создаетъ такую искусную защиту! На этомъ холмѣ и поставили городъ. Отсчитали отъ мыса шаговъ сотни двѣ, перерыли холмъ канавой. рвомъ—землю сложили валомъ; на валу тынъ поставили изъ славныхъ рудовыхъ бревенъ; концы обтесали, натыкали на нихъ черепа звѣриныя, а то и людскіе на устрашенье врагу! По угламъ срубы поставили, покрыли ихъ соломой

и рѣчнымъ тростникомъ. Состроили вышку—смотрѣть и наблюдать за вражьими силами или чтобы поднять на ней высокій шестъ, съ привязаннымъ пуконъ зажженной соломы, окрестность повѣстять объ опасности. Городъ—мѣсто военное, въ мирное время тутъ не живутъ. Видѣлъ воронъ и другое! Видѣлъ, какъ пылалъ тынъ города, шла сѣча! Грызлись и рѣзались на смерти! Напрасно варомъ кипящимъ обливали напавшую рать; городъ палъ! Помнилъ это воронъ—пировалъ онъ тутъ сыто.

Пировалъ онъ также остатками богатой яствы, что бывала на лѣсныхъ холмахъ, далеко отъ жилья, куда собирались люди молиться, приносить жертвы богамъ. Уже и кресты были на шеяхъ, а все посѣщались давнія излюбленные мѣста ¹⁾).

И клады знакомы воронамъ! Не найдешь ихъ, если тебѣ не вѣдомы древнія книги и записи, что о нихъ говорятъ. Писали тѣ книги старые люди. Клады лежатъ по укромнымъ мѣстамъ. Знаютъ наказы о кладахъ не только вороны, но и многіе старые люди, а кладовъ все не найдутъ. Вѣрно. положенъ на нихъ кровавый зарокъ ²⁾).

¹⁾ Схема описанія городка взята съ натуры. Въ Царскосельскомъ уѣздѣ существуетъ именно такой городокъ. На валу раскопкою обнаружены остатки сожженного оборонительнаго сооруженія, тына. На самой площади городка, теперь густо поросшей лѣсомъ, оказалось только нѣсколько грубосложенныхъ очаговъ. Слѣдовъ жилищъ вовсе не найдено. По всей окрестности извѣстны многіе лѣсные холмы, обыкновенно обильно покрытые камнемъ; на глубинѣ $\frac{1}{4}$ арш.— $\frac{1}{2}$ арш. находится обильный уголь и зола. Предметовъ на подсѣсныхъ холмахъ не найдено. Про нихъ въ народѣ ходитъ смутное преданіе, что «тутъ что-то было», «собирались молиться».

²⁾ Такія записи кладовъ дѣйствительно ходятъ въ народѣ. Мнѣ

Видѣли вороны и дубы старинные, развѣсистые; собираются подъ ними окрестные люди вершить мірскія дѣла; собираются и въ праздники: сидятъ старики на могучихъ корняхъ. Молодежь ведетъ хороводы, въ лѣсъ, за ближнее озеро несется:

«Ой дидъ, ладо...»

Подъ Ивана Купалу ярко горитъ здѣсь купальскій огонь, прыгаютъ черезъ него ларами; освящаетъ огонь эти пары на вѣчный союзъ. Исконный обычай ³⁾).

Еще извѣстны преданія о правалившихся церквахъ, о землянкахъ разбойниковъ; въ погостъ Грызовъ, Царскосельскаго уѣзда, рассказываютъ, что основаніе существующей церкви положено Петромъ Великимъ, послѣ какой-то стычки, собственноручно поставившимъ на этомъ мѣстѣ деревянный крестъ. Какъ видно, и прозанческая С.-Петербургская губ. тоже занимается своей стариной, не говоря уже о прекрасныхъ памятникахъ Екатерининскаго и Александровскаго времени.

однякъ мужичекъ предлагалъ купить такую книжку, купленную имъ отъ стараго нищаго. Рукопись была писана на русскѣмъ, польскомъ и вѣстонскомъ языкахъ. Вишнія даты, повидимому, списаны съ природы.

³⁾ Въ Царскосельскомъ уѣздѣ указываютъ мѣста, гдѣ по преданію нѣкогда стоялъ огромный дубъ, подъ который собирались изъ мѣстныхъ поселеній. Мѣсте красивое, высокое; недалеко озеро, судя по берегамъ, бывшее прежде значительно больше. Раскопкою обнаружены сгнившіе остатки толстыхъ дубовыхъ корней, на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи найдены груды золы, толщиной до $\frac{1}{2}$ арш.— мѣста старинныхъ костровъ. Въ золѣ оказались черепки горшковъ, если не соответствующихъ таковымъ отъ XII вѣка, то все же далеко не современнаго строя. По словамъ вѣрныхъ людей, бывший старикъ, умершій лѣтъ 20 назвдъ, помнилъ остатки этого дуба, къ нему собирались по праздникамъ хороводы водить. Если это такъ, то какъ долго прожилъ древнѣйшій славянскій обычай!

VI.

Возвращаясь къ курганамъ, нельзя не замѣтить, что въ нихъ особенно ярко отличаются два періода. Первый—XI—XII вв.; второй—XIII и XIV. Первый періодъ характеризуется полнымъ трупосожженіемъ или погребеніемъ несожженного костяка, въ сидячемъ положеніи, при чемъ подробности погребенія мы уже видѣли.

Въ верхней части насыпи встрѣчаются послѣдовательные слои золы, иногда перемѣшанной съ костями жертвенныхъ животныхъ; неизвѣстно, слѣды-ли это погребальнаго обычая, требовавшего переполойки золою насыпи во время самаго ея устройства, или же это остатки тризны. Если только это слѣды тризны, то первоначальная величина насыпи со временемъ сильно выросла, благодаря насыпанію свѣжей земли надъ золою. Насыпи съ полнымъ трупосожженіемъ доходятъ до насъ въ видѣ полушаровидныхъ, очень расплывшихся возвышеній, со втянувшимися внутрь валунами основанія. Погребеніе въ сидячемъ положеніи даетъ довольно хорошо сохранившійся курганъ, но съ сѣвшей вершиней, опустившейся при осѣданіи костей.

Второй періодъ (XIII и XIV в.в.) характеризуется размѣщеніемъ трупа въ сидячемъ или лежащемъ положеніи въ неглубокой грунтовой могилѣ. Чтобы сохранить для погребяемаго требуемое обычаемъ положеніе, рыли небольшую овальной формы яму такого размѣра, чтобы трупъ могъ помѣститься въ ней сидя, или складывали соотвѣтствующую

кучу камней, для этой же цѣли служили иногда и деревянные плахи. Трупъ забрасывался вынутой изъ ямы землей и пескомъ, послѣ чего образовавшееся небольшое возвышеніе посыпалось остатками поминокъ и углей, затѣмъ воздвигалась насыпь съ каменнымъ кольцомъ въ основаніи, причемъ на в. и з. (въ голсвахъ и ногахъ) помѣщались валуны, особо большой величины. Къ этому же періоду должны относиться погребенія выше материка и погребенія въ лежащемъ положеніи на поверхности земли, причемъ зольный слой основанія перерождается въ двѣ зольныя кучки по бокамъ головы. Наверху кургановъ, описанныхъ типовъ второго періода, нерѣдко были поставлены каменные четырехконечные кресты, такъ называемой новгородской формы.

Въ группахъ кургановъ XIII и XIV в.в. встрѣчаются погребенія въ грунтовыхъ могилкахъ, безъ верхнихъ насыпей; въ ямахъ, окаймленныхъ по краю линією валуновъ. Несомнѣнно, что подобныя каменные могилы (или какъ ихъ называетъ народъ мѣгилы), есть перерожденные курганы.

Сдѣланныя описанія представляютъ собою только грубую схему, на дѣлѣ же встрѣчается разнообразіе удивительное. Живо представляешь себѣ заботливья погребенія родичей объ умершихъ. Одни стараются отмѣтить прахъ его особо великими валунами; другіе выкладываютъ всю поверхность насыпи мелкимъ булыжникомъ, третьи, устраивая курганъ, сажаютъ покойнаго на чурбанъ и подпираютъ его досками. Яркую картину рисуетъ указанное Иваиовскимъ погребеніе, гдѣ рядомъ съ мужскимъ костякомъ, оказался женскій, на черепѣ котораго была огромная рана, нанесенная топоромъ, или встрѣченный мною случай, въ которомъ мужской черепъ, покрытый старыми боевыми рубцами,

былъ просѣченъ, а по правую руку помѣщался женскій костякъ.

Сколько таинственнаго! Сколько чудеснаго! И въ самой смерти безконечная жизнь!

Предметы, найденные въ курганахъ, мало отличаются отъ сосѣднихъ земель, прибалтійскихъ мѣстностей въ особенности, техникою, формою, или разнообразіемъ типовъ; однако, мы видимъ живой обмѣнъ и можемъ установить существованіе промысловъ.

Кромѣ вышеотмѣченныхъ предметовъ, надо упомянуть еще нѣсколько подчеркивающихъ характеръ древняго обихода XI, XII в.в. Пуговицы очень рѣдки и всѣ имѣютъ обыкновенный типъ, грушевидный съ ушкомъ. Пряслицы изъ краснаго шифера; по формѣ и матеріалу онѣ совершенно тождественны съ таковыми издѣліями кургановъ Днѣпровскаго бассейна. Вѣски, начиная съ X вѣка, попадаются на широкомъ пространствѣ.

Въ смыслѣ окрестныхъ аналогій, такой же обрядъ погребенія, какъ и въ Петербургской губерніи, встрѣченъ въ Псковской, Витебской, Смоленской, Новгородской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Изъ древностей, извѣстныхъ въ Сѣверной и Средней Россіи, предметы, найденные въ курганахъ Водской Пятины, имѣютъ близкое отношеніе къ находкамъ, обнаруженнымъ въ курганахъ Новгородской, Тверской, Костромской, Ярославской и Московской губерніи. Нельзя изумляться обильному присутствію древностей эстовъ, ливовъ, куровъ, чуди приладожской и финляндской, а также элементамъ восточному и скандинавскому.

Въ Новгородской области, съ Поморья, вдоль береговъ Балтійскихъ губерній, по Волхову и Ильменю, шель великій

водный путь торговый, путь дружинъ изъ «Варягъ» въ «Греки». Вспоминая постоянную восточную, цареградскую струю и притокъ съ сѣвера культуры скандинавской, становится яснымъ разнообразіе культурныхъ вліяній въ области новгородскихъ славянъ, пожалуй, не уступающихъ въ этомъ отношеніи югу, такъ что одиобразнаго состава и единоплеменнаго происхожденія нельзя и искать среди предметовъ изъ курганныхъ насыпей С.-Петербургской губерніи, изслѣдованіе которыхъ еще никакъ нельзя считать законченнымъ; теперь остается детальная работа, выработка мелочей, усиливающихъ общую картину.

VII.

Отъ кургана до кургана, отъ группы до группы перебираетесь вы. Та же благодушная толпа, тѣ же прибаутки и шуточки. Солнопекъ смѣняется прохладнымъ дождикомъ, чаще шумить вѣтеръ, дорога начинаетъ бухнуть и киснуть; листья желтѣютъ, облака висятъ надъ горизонтомъ сизыми грудами—осень чувствуется. Лучшая пора для раскопки май, іюнь до Иванова дня, до покоса, и затѣмъ августъ, послѣ посѣва, и часть сентября.

Похудѣли тюбики красокъ, распухли альбомы и связки этюдовъ, наполнился дневникъ всякими замѣтками, описаніями раскопокъ, преданіями, повѣртіями; можетъ быть, и лѣсня старинная въ дневникѣ записана, если только ей посчастливилось не изломаться на отвратительный солдатскій и фабричный ладъ. Тамъ же помянуто добрымъ словомъ

фарисейство какого-нибудь представителя мѣстной администраціи въ смыслѣ охраненія памятниковъ старины; отмѣчено и разрушеніе интересныхъ могильниковъ при прокладкѣ дороги. Много всякаго матеріала, вырастаютъ картины, складываются образы. Пора къ дому!

Послѣ чистаго воздуха, окунулись вы въ пыльное купе вагона; ѣдкій дымъ рвется въ окошко; фонари и пепельницы выстукиваютъ какіе-то прескверные мотивы. Не веселятъ ни господинъ въ лощеномъ цилиндрѣ, съ удивительно приподнятымъ усомъ, ни анемичная барышня въ огромной шляпѣ, украшенной яркимъ вѣникомъ.

Тоскливое чувство пробирается въ сердце.

Если существуетъ рядъ предметовъ, позволяющихъ намъ хоть на минуту вынырнуть изъ омута обихода, заглянуть подальше палатъ и повыше гигантокихъ фабричныхъ трубъ, то археологія не можетъ не имѣть мѣста въ подобномъ ряду.

1898.

ИКОННЫЙ ТЕРЕМЪ.

I.

На Москвѣ въ государевомъ Иконномъ теремѣ творится прехитрое и прекрасное дѣло. Творится въ теремѣ живописное дѣло не зря, какъ-нибудь, а по уставу, по крѣпкому указу, вѣдомому самому великому государю царю и государю патриарху. Работаются въ теремѣ планы городовъ, листы печатные, исполняются нужды денежнаго двора, росписываются болванцы, трубы, печи, составляютъ расчеты, но главная работа — честное иконописное дѣло; ведется оно по разному старинному чину. Всякіе иконные обычаи повелись издавна, со временъ царя Ивана Васильевича, со Стоглаваго собора и много древнѣе еще отъ уставовъ аеонскихъ.

По заведенному порядку создается икона. Первую и главную основу ея положить знаменщикъ и назнаменить на липовой или на дубовой доскѣ рисунокъ. По нему лицев-

щикъ напишетъ ликъ, а долицевщикъ—доличное все остальное: ризы и прочія одѣянія. Завершить работу мастеръ травнаго дѣла и припишетъ онъ вокругъ святыхъ угодниковъ небо, горы, пещеры, деревья; въ проскребку наведетъ онъ золотыя звѣзды на небо или лучи. Златописцы добрымъ сусальнымъ золотомъ обведутъ вѣнчики и поле иконы. Меньшіе мастера: левкашики и терщики готовятъ левкасъ, иначе говоря, гипсъ на клею для покрытія иконной холстины, мочатъ клей, трутъ краски и опять же дѣлаютъ все это со многими тайнамн, а тайные тѣ наказы старыхъ людей свято хранятся въ родѣ и только сыну расскажетъ старикъ, какъ по своему сдѣлать левкасъ или творить золото, не то дастъ и грамоту о томъ дѣлѣ, но грамота писана какой-нибудь мудреной тарабарщиной. Подначальные люди готовятъ доски иконныя, выклеиваютъ ихъ, выглаживаютъ хвощемъ; не мало всякаго дѣла въ Иконномъ теремѣ и меньшему мастеру терщику, не мало и дяку и окольничему, правящему теремное приказное дѣло.

Шибко идетъ работа въ теремѣ. А идетъ шибко работа за то, что великій царь всея Руси Алексѣй Михайловичъ подарилъ иконниковъ окружною грамотою, самъ бывалъ въ теремѣ и часто жалуется тщаливыхъ мастеровъ своею царскою брагою да романеею, платьемъ знатнымъ и всякою прочею милостію. Но не только за царскую ласку идетъ живописное дѣло съ прилежнымъ стараніемъ, а и потому, что дѣло это свято, угодно оно Богу, пріяло честь отъ самаго Христа Господа „аще изволихъ лицо свое на убрूसѣ Авгарю царю безъ писанія начертати“, почтется оно и отъ святыхъ апостоловъ и работаютъ живописное дѣло люди всегда по любви, не по наказу и принужденію.

Утромъ, на восходѣ краснаго солнышка, отъ Китай города изъ Иконной улицы, гдѣ живетъ много иконниковъ, гурьбами, дружно идугъ на работу мастера, крестятся на маковки храмовъ кремлевскихъ и берутся за дѣло. Надѣваютъ замазанные въ краскахъ да въ клею передники, лобъ обвяжутъ ременнымъ, либо пеньковымъ вѣнчикомъ, чтобы не лѣзли въ глаза масляныя пряди волосъ и творять на ногтяхъ или на доскѣ краски. Кто работаетъ молча, насупясь, кто уныло тянетъ стихиры, подходящія подъ смыслъ изображенія, иной же за работой гуторить, перекидывается ласковымъ, либо спорнымъ словомъ съ товарищемъ, но лисьмо отъ такнхъ разговоровъ поруки не терпитъ, ибо знаетъ свое дѣло рука; если же приходится сдѣлать тонкую черту или ографитъ рисунокъ прилежно, то не только споръ замолкаетъ, а и голова помсгаетъ локтю и плечу вести линію, самъ языкъ старательствуется цо губамъ въ томъ же направленіи.

Не божественные только разговоры, а мірскія рѣчи ведутъ иксники и шутки шутятъ, но шутки хорошія, безъ сквернаго слова, безъ хулы на имя Господне и честное художество.

Собрались въ теремъ разныя мастера и жалованные и кормовые и городовые всѣхъ трехъ статей; на статьи дѣлятся цо своему художеству, — иконники первой статьи получаютъ по гривнѣ, мастера второй статьи по 2 алтына по 5 денегъ, а третье-отепенные иконописцы по 2 алтына по 2 деньги. Кромѣ денегъ иконникамъ идетъ и вино дворянское, и брага, и медъ цѣженный, а съ кормоваго да съ хлѣбнаго двора яства и пироги.

Нѣкоторые именитые изографы: Симонъ Ушаксвъ, Богданъ

Салтановъ и другіе прошли не въ теремъ, а въ приказную избу оружейной палаты—тамъ они́ будутъ свидѣтельствовать писаніе новоприбывшаго изъ Вологды молодого иконника и скажутъ про него изографы: навичень ли онъ писать иконное воображеніе добрымъ, самымъ лучшимъ письмомъ, а коли не навичень, то дьякъ объявить неудалому мастеру, что по указу великаго государя онъ съ Москвы отпущень и впредь его къ иконнымъ дѣламъ высылать не велѣно, а жить ему на Вологдѣ попрежнему.

II.

Промежъ работы ведутся разговоры про новую окружную грамоту. Сгорбленный, лысый старикъ изографъ съ картофельнымъ носомъ, важно поднявъ палецъ, самодовольно оглядываетъ мастеровъ и твердитъ мѣсто грамоты,—вѣдно крѣпко оно ему полюбилось:

— „...Тако въ нашей царской православной державѣ иконъ святыхъ писателіе тшаливіи и честніи, яко истинніе церковници церковнаго благолѣпія художницы да почтутся, всѣмъ прочіимъ предсѣданіе художинкамъ да воспримуть и кисть различноцвѣтно употреблена тростию или перомъ писателемъ да предравенствуютъ“. Не всякаго челоуѣка почтить великій государь таково ласковымъ словомъ!

— Да такъ и во вся времена было. Еще Стоглавъ велить почитать живописателей „паче простыхъ челоуѣкъ“.

— А что такое паче? коли передъ простымъ челоуѣкомъ шапку ломаешь, то передъ иконникомъ надо двѣ сломать?

— И кто есть простой человекъ? Я скажу, что самъ бояринъ при живописателѣ человекъ простой, ибо ему Богъ не открылъ хитрости живописной.

— Коли не твоего разума дѣло—не суесловъ: всякому вѣдомо, что есть почитаніе иконописцевъ, честныхъ мастеровъ. Почитаются они и отцами духовными и воеводами и боярами и всѣми людьми,—вступился старикъ,—и похваляется тѣмъ, что самъ антиохійскій патріархъ Макарій челомъ билъ государю на присылкѣ иконъ, вотъ-де какъво русское иконописание, а того не вспомнилъ старый, что патріарху иначе и негдѣ было бы удобнѣе докучиться объ иконахъ. Впрочемъ, это руководѣлію московскихъ изографовъ—не въ укоръ сказано.

Говорять и дивуются мастера, какъ выходецъ шаховой земли изографъ Богданъ Салтановъ поверстанъ по московскому дворянскому списку; такому дѣлу, чтобы иконникъ верстался въ дворяне—еще не бывало примѣра. О Салтановѣ голоса раздѣлились: одни подумали, что пожалованъ онъ за доброе художество, другіе подумали, что за принятіе православной вѣры. Отъ шаховаго выходца Салтанова загсворили и о прочихъ всякихъ иноземцахъ; вспомнили, какъ непочтительно отнеслись нѣкоторые изъ иноземцевъ къ благословенію патріарха и какъ за то патріархъ разгнѣвался и приказалъ имъ по одежѣ быть отличными отъ русскихъ людей. Одни не прочь и за иноземцевъ, а другіе на нихъ,—зачѣмъ-де часто великій государь жалуетъ заморскихъ мастеровъ лучше, чѣмъ овоихъ, а по художеству и свои часомъ, не хуже взбодрятъ.

— Вонъ-поди, Лопуцкаго мастера хвалили, нахвалили, а онъ того доучилъ, что сами ученики его челобитье подали,

какъ мастеръ ихъ живописному мастерству не училъ. И была то не выдумка, а правда, послѣ чего поотнимали у него учениковъ и отдали Данилѣ Вухтерсу.

Особенно нападаетъ на заморокихъ мастеровъ длинный иконникъ, съ ременнымъ вѣнчикомъ на прямыхъ льняныхъ волосахъ; по его рѣчи выходитъ, что нечего инсземцамъ потворствовать, коли своимъ жалованья не хватаетъ, и указываетъ онъ на Ивашка Соловья, иконника оружейной палаты, отставленнаго за скорбь и старость и какъ скитался онъ самъ-четверть съ женишкою и съ робятишки между дворъ, гдѣ день, гдѣ ночь и наги и босы, о чемъ и челобитье писалъ Соловей государю и просился хоть въ монастырь поступить.

Но длинному возражаютъ, на память приводятъ, какъ государь и патриархъ входятъ даже въ самыя мелкія нужды иконниковъ, коли до нихъ дѣло доходить:

— Такъ-таки и отписалъ патриархъ: Артемъ побилъ мужика Панку, отъ воровъ боронясь, хотя бы и больше перерѣзалъ, отъ нихъ боронясь, все же малая его вина.

— Что говорить, грѣхъ государю, коли объ иноземцахъ паче своихъ бжеженіе имѣеть и свои государеву пользу блюдутъ на-крѣпко: Ушаковъ, какъ отрѣзалъ,—боярамъ сказалъ, что грановитыя палаты вновь, писать самымъ добрымъ письмомъ прежняго лучше или противъ прежняго въ такое время малое некогда: приходитъ время студеное и стѣнное письмо будетъ не крѣпко и не вѣчно. И вѣдь всѣ думали, что переписывать осенью стануть, а какъ Симонъ-отъ отрѣзалъ, такъ и отложили.

III.

Двери иконнаго терема висятъ на тяжелыхъ ксваинныхъ петляхъ, лапка петель длинная, идетъ она во всю ширину двери, прорѣзная узоромъ. Заскрипѣли петли—отворилася дверь, пропустила въ теремъ старыхъ изографовъ и съ ними боярина и дьяка. Пришли тѣ именитые люди съ испытанія; Сего ради дѣла изографы разодѣлись въ дорожную, жалованную одежду: однорядки съ серебрянными пуговицами, ферези камчатные съ золототкаными завязками, кафтаны куфтерные, охабни зурфные, штаны суконные съ разводами, сапоги сафьяновые—такъ знатио разодѣлись изографы, такъ расчесали бороды и намазали волосы, что и не отличишь отъ боярина.

На испытаніе вологжанинъ, крестьянскій сынъ Сергушко Рожковъ, написалъ вновь иконнаго свсего художества воображеніе, на одной дцкѣ образъ Всемилостиваго Спаса, Пречистыя Богородицы и Іоанна Предтечи, И по свидѣтельству московскихъ изографовъ Симона Ушакова съ товарищи, Сергушко оказался мастеръ добрый. Икоиники окружаютъ новаго товарища, спрашиваютъ, кто у него поручники, потому за ивопринятаго должны поручиться икоиники бывалые, должны поручиться въ томъ, что если Сергушко у государевыхъ иконописныхъ дѣлъ быть не учнетъ или сбѣжитъ или забражничаютъ и на поручикахъ пеня Государя Царя; разспрашиваютъ, откуда Сергушко родомъ;

каково теперешнее искусство на Вологдѣ, какъ живутъ мастера вологодскіе и слушаютъ Сергушкины сказки.

Сергушко рассказываетъ, что Матвѣй Гурьевъ иконникъ обманомъ ушелъ изъ Знаменскаго монастыря съ Вологды и живетъ на Тотмѣ, Агей Автомаковъ, да Дмитрій Клоковъ устарѣли, Сергѣй Анисимовъ стемнѣлъ, а которые иконники сверхъ того есть и тѣ у государева иконнаго и у стѣннаго и не у каково письма не бываютъ, потому что стары и увѣчны и писать никакого письма не видятъ и разошлись въ міръ для ради недороды хлѣбные кормиться Христовымъ именемъ, ибо люди они старые и увѣчные и скудные и должные. Слушаютъ иконники невеселыя вологодскія сказки, глядѣть на старый кафтанъ Сергушкинъ; неумѣстенъ такой кафтанъ въ свѣтломъ теремѣ, смѣшны заплаты при золототканыхъ окротахъ. Помялись, потупились и опять спрашиваютъ Сергушку, какимъ письмомъ пишутъ иконы по вологодскимъ селамъ и глухимъ мѣстамъ, не пишутъ ли тамъ иконы съ небреженіемъ, лишь бы промѣнять темнымъ поселянамъ невѣждамъ? Хранятъ ли древніе переводы?—объ этомъ де далъ государь грозную грамоту, когда дошла до него вѣсть о неискреннихъ живописцахъ Хслуйскихъ.

Съ окольнымъ разговариваетъ только что вошедшій въ теремъ заморскій мастеръ цесарокой земли Данило Вухтерсъ; подошелъ онъ къ боярину съ низкими поклонами, хитро, выгибая тонко обутыя ноги и говоритъ (тодмачъ переводить), а смыслъ его рѣчи такой, что, только. молъ, ради пресвѣтлой неизрѣченной милости царя и многомилостиваго и похвальнаго жалованья рѣшился онъ на трудную поѣздку въ Московію; улаживается Вухтерсъ съ бояриномъ, сколько онъ будетъ получать жалованья; порѣшили: будетъ

получать Вухтерсъ—денегъ 20 рублей, ржи 20 четвертей, пшеницы 10, круль грешневыхъ четверть, гороху двѣ чети, сслоду 10 четей, овса 10 четей, мяса 10 полоть, вина 10 ведеръ. Поскулилъ Вухтерсъ набавить 5 бѣлужекъ, да 5 осетровъ—набавили и напишуть поручную—будетъ Вухтерсъ учить русскихъ мастеровъ писать мастерствомъ самымъ мудрымъ.

Отошелъ бояринъ отъ Вухтерса и теперь рѣшаетъ съ дьякомъ и съ жалованными мастерами: откуда способнѣе вызвать иконниковъ на время росписи Успенскаго собора, ибо для этой работы не хватитъ теремныхъ и городовыхъ мастеровъ московскихъ. Степенно приказываетъ бояринъ дьяку:

„Изготовь Артамонъ, грамоту во Псковъ, чтобы сыскали по росписи и сверхъ росписи иконописцевъ всѣхъ, что ни есть: и посадскихъ людей и боярскихъ и княжескихъ и монастырскихъ и торговыхъ и всякихъ людей, у кого ни буди, только чтобы стѣнному церквному письму прорухи не было“.

Сыскать и вызвать мастеровъ надо не спроста, надо наблюсти строгую очередь, иначе будутъ жалобы, что, де, инымъ иконописцамъ въ дальнихъ волокитахъ чинятся многіе убытки и разоренье, а другихъ вовсе къ стѣнному письму не емлютъ. Хорошимъ мастерамъ вездѣ дѣло есть; добрыми мастерами всякій дорожить; съ великимъ нехотѣньемъ отпускаютъ ихъ въ ненасытную Москву. Лишь бы сохранить иконника и воеводы и даже духовные люди—игумены и архіереи идутъ на обманъ, готовы сообщить въ государевъ теремъ облыжня свѣдѣнія, нужды нѣтъ, что ихъ уличать въ бездѣльной корысти и шлютъ къ нимъ самопальныхъ

съ грозными указами, а святые отцы и государевы слуги все же покажут добрыхъ мастеровъ въ безвѣстномъ отсутствіи и укроютъ ихъ въ монастырскихъ кельяхъ—ужь такая всюду необходимость въ истинствующихъ иконникахъ.

VI.

— Смилуйся, пресвѣтлый бояринъ, не дай въ конецъ разориться!—прсбирается къ боярину ободраннй мужиченко и, дойдя, кланяется земно.

— Докучаюсь тебѣ, бояринъ, о сынышкѣ моемъ, иконной дружины ученикѣ. Смилуйся, отецъ, на парнишку! Въ конецъ изведетъ его мастеръ корысти ради и грозы нѣтъ на него, потому и сбѣжать отъ него, невозможно—больно велика пеня показана. Вотъ и списокъ съ поручной“.

Дьякъ принимаетъ поручную; молча, просматриваетъ ее, сквозь зубы процѣживаетъ, „доживъ своихъ рченыхъ лѣтъ не сбѣжать и не покрасть“ и вполголоса читаетъ боярину:

— „...а будетъ сынъ его Ларіоновъ, не доживъ урочныхъ лѣтъ отъ меня пократчи сбѣжитъ взяти мнѣ въ томъ Ларіонѣ по записи за ряду двадцать рублей“. Да, пеня не малая проставлена, ужь пятнадцать рублей и то большая пеня, а двадцать и того несообразнѣе. А дѣло-то въ чемъ?—распрашиваетъ дьякъ, недовольный, что судьбище будетъ при всѣхъ. при бояринѣ, и не придется ему, дьяку, распорядиться съ челобитчикомъ, по своему, по приказному, и не будетъ ему, дьяку, никакой пользы.

— Вью челомъ на мастера иконнаго Терентія Агафоно-

ва,—зачастиль мужиченка,—что взяль паришку моего въ ученіе, и тому пошелъ безъ малаго годъ третій, а живописному письму не училь, только выучиль по дереву и по полотнамъ золотить. И ученье мастера этого негодее; учить онъ не въ ученика пользу, а въ свсю; промѣры тѣлесные даетъ невѣрные, ни ографить, ни знаменить искусно, ничему не училь. А что паришко напишетъ добрымъ письмомъ по своему разумѣнію, и то мастеръ, альбо похуляетъ, альбо показываетъ работою ученика иного, своего племянника, и моему паришкѣ ни пользы, ни чести не выходитъ. И на томъ смилуйся, бояринъ, и пожалуй взять мнѣ паришку моего Ларивонку домой безъ пени!—кланяется мужичеика, а позади его выдвигается тощій человекъ въ темной однорядкѣ и, заповивъ руку за пазуху, кашлянувъ, переминаясь, начинаетъ:

— И въ ученіи Стоглаваго собора въ главѣ 43 сказано есть: аще кому не дастъ Богъ таковаго руководѣлія, учнетъ писати худо или не по правильному завѣщанію жити; а мастеръ укажетъ его горазда и во всемъ достойна суца и показываетъ написаніе иного, а не того и святитель, обыскавъ, полагаетъ таковаго мастера подъ запрещеніемъ правильнымъ, яко да и прочіи, страхъ пріимуть и не дерзають таковая творити.—Сказано есть во Стоглавѣ, а по сему повиненъ мастеръ Агафоновъ, что дружить ко своему племяннику и тѣмъ неправое бржеженіе къ Государеву дѣлу имѣеть. Племяннику его не открылъ Богъ руководѣлія и коли Агафоновъ своею нелѣпою хитростью устроить племянника своего въ Теремъ и на томъ Царскому дѣлу поруха“...

— А ты что за человекъ?—перебиваетъ его дьякъ.

— Снъ значитъ своякъ мой Филипко; паришку моего жалко ему. Енъ, паришко-то, добрый, да вотъ неудача въ

мастеръ вышла, прости Создатель! А что Агафоновъ на племянникъ на своемъ душею кривить,—это точно, и племянникъ—отъ его живетъ бездѣльно, безпутно щапствуетъ, а парнишко мой за него виновать.

— Челобитье твое большое и хитрое,—нахмуривается бояринъ (и нахмуривается не тому, чтобы жалѣлъ царское дѣло, а тому, что не скоро придется ему уйти изъ терема домой).—На народъ не гоже судиться, идите въ Приказную избу; туда позвать и Терентія; онъ гдѣ работаетъ?—здѣсь?—распорядился бояринъ.

— Терентій не въ теремъ сейчасъ лишетъ, а въ пещерахъ отъ Краснаго крыльца.

— Поошлите за нимъ; пусть не мѣшкаетъ, бросаетъ работу и бѣгомъ идетъ въ Приказъ.—уходитъ бояринъ, съ нимъ дьякъ и челобитчики.

Иконники притихли; знаютъ, что надъ товарищемъ стряслося недоброе, но знаютъ и то, что недоброе это заслуженно, хотя не только Терентію, а и нѣкоторымъ инымъ мастерамъ грозить та же гроза за дружество и милость къ своимъ роднымъ.

— Да,—рѣшаетъ Симонъ Ушаковъ,—а всѣ знаютъ, что Симонъ зря слова не скажетъ,—все то корысть, все то щапство, а любви къ дѣлу не видно. Продаетъ Терентій хитрость свою живописную, богоданную, только о себѣ думаетъ: и по-дѣломъ ему, коли наложить на него прещеніе и будетъ онъ сидѣть безъ рабсты. Не завидуй; веди своего ученика честно, не криви душой, не укрывай таланта. Недаромъ не любили мслодые Терентія!

Молчатъ иконники; многіе понурили головы, глядятъ на работу, не поднимаютъ глазъ. Думается имъ: „хорошо гово-

рить Симсону, не всё такъ, какъ снѣ“, а въ душѣ они уже не любятъ Ушакова, зачѣмъ онъ знатенъ въ художествѣ, зачѣмъ всё слушаютъ его, зачѣмъ онъ говоритъ правдивое слово. Но, слава Богу, думаютъ такъ не всё и больше половины искренно киваютъ головою Симону на добромъ словѣ его. Такими мастерами, какъ Симонъ, и держится живописное дѣло. Теперь не такъ скоро опять загудитъ говоръ, не такъ скоро усмѣхнется кто-нибудь. Въ полдень отобѣдаютъ, отпауживаютъ, а тамъ и до конца работы недолго.

Въ углу старый иконникъ—борода крупными куделями упала на грудь, носъ сухой съ горбинкой, глаза глубоко запали въ орбитахъ—протяжно ударяя на о, поучаетъ молодого:

— ...дали ему святую воду и святяя мощи, чтобы смѣшавъ святую воду и святяя мощи съ красками, написалъ святую и освященную икону. И онъ писалъ сію святую икону и только по субботамъ да воскресеньямъ приобщался пищи и съ великимъ радѣніемъ и бдѣніемъ въ тишинѣ великой совершилъ ее...

„Что-то Оленка“?—мелькаетъ о человѣческомъ у молодого, а изографъ уже угадываетъ его мысли, еще строже впивается въ него своими стальными глазами и твердитъ вишительно:

— Спаси Богъ нынѣшнихъ мастеровъ! Многіе отъ нихъ пишутъ таковыхъ же святыхъ угодниковъ, какъ и они сами: толстобрюхихъ, толсторожихъ и руки и ноги яко стульцы у каждаго. И сами живутъ не истинно, не помнятъ, да подобаешь живописцу быть смиренну, кротку, благоговѣйну, не празнословцу, не смѣхотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьяницѣ, не грабежнику, не убійцѣ, но и пачежъ хранить чистоту душевную и тѣлесную со всякимъ опасе-

нлемъ. А не можешь тако пробыти до конца, то женись по закону и бракомъ сочитайся и приходи ко отцемъ духовнымъ и во всемъ извѣщайся и по ихъ наказанію подобаетъ жити въ постѣ и молитвахъ и воздержаніи со смиренномудріемъ, кромѣ всякаго зазора и съ превеликимъ тщаніемъ пиши образъ Господа; да мнутъся люди страстями тѣлесными, ты же, духовно ревнуя ко славѣ честнаго художества, подвижайся кистию и словомъ добрымъ. Не всякому даетъ Богъ писати по образу и подобію и кому не даетъ—имъ въ конецъ отъ таковаго дѣла престати, да не Божіе имя таковаго письма похуляется. И аще учнутъ глаголати: „мы тѣмъ живемъ и питаемся“ и таковому ихъ рѣченію не внимати. Не всѣмъ челоуѣкомъ иконописцемъ быти: много бо и различно рукодѣйствіа подаровано отъ Бога, имъ же челоуѣкомъ препитатись и живымъ быти и кромѣ икоунаго письма...—поучаетъ мастеръ.

Закату не осилитъ слюдяныхъ оконцевъ. Въ Теремѣ темнѣетъ. Расходятся икоуники. Не блестятъ вѣнчики и узоры на ризахъ. Дрсжатъ темныя очертанія ликовъ и острѣе сверкаютъ большія бѣлыя очи угодниковъ. Сумракъ ползетъ изъ угловъ, закутываетъ сѣрымъ пологомъ запасы икоуныхъ досокъ и холстины, мягчитъ тѣни станковъ. Истово и мѣрно звучитъ поученіе о добромъ живописномъ рукодѣліи.

Творится въ икоуномъ Теремѣ хитрое и красное дѣло.

ПО ПУТИ ИЗЪ ВАРЯГЪ ВЪ ГРЕКИ.

Заморские гости

Плывутъ полунощные гости.

Свѣтлой полосой тянется пологій берегъ Финскаго залива. Вода точно напиталась синевой яснаго, весенняго неба; вѣтеръ рябитъ по ней, сгоняя матово-лиловатыя полосы и круги. Стайка чаекъ спустилась на волны, безопасно на нихъ закачалась и лишь подъ самымъ килемъ передней ладьи сверкнула крыльями—всполошило ихъ мирную жизнь что-то, мало знакомое, невиданное. Новая струя пробивается по стоячей водѣ, бѣжитъ она въ вѣковую славянскую жизнь, пройдетъ черезъ лѣса и болота, перекатится широкимъ полемъ, подыметъ роды славянскіе—увидятъ они рѣдкихъ, незнакомыхъ гостей, подивуются они на ихъ строй боевой, на ихъ заморскій обычай.

Длиннымъ рядомъ идутъ ладьи; яркая раскраска горитъ на солнцѣ. Лихо завернулись носовые борта, завершившись

высокимъ, стройнымъ носомъ-дракономъ. Полосы красныя, зеленыя, желтыя и синія наведены вдоль ладьи. У дракона пасть красная, горло синее, а грива и перья зеленыя. На килевомъ бревнѣ пустого мѣста не видно—все рѣзное: крестики, точки, кружки, переплетаются въ самый сложный узоръ. Другія части ладьи тоже рѣзбой изукрашены; съ любовью отдѣланы всѣ мелочи, узумляешься нмъ теперь въ музеяхъ и, тщетно стараясь оторваться отъ теперешней практической жизни, робко пробуешь восприсизвести ихъ—въ большинствѣ случаевъ совершенно неудачно, потому что, полные кичливаго, холоднаго изученія, мы не даемъ себѣ труда постичь духъ оовременной этимъ предметамъ искусства эпохи, полюбить ее—олавную, полную дикаго простора и всли.

Около носа и кормы на ладьѣ щиты привѣшаны, горять подь солнцемъ. Паруса своей пестротой наводятъ страхъ на враговъ; на верхней бѣлой каймѣ нашиты красныя круги и разводы; самъ парусъ рѣдко одноцвѣтенъ—чаще онъ полосатый: полосы на немъ или вдоль, или поперекъ, какъ придется. Середина ладьи покрыта тоже полосатымъ наметомъ, накинута онъ на мачты, которыя держатся перекрещенными брусьями, изрѣзанными красивымъ узоромъ,—дождь ли, жара ли, гребцамъ свободно сидѣть подь наметомъ.

На мореходной ладьѣ народу довольно—человѣкъ 70; по борту сидитъ до 30 гребцовъ. У рулевого весла стоятъ: кто посановитѣй, поважнѣй, самъ конунгъ тамъ стоитъ. Конунга можно сразу отличить отъ другихъ: и турьи рога на шлемѣ у него повыше, и бронзовый кабанчикъ, прикрѣпленный къ гребню на макушкѣ, отдѣлкой получше. Кольчуга конунга видала виды, заржавѣла она отъ дождей и отъ со-

ленной воды, блестятъ на ней только золотая пряжка фибула подъ воротомъ, да толстый браслетъ на рукѣ. Ручка у топора тоже богаче, чѣмъ у прочихъ дружинниковъ—мореный дубъ обвить серебряной пластинкой; на боку большой загнувшійся рогъ для питья. Вѣтеръ играетъ краснымъ съ просѣдью усомъ, кустистыя брови насупились надъ загорѣлымъ, бронзовымъ носомъ; поперекъ щеки прошелъ давній шрамъ.

Стихнеть вѣтеръ—дружно подымутся веспа; какъ равномерно бьютъ они по водѣ, несутъ ладьи по Невѣ, по Волхову, Ильменю, Ловати, Днѣпру—въ самый Царьградъ; идутъ варяги на торгъ или на службу.

Нева величава и могуча, но историческаго настроенія въ ней куда меньше по сравненію съ Волховомъ. На Невѣ берега позастроились почти непрерывными, неуклюжими деревушками, затянулись теперь кирпичными и лѣсопильными заводами, такъ что слишкомъ трудно перенестись въ далекую старину. Немыслимо, представить расписныя ладьи варяжскія, звонъ мечей, блескъ щитовъ, когда передъ вами на берегу торчитъ какая-нибудь самодовольная дачка, ну точь въ точь—пошленькая слобожанка, восхищенная своею красотою; когда на солнышкѣ сіяютъ бессмысленные разноцвѣтные шары, исполняющіе немаловажное назначеніе—украсить природу; рдѣютъ охряные фронтоны съ какими-то неправдоподобными столбиками и карнизами, претендующими на изящество и стнль, а между тѣмъ любой сѣрый срубъ—много художественнѣе ихъ.

За всю дорогу отъ Петербурга до Шлиссельбурга выдается лишь одно характерное мѣсто—старинное Потемкинское имѣнье Островки. Мысокъ, заросшій понурыми, серьез-

ными пихтами, очень хорошъ; замкоподобная усадьба вполне гармонируетъ съ окружающимъ пейзажемъ. Уже ближе къ Шлиссельбургу Нева на короткое время, какъ бы, выходитъ изъ своего цивилизованнаго состоянія и развертывается въ привольную, оѣверную рѣку,—сѣрую, спокойную, въ широкомъ размахѣ, обрамленную темной полосой лѣса. Впрочемъ, это мимолетное настроеніе сейчасъ же разбивается съ приближеніемъ къ Шлиссельбургу. Какой это печальный городъ! Какая закорузлая провинція,—даже названія улицъ, и тѣ еще не прививаются среди обывателей.

Лѣвѣе города за крѣпостью, бурой полосой потянулось Ладожское озеро. На рейдѣ заснуло нѣсколько судовъ. Все какъ-то испривѣтливо и холодно, такъ что съ удовольствіемъ перебираешься на громоздкую машину, что повезетъ по каналу до новой Ладоги. Накрененная на бокъ, плоскодонная, какой-то овальной формы, съ укороченной трубой, она производитъ впечатлѣніе скорѣй самовара, чѣмъ пассажирскаго парохода, но всѣ ея отстранныя особенности имѣютъ свое значеніе. Главное украшеніе парохода—труба срѣзана, потому что черезъ пароходъ часто приходится перекидывать бичевы баржъ, идущихъ по каналу на четырехъ локматыхъ лошедеикахъ; глубина канала заставляетъ отка-заться отъ киля и винта; тенденція къ одному боку является вслѣдствіе расположенія угольныхъ ящиковъ, а почему ихъ нельзя было распределить равномернѣе—этого мнѣ не могла объяснить пароходная приолуга.

Затрясая, задрожавъ пароходъ, казалось, еще больше накренился на бокъ, и мы тронулись по каналу, параллельно Ладожскому озеру, съ быстротою 6 верстъ въ часъ. Случайный собесѣдникъ, знакомый съ мѣстными порядками

успокаиваетъ,—что, вѣроятно, придемъ во-врем я
не сцѣпимся со встрѣчною баркою или не сядемъ на мель,—
и то и другое бываетъ нерѣдко.

Черезъ валь канала то и дѣло выглядываетъ горизонтъ
Ладожскаго озера. Среди мѣстныхъ повѣрій объ озерѣ ясны
сказывается вліяніе старины: озеро караетъ за преступ-
ленія.

Подобные рассказы сводятся къ слѣдующему типу. По-
зарился мужичекъ на чужія деньги, убилъ своего спутника
во время пути въ Ладогу по льду и столкнулъ трупъ на
ледъ. Самъ поѣхалъ дальше и заснулъ. Просыпается,—уже
ночь; поднялся вѣтеръ, онѣгъ до чиста сдуло со льда; по-
несло мужика вмѣстѣ съ лошадыю прочь отъ дороги невѣ-
домо куда. Увидаль мужикъ, что дѣло плохо, потому что
при сильномъ вѣтрѣ Богъ вѣсть какъ далеко занести мо-
жетъ и, чего добраго, въ полыню попадешь; отпрягъ онъ
лошадь, вывернулъ оглобли, заострилъ концы и пошелъ по
знакомымъ примѣтамъ: пуокай и лошадь, и санки, и все
пропадаетъ, лишь бы самому отъ смерти уйти. Крѣпчаетъ
вѣтеръ, слѣпятъ вьюгой глаза, затупились колья, не цѣп-
ляются они больше за ледъ, и мужика понесло по вѣтру.
Среди снѣжнаго моря зачернѣлось что-то, ближе и ближе—
прямо на чернизину летитъ мужикъ. Смотрить, передъ
нимъ убитый товарищъ; хочеть свернуть въ сторону—не
слушаются ноги, зацѣпаютъ за трупъ, подламывается ледъ,
и убійца вмѣстѣ съ убитымъ тонуть въ озерѣ. Интересный
осколокъ Новгородскихъ былинъ! Послѣдняя картинка этого
эпизода, когда роковымъ образомъ встрѣчаются убійца съ
съ своею жертвою,—очень художественна.

По правую сторону парохода низкая болотная мѣстность:

среди нея гдѣ-то по словамъ мѣстнаго пассажира, притаилась богатая раскольничья деревня, пробраться въ которую можно лишь въ удобное зимнее время. Небось, въ такомъ уголкѣ сохранилось не мало интереснаго: и пѣсни, и повѣрья, и окруты старинныя.—дѣлается обидно, почему теперь не зима. Мимо тянутся баржи, носы часто разукрашены хитрыми рѣзными коньками, невольно напрашивающимся на параллель съ Байекскимъ ковромъ. Съ одной грузной бѣляной стряслась бѣда,—затонула, широко расплылись массы дровъ. На берегу примостился ея экипажъ, выстроили шалашикъ, развели огнь, варятъ рыбку, мирно и спокойно, оловно и зимовать здѣсь собрались.

Сѣрый, однообразный пейзажъ тянется вплоть до самой Новой Ладogi. Сравнительно псздно возникшая, она, конечно, не можетъ дать ни художественнаго, ни историческаго матеріала; за ней впереди чувствуется что-то болѣе значительное: въ 12 верстахъ отъ нея историческое гнѣздо—Старая Ладога. Скучно дожидаться Волховскаго парохода,—торопясь, на почтовыхъ, скачешь туда по прекрасной шоссированной дорогѣ. Слѣва мѣстами выглядываетъ Волховъ—берега песчаные, заросли сосной и верескомъ. Потомъ дорога возьметъ правѣе и пойдетъ почти вплоть до самой Старой Ладogi по обычному пологому пейзажу, съ лѣсомъ на горизонтѣ. Изъ-за бугра выглянули три кургана—волховскія сопки. Большая изъ нихъ уже расколана, но со стороны она все же кажется очень высокой. Взираемъ на бугоръ—и передъ нами одинъ изъ лучшихъ русскихъ пейзажей. Широко развернулся сѣро-бурый Волховъ съ водоворотами и свѣтлыми хвостами теченія по серединѣ; по высокимъ берегамъ сторожами стали курганы, и стали не какъ-нибудь

зря, а стройнымъ рядомъ одинъ красявѣ другого. Изъ-за кургана, на половину скрытая пахотнымъ чернымъ бугромъ торчитъ бѣлая Ивановская церковь съ пятью зелеными главами. Подлѣ самой воды—типичная монастырская ограда съ бѣлыми башенками по угламъ. Далѣе въ беспорядкѣ—сѣрые и желтоватые остовы посада, въ перемежку съ бѣлыми силуэтами церковей. Далеко блеснула какая-то главка, спять подобіе ограды, что-то бѣлѣетъ, а за всѣмъ этимъ густо зеленый боръ—все больше хвоя; черезъ силуэты елей и сосенъ опять выглядываютъ вершины кургановъ. Вездѣ что-то было, каждое мѣсто полно минувшаго. Вотъ оно историческое настроеніе.

Когда васъ охватываетъ настроеніе, словно при встрѣчѣ съ почтеннымъ старцемъ, невольнс замедляете походку, голосъ становится тише и, вмѣстѣ съ чувствомъ уваженія, васъ наполняетъ какой-то удивительный покой, будто смотрите куда-то далеко, безъ перваго плана.

Поэзія старины, кажется, самая задушевная. Ей основательно противопоставляютъ поэзію будущаго; но почти беспочвенная будущность, несмотря на свою необъятность, врядъ ли можетъ такъ же сильно настроить кого-нибудь, какъ поэзія минувшаго. Старина, притомъ старина своя, ближе всего человѣку... Именно чувство родной старины наполняетъ васъ при взглядѣ на Старую Ладугу. Что-то не припоминается въ живописи ладожскихъ мотивовъ, а между тѣмъ сколько прекраснаго и типичнаго можно вывезти изъ этого забытаго уголка—осколка старины, случайно сохранившагося среди окрестнаго мусора, и какъ легко и удобно это сдѣлать. (Совершить такую поѣздку, какъ видно изъ приведенныхъ подробностей пути, чрезвычайно просто).

Мнѣ приходилось встрѣчать художниковъ, пеняющихъ на судьбу, не посылающую имъ мотивовъ.

„Все переписано, — богохульствуютъ они, — справа ли слѣва ли поставлю березку или рѣчку, все выходитъ старо. Вамъ, историческимъ живописцамъ, хорошо, — у васъ уголь непечатый, а намъ-то каково, современнымъ, и особенно пейзажистамъ“.

Ботъ бѣдные! — они не замѣчаютъ, что кругомъ все ново безконечно, только сами-то они, вопреки природѣ, норовятъ быть старыми и хотятъ видѣть во всемъ новомъ старый шаблонъ и тѣмъ приучаютъ къ нему массу публики, извращая непосредственный вкусъ ея. Точно можно сразу перебрать неисчислимыя настроенія, розлитыя въ природѣ, точно субъективность людей ограничена? Говорятъ, будто нечего писать, а превосходные мотивы, доступные даже для кописта и протоколиста, остаются втунѣ, лежатъ подъ самымъ бокомъ нетронутыми.

Да, что говорить о скудныхъ художникахъ, которымъ не найти мотива!.. я почти увѣренъ, что даже поэту пейзажа будетъ превосходная тема, если онъ въ тихій вечеръ, когда по всему небу разбѣжались узорчатая, причудливая тучи, постоитъ на плоту, недалеко отъ Успенскаго монастыря въ Ст. Ладогѣ и поглядитъ на крѣпостную церковь, поседѣ, на далекій Никольскій монастырь — все это, облитое послѣднимъ лучемъ, спокойно отразившееся въ засыпающемъ Волховѣ, Стоитъ только обернуться — и передъ вами другой мотивъ. не менѣе прекрасный. Старый садъ Успенскаго монастыря, стѣна и угловая башенки прямо уходятъ въ воду, потому что Волховъ въ разливѣ. Сквозь уродливыя, переплетшіяся вѣтки сохнушихъ, высокихъ деревьевъ, съ черными шап-

ками грачевыхъ гнѣздъ по вершинамъ, чувствуется холодованный силуеть церкви Новгородскаго типа. За нею ровный пахотный берегъ и далекія сопки, фонъ — огневая вечерняя заря, тушующая первый планъ и неясными темными пятнами выдвигающая безконечный рядъ черныхъ фигуръ что медленно направляются изъ монастырскихъ воротъ къ рѣкѣ,—то послушницы идутъ за водою.

Ладожскія церкви, такія типичныя по внѣшнему виду, какъ и большинство церквей Новгородской области, внутри представляютъ мало интереснаго. Живопись иова и неудачна, древней утвари не сохранилось. Исключеніе представляетъ церковь въ крѣпости,—въ ней уцѣлѣла древнѣйшая фресковая живопись. Подлѣ каменной церкви пріютилась тоже старинная, крохотная, сѣрая деревянная церковочка,—типъ церкви какого-нибудь далекаго скита. Вся она перекосилась, главка упала и крестъ прямо воткнуть въ уцѣлѣвшей барабанъ ея. Интересное крылечко провалилось, дверка вросла въ землю. Церковка обречена на паденье.

Подлѣ крѣпости указываютъ еще на два церковныхъ фундамента, отрытыхъ г. Бранденбургомъ, изслѣдовавшимъ мѣстныя древности. Раскопка Ладоги еще впереди.

Пишемъ этюды. Какъ обыкновенно бываетъ, лучшія мѣста оказываются застроенными и загороженными. Передъ хорошимъ видомъ на крѣпостную стѣну торчитъ какой-то несуразный сарай; лучшій ракурсъ Ивановской церкви портится избой сторосжа. Бѣчная исторія! Теперь хотя сами-то памятники начинаютъ охраняться,—на постройки или на починку дорогъ остерегаются ихъ вывозить, и то, конечно, только въ силу приказанія, а настанетъ ли время, когда и у насъ выдвинется на сцену неприкосновенность цѣлыхъ

историческихъ пейзажей, когда прилѣпить отвратительный современный домъ вплотную къ историческому памятнику станетъ невозможнымъ, не только въ силу строительныхъ и другихъ практическихъ соображеній, но и во имя красоты и національнаго чувства. Когда-то кто-нибудь поѣдетъ по Руси съ этою, никому не нужною, смѣшною цѣлью?—думается, таксе время все-таки да будетъ.

На прощанье взбираемся къ вершинѣ кургана и фантазируемъ сцену тризны. Невдалекѣ отъ рѣки возвышается какой-то „холмъ“, поросшій верескомъ.

— „А вѣдь тамъ, смотри, на бугрѣ когда-нибудь жило, стояло: можетъ быть, городокъ былъ“, указываетъ на холмъ мой товарищъ и затягиваетъ: „Купался боберъ“.

Видно и на него повѣяло древнимъ язычествомъ.

Отъ Старой Ладogi до Дубовика характеръ береговъ и теченіе рѣки не измѣняются. Берега высокіе, на самсѣмъ откосѣ торчатъ курганы. Многo портятъ пейзажъ прибрежныя плитоломни. Что-то выйдетъ изъ Волховскихъ береговъ, если подобная работа и впредь будетъ производиться такъ же ревностно? За поворотомъ исчезли послѣдніе признаки Старой Ладogi, и мы радуемся этому, потому что увозимъ отъ нея самыя пріятныя воспоминанія, пропустивъ мимо всю ея неприглядную обыденную жизнь, сосредоточившуюся, какъ замѣтно уже на второй день пребыванія, лишь на прибытіи парохода съ низа или съ верха.

Пароходъ дальше Дубовика неидетъ,—тутъ начинаются пороги, такъ что до Гостинопольской пароходной пристани (разстояніе около 10 верстъ) надо проѣхать въ дилижансѣ. Дилижансѣ этотъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ остовъ большого ящика, поставленный ребромъ, съ выби-

тыми дномъ и крышкою. Мы сѣли лицомъ къ рѣкѣ. Лошади рванули и проокакали почти безъ передышки до пристани. Дорога шла подлѣ самой береговой кручи; нѣсколько разъ колесо оказывалось на разстояніи не болѣе четверти отъ обрыва, такъ что, невольно, мы начинали соображать, что если на какой-нибудь промоинѣ наосъ выкинетъ изъ дилижанса, упадемъ ли мы сразу въ Волховъ или нѣсколько времени продержимся за кусты. А Волховъ внизу кипѣлъ и шипѣлъ. Мы скакали мимо самыхъ злыхъ пороговъ. Несмотря на разливъ, давно незапамятный, изъ воды все же торчали кое-гдѣ камни; подлѣ нихъ бѣлѣла пѣна, длиннымъ хвостомъ скатываясь внизъ. Сила теченія въ порогахъ громадна: въ половодье груженная баржа проходитъ нѣсколько десятковъ верстъ въ часъ. Цѣлая толпа мужиковъ и бабъ править ея; рулевого нерѣдко снимаютъ отъ руля въ обморокъ—таково сильно нервное и физическое напряженіе.

Баржу гонять съ гикомъ и пѣснями; личность потонула въ общемъ подъемѣ. Вода бурлитъ, скрипятъ борты... Какая богатая картина! Названіе Гостинополь заставляетъ задуматься—въ немъ слышится что-то нетеперешнее. Навѣрное здѣсь былъ волокъ, ибо противъ теченія пройти въ Волховскихъ порогахъ и думать нечего. Въ Гостинопольѣ же ладьи снова спускались и шли къ Днѣпровскому бассейну. Можетъ быть, до Дубовика шли встарину на мореходныхъ ладьяхъ (слово дубовикъ напрашивается на производство отъ дубъ-лодка), а въ Гостинопольѣ ссхранялись лодки меньшаго размѣра—рѣзныя. Впрочемъ, стаивотиться на точку такихъ предположеній—опасно.

Въ Гостинопольѣ нагрузились на пароходъ, что повезетъ насъ до Волховской станціи Николаевской дороги,—тамъ

опять пересадка. На палубѣ парохода цѣлое стадо телятъ лежать они связанные, жалобно мыча,—иныхъ пассажировъ не видно, но удивляться этому нечего, ибо поѣздки по Руси, вѣдь, совсѣмъ не приняты, да къ тому же нельзя сказать, чтобы и сообщеніе было хорошо приспособлено; такъ мы пріѣхали въ Гостинополь въ 8-мъ часу вечера, а пароходъ отходилъ въ 3¹/₂ часа утра: Почему не въ 5 или не въ 4—неизвѣстно. Впрочемъ, отхода его мы не дождались, ибо къ тому времени уже спали крѣпкимъ сномъ. Пресснувшись за утро, товарищъ выглянулъ въ окошко:

— Ну, что тамъ? красиво?

— Тундра какая-то! Болото и топь.

Часа черезъ два я выглянулъ—опять низкое мѣсто, которое потянулось вплоть до станціи Волховъ. Знаменитое Аракчеевское Грузинское—нѣчто очень печальное, суровое опустившееся, ничего общаго не имѣющее съ тою великолѣпною декорацией, какою намъ представляютъ его современныя гравюры. На Волховской станціи насъ усердно угощали продолжать путь по желѣзной дорогѣ и, наконецъ, посмотрѣли съ сожалѣніемъ, какъ на людей, дѣйствующихъ къ явной своей невыгодѣ; для продолженія воднаго пути пришлось сидѣть на станціи отъ 11 часовъ утра до 5 утра же, тогда какъ поѣздъ проходилъ черезъ полчаса. Оставалось спать и спать, потому что въ свѣромъ пейзажѣ, состоявшемъ изъ затопленныхъ деревень, было мало интереснаго и красиваго;

— „Гуся, что ли, нарисовать на память о великомъ водномъ пути“, предложилъ я, и мы смѣялись, вспомнивъ, какъ одинъ художникъ объяснялъ цѣль и смыслъ художественныхъ поѣздокъ:.. „а то другой ѣдетъ за тысячи верстъ и тамъ коровой занимается или курицей самой обыкновен-

ной, точно онъ дома не могъ то же самое сдѣлать съ большимъ уолѣхомъ и удобствомъ“, —говсрилъ онъ.

Путь отъ Волховской станціи до самаго Новгорода ничѣмъ осбеннымъ не радуеть. Аракчеевскія казармы, безконечныя пашни—все это благоустрсено, но ординарно. Передъ Новгородомъ нѣсколько монастырей самаго обыденнаго вида. Единственно красивое мѣсто за весь этотъ кусокъ пути—такъ-называемыя Горбы съ остатками славнаго сосноваго бора, сильного и ровнаго, какъ щетка. Чѣмъ ближе подвигались мы къ Новгороду (мѣстный житель никогда не скажетъ Новгороду, а подчеркнетъ Нову городу), тѣмъ сильнѣй и сильнѣй овладѣвало нами какое-то разочарованіе. Разочароваль насъ видъ Кремля, разочаровали встрѣчные типы, разочаровало общее полное безучастіе къ историчности этого мѣста. Что подумаетъ иностранецъ, когда мы, свои люди, усумнились: да полно, господинъ ли это великій Новгородъ?

„На мосту стола старица,
На мосту чрезъ синій Волховъ“...

вспомнилъ мой спутникъ, когда мы входили на мостъ, направляясь въ Кремль. Но, вмѣсто старицы, на мосту стоялъ отвратительнаго вида босякъ съ кровавой шишкой подъ глазомъ. На встрѣчу попалось нѣсколько мужиковъ—истые „худые мужички-вѣчники“, за кого кричать, за что—все равно, лишь бы поднесли.

Софійскій соборъ въ лѣсахъ; тамъ идетъ, какъ извѣстно, капитальный ремонтъ. Уже давно было слышно, что, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, важная задача расписать этотъ славнѣйшій и древнѣйшій русскій соборъ

миновала руки художниковъ и выпала на долю артели богомазовъ. На разстояніи какъ-то все смягчается, многое важное ускользаетъ отъ вниманія въ заглазныхъ разсказахъ, пока не увидишь во-очію. Я думаю, и вы, кому придется читать эти строки, не обратите на нихъ никакого вниманія; кругомъ все тихо и смирно, какое кому дѣло, что гдѣ-то въ отжившемъ городѣ совершается нѣчто странное? А между тѣмъ, это „нѣчто странное“, если вдуматься, оказывается чрезвычайно знаменательнымъ. На рубежѣ 20-го вѣка, при возрастающемъ общемъ интересѣ къ отечественнымъ древностямъ, при новыхъ путяхъ религіозной живописи, одинъ изъ лучшихъ русскихъ памятниковъ старины расписывается иконописцами богомазами, и притомъ—какъ расписывается! Жутко дѣлается, когда лазишь по внутреннимъ лѣсамъ храма мимо этихъ богомазныхъ изображеній — глубоко бездарныхъ, сухихъ, пригодныхъ развѣ въ захолустную церковь сверхштатнаго городишки, а никакъ не умѣстныхъ при сосѣдствѣ съ памятникомъ тысячелѣтія Руси. Еще обиднѣе и гаже становится, когда осмотришь внизу превосходную древнюю фреску Константина и Елены и купольныя изображенія пророковъ и архангеловъ, наводяшія на мысль: какой высоконаціональный храмъ могъ бы получиться изъ Софіи подъ мастерскою кистью, при такихъ основныхъ базисахъ, каковы сохранившіеся остатки древнихъ фресокъ; какъ стильно и художественно можно бы было заживить остальныя стѣны! Какой богатый матеріалъ, какая возможность поддержать славный памятникъ и расцвѣтомъ его, быть можетъ, оживить цѣлый городъ!—но вдругъ все умышленно попирается, прсизводится небольшая эксномія..., а что впереди?—тамъ хоть истопъ. Если не хватаетъ средствъ,

то отчего попросту не заштукатурить стѣны, оставивъ лишь остатки древней росписи? Или уже покрыть и старую живопись богомазными издѣліями, не заказывать г. Фролову удачныя подражанія древнихъ мозаикъ, убрать сохранившіяся, чтобы и сравненія не было, какъ оно могло быть и какъ есть на самомъ дѣлѣ,—по крайности не было бы полумѣръ. Если изгонять художественность и національность, то ужъ гнать ихъ основательно, по всѣмъ пунктамъ, безъ пощады.

Мнѣ кто-то хотѣлъ объяснить, какъ это печальное событіе произошло, говоря, что много было всякихъ мелкихъ обстоятельствъ; но, полагаю, для исторіи будетъ значительно, выясняя развитіе русскаго искусства въ концѣ 19-го вѣка, отмѣтить крупный фактъ росписи первѣйшей русской святыни артелью богомазовъ, безъ участія пригоднѣйшихъ къ этому дѣлу, даровитыхъ художниковъ. Какое отрадное свѣдѣніе, въ особенности для всѣхъ причастныхъ къ современному искусству!—и передъ собою-то стыдно, а еще стыднѣе передъ иностранцами, когда они скажутъ, и на этотъ разъ вполне заслуженно: ужъ эти варвары!

Джонъ Рескинъ, услыжавъ о такомъ дѣлѣ, навѣрное бы писалъ о немъ въ траурной рамкѣ.

Новгородская косность простирается до такого предѣла, что изъ 10 встрѣчныхъ лишь одинъ могъ указать, какъ пройти къ Спасу, что на Нередицѣ,—къ древности, которая должна бы быть извѣстна каждому мальчишкѣ, да и была бы извѣстна въ европейскомъ городѣ.

Не великъ городской музей Новгородскій, содержаніе его больше случайное, а мѣстонахожденіе не совсѣмъ удачно, ибо для него пришлось погубить одну изъ Кремлевскихъ башенъ; но это не бѣда, если бы музей хоть сколько-нибудь

интересоваль обитателей, а то посѣтители его почти исключительно прїѣзжіе, тогда какъ среди мѣстныхъ жителей находятся нѣкоторые, вовсе и не подозревающіе о существованіи городского музея, или знакомые съ нимъ лишь по наслышкѣ.

Интересенъ Знаменскій соборъ, хотя особою древностью онъ не отличается. Сѣни и внѣшняя галлерей его, видимо, первоначально были открытыя, на аркахъ съ грушами,—теперь они заложены, и довольно неблагополучно: напр., внутри, сѣней новая кладка расписана „подъ мраморъ“ малярами, тогда какъ остальное пространство сплошь покрыто живописью. Можно представить, насколько выиграетъ общій характеръ собора, если возстановить эти типичныя арки, само же возстановленіе не должно сбойтись слишкомъ дорого.

Наиболѣе цѣльное впечатлѣніе изъ всѣхъ Новгородскихъ древностей производитъ церковь Спаса на Нередицѣ. Не буду касаться историческихъ и иныхъ подробностей этой интересной церкви, сохранившей въ сравнительной цѣльности настѣнное письмо,—такія подробности можно найти въ трудахъ Макарія (спис. Новгор. церк. древн., 1, 798), Прохорова, Н. В. Покровскаго и въ имѣющемъ выйти въ ближайшемъ будущемъ VI выпускѣ „Русскихъ Древностей“, изд. гр. И. И. Толстымъ и акад. Н. П. Кондаковымъ. Основанная въ 1197 году княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, Спасская церковь по древности, а главное, по сохранности, является памятникомъ исключительнымъ и, надо желать, чтобы, какъ можно скорѣе, она была издана полнымъ и достойнымъ для нея образомъ.

Съ софійской стороны, изъ Воскресенской слободы (въ

которой тоже типичные и древніе храмы: Оомы апостола и Іоанна Милостиваго), мы перерѣзали Волховъ, безконечный въ своемъ разливѣ,—направляясь къ Нередицѣ. Дѣло шло къ вечеру, солнце било желтымъ лучемъ въ бѣлыя стѣны Спаса, одиноко торчащаго на бугрѣ,—пониже его лѣлится нѣсколько избушекъ и торчатъ ивы, кругомъ же ровный горизонтъ. Такія одиночныя, среди пустой равнины, церкви очень типичны для Новгородскаго пейзажа: то тамъ, то тутъ, при каждомъ новомъ поворотѣ, бѣлѣютъ онѣ. Проѣхали мы Лядскій бугоръ, гдѣ въ былое время стоялъ монастырь,—само же названіе урочища, будто бы, производится отъ божества Ладо.

На горизонтѣ Ильмени выстроился рядъ парусовъ—они стройно удалялись. Чудно и страшно было сознавать, что по этимъ же самымъ мѣстамъ плавали ладьи варяжскія, Садко богатаго гостя вольные струги, проплывала Новгородская рать на роковую Шелонскую битву...

Ракурсъ Спаса съ берега, пожалуй, еще красивѣй, нежели его дальній видъ. Колокольня нѣсколько позднѣйшей постройки, но за то самъ корабль очень стренъ и характеренъ. Живопись, сплошь покрывающая стѣны и теряющаяся во мракъ купола, полна гармоніи, ласкаетъ глазъ на рѣдкость пріятнымъ сочетаніемъ тоновъ, облагороженныхъ печатью времени.

Надо торопиться полно и достойно издать этотъ памятникъ—онъ уже требуетъ серьезнаго ремонта, для котораго, какъ говорятъ, не хватаетъ средствъ. На первыя нужды необходимо хоть 5,000 рублей,—неужели сейчасъ же не найдется любителя старины, располагающаго такой суммой? Есть много богатыхъ людей, не жалѣющихъ своихъ достат-

ковъ на добрыя дѣла; ремонтъ Спаса, вѣдь, тоже доброе дѣло, да еще какое!

Возвращаясь къ дому съ Шелони, я дожидался поѣзда въ Шимскѣ. Среди многочисленныхъ вокзальныхъ объявленій бросался въ глаза изящный плакатъ Дрезденской художественной выставки и невольно думалось: что Шимску искусство? да и будетъ ли когда оно для Шимска—не пустымъ далекимъ звукомъ?

1900.

ПО СТАРИНѢ.

I.

Мы признали значительность и научность старины; мы выучили пропись стилей; мы даже постѣснялись и перестали явно уничтожать памятники древности. Мы уже не назначимъ въ продажу съ торговь за 28,000 рублей для слома чудный ростовскій кремль съ росписными храманн, съ княжескимн и митрополичьими палатами, какъ это было еще на глазахъ живыхъ людей. когда только случайность, неимѣніе покупателя спасли отъ гибели гордость всей Руси.

Ничего больше нашему благополучному существованію не нужно; и никакого мѣста попрежнему въ жизни нашей старина не занимаетъ. Попрежнему далеки мы отъ сознанія, что общегосударственное, всенародное дѣло должно держаться всею землею, виѣ казенныхъ суммъ, помимо обязательныхъ постановленій.

Правда, есть и у насъ немногіе исключительные люди, которые подъ гнетомъ и насмѣшками „сплоченнаго большинства“ все же искренно любятъ старину и работаютъ въ ея пользу, но такихъ людей мало и всѣ усилія ихъ только кое-какъ удерживаютъ равновѣсіе, а о поступательномъ движеніи нельзя еще и думать.

А между тѣмъ въ отношеніи древности мы переживаемъ сейчасъ очень важное время. У насъ уже немного остается памятниковъ, доброй сохранности, нетронутыхъ неумѣлымъ подновленіемъ, да и тѣ какъ-то дружно запросили поддержку.

Гдѣ бы ни подойти къ дѣлу старины, сейчасъ же попадаешь на свѣдѣнія о трещинахъ, разрушающихъ роспись, о провалѣ сводовъ о ненадежныхъ фундаментахъ. Кромѣ того еще и теперь внимательное ухо можетъ въ изобиліи услышать рассказы о фрескахъ подъ штукатуркой, о вывозѣ кирпичей съ памятника на постройку, о разрушеніи городища для нуждъ желѣзной дороги. О такихъ грубыхъ проявленіяхъ уже не стоитъ говорить, Такое явное искаительство должно вымереть само: грубое насиліе встрѣтитъ и сильный отпоръ. Послѣ знаній уже пора намъ любить старину и время теперь уже говорить о хорошемъ, художественномъ отношеніи къ памятникамъ.

Минувшимъ лѣтомъ мнѣ довелось увидеть много нашей настоящей старины и мало любви вокругъ нея.

Послѣдовательно прошла передо мною москвщина, смоленщина, вѣчевые города, Литва, Курляндія и Ливонія и вездѣ любовь къ старинѣ встрѣчалась малыми, неожиданными островками и много гдѣ памятники стоятъ мертвыми.

Что же мы видимъ около старины?

Грозныя башни и стѣны заросли, закрылись мирными березками и кустарникомъ. Величавые, полные романтическаго блеска, соборы задавлены ужасными домишками. Съѣдыя иконостасы обезображены нехудожественными добротными приношеніями. Все потеряло свою жизненность. И стоятъ памятники, окруженные врагами снаружи и внутри. Кому не даетъ спать на диво обожженный кирпичъ, изъ котораго можно сложить громаду фабричныхъ сараевъ; кому мѣшаетъ стѣна проложить конку кого беспокоятъ безобидные изразцы и до боли хочется; сбить ихъ и унести, чтобы они погибли въ кучѣ домашнего мусора.

Такъ рѣдко можно увидеть человѣка, который искалъ бы жизненное лицо памятника, приходилъ бы по душѣ побесѣдовать со стариною. Фарисейства, конечно, какъ вездѣ, и тутъ не оберешься. А сколько можетъ поразсказать старина родного самымъ ближайшимъ нашимъ исканіямъ и стремленіямъ.

Вспомнимъ нашу старую (нераставрированную) церковную роспись. Мы подробно изслѣдовали ея композицію, ея малѣйшія черточки и детали, и какъ еще мало мы чувствуемъ общую красоту ея, т. е. самое главное. Какъ скудно мы сознаемъ, что передъ нами не странная работа грубыхъ богомазовъ, а превосходнѣйшая стѣнопись.

Между прочимъ, въ Ростовѣ мнѣ пришлось познакомиться съ молодымъ художникомъ, иконописцемъ г. Лопакowymъ и случилось пожалѣть, что до сихъ поръ этому талантливому человѣку не приходится доказать свое чутье и умѣнье на большой реставраціонной работѣ. Способный иконописецъ

и сидить безъ дѣла и около старыхъ иконъ толпятся грубые ловкачи-подрядчики, даже по Стоглаву подлежавшіе запрещенію касаться святыхъ ликовъ, богомазы—которыхъ въ старое время отсылали съ Москвы подальше.

Проѣздомъ черезъ Ярославль слышно было, что предстоитъ ремонтъ Ивана Предтечи; слѣдуетъ поправить трещины. Но страшно, если, задѣлая ихъ, кисть артельного мастера разгуляется и по лазоревымъ фонамъ и по бархатной муравѣ; получится варварское дѣло, ибо писали эти фрески не простые артельные богомазы, а добрые художники своего времени.

Мало мы еще цѣнимъ старинную живопись. Мнѣ пришлось слышать отъ интеллигентныхъ людей рассказы о странныхъ формахъ старины, курьезы композиціи и одежды. Расскажутъ о нѣмцахъ и другихъ иноземныхъ челоувѣкахъ, отправленныхъ суровымъ художникомъ въ адъ на Страшномъ оудѣ, скажутъ о трактовкѣ перспективы, о происхожденіи формъ орнамента, о многомъ будутъ говорить, но ничего о красотѣ живописной, о томъ, чѣмъ живс все остальное, чѣмъ иконопись будетъ важна для недалекаго будущаго, для лучшихъ „открытій“ искусства. Даже самые слѣпые, даже самые тупые, скоро поймутъ великое значеніе нашихъ примитивовъ, значеніе русской иконописи. Поймутъ и завопятъ и заахаютъ. И пускай завопятъ! Будемъ ихъ вопленіе пророчествовать—скоро кончится „археологическое“ отношеніе къ историческому и къ народному творчеству и пышнѣе разцвѣтетъ культура искусства.

Мы переварили западныхъ примитивовъ. Мы, какъ будто, уже примираемся съ языкомъ многихъ новѣйшихъ индивидуалистовъ. Къ намъ много теперь проникаетъ японскаго

искусства, этого давняго достоянія западныхъ художниковъ и многимъ начинаютъ нравиться геніальныя творенія японцевъ съ ихъ живѣйшимъ рисункомъ и движеніемъ, съ ихъ несравненными бархатными тонами.

Для дѣла все равно какъ именно, лишь бы идти достойнымъ путемъ; можетъ быть хоть черезъ искусство, Востока взглянемъ мы иначе на многое наше. Посмотримъ не скучнымъ взоромъ археолога, а теплымъ взглядомъ любви и восторга. Почти для всего у насъ фатальная дорога „черезъ за-границу“ можетъ быть и здѣсь не миновать общей судьбы.

Когда смотришь на древнюю роспись, на старые изразцы или орнаменты, думаешь. Какая красивая жизнь была. Какіе сильные люди жили ею. Какъ жизненно и близко всѣмъ было искусство, не то что теперь,—ненужная игрушка для огромнаго большинства. Насколько древній строитель не могъ обойтись безъ художественныхъ украшеній, настолько теперь стали милы штукатурка и трафаретъ. И добро бы въ частныхъ домахъ, а то и въ музеяхъ и во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ не пауки и сырость должны разцвѣчать плафоны и стѣны, а живопись лучшихъ художниковъ, вдохновляемыхъ широкимъ размахомъ задачи. Насколько ремесленникъ древности чувствовалъ инстинктивную потребность оригинально украсить всякую вещь, выходящую изъ его рукъ, настолько теперь процвѣтаютъ нелѣпый штампъ и опошленная форма. Все впередъ идетъ!

II.

Грѣхъ, если родные, близкіе всѣмъ наши памятники древности будутъ стоять заброшенными.

Не нужно, чтобы памятники стояли мертвыми, какъ музейные предметы. Не хорошо, если передъ стариною въ ея жизненномъ пути является то же чувство, какъ въ музеѣ гдѣ, какъ въ темницѣ, по остроумному замѣчанію де ла-Сиаеранпа, заперты въ общую камеру разнороднѣшіе предметы; гдѣ фризъ, рассчитанный на многоаршинную высоту, стоитъ на уровнѣ головы; гдѣ исключаютъ другъ друга священные, обиходные и военные предметы насильственно связаны по роду техники воедино. Трудно здѣсь говорить съ общей цѣлессобразной картинѣ, о древней жизни, о ея характерности. И не будетъ этого лишь при одномъ непремѣнномъ условіи.

Дайте памятнику живой видъ, возвратите ему то общее, въ которомъ онъ красовался въ былое время,—хоть до нѣкоторой степени возвратите! Не застраивайте памятниковъ доходными домами; не заслоняйте ихъ казармами и сараями; не допускайте въ нихъ современные намъ предметы—и многіе съ несравненно большей охотой будутъ рваться къ памятнику, нежели въ музей. Дайте тогда молодежи возможность смотрѣть памятники и она навѣрное будетъ стремиться изъ тисковъ современности къ древнему, такъ много видѣвшему дѣлу. Послѣ этого совсѣмъ иными покажутся

сокровища музеевъ и загсворять съ посѣтителями совѣмъ инымъ языкомъ. Музейныя вещи не будутъ страшною необходимостью, которую требуютъ знать, купно, со всѣми ужасами сухихъ соображеній и свѣдѣній во имя холодной древности, а наоборотъ, отдѣльные предметы будутъ частями живого цѣлага, завлекательнаго и чудеснаго близкаго всей нашей жизни. Не опасаясь педантичной суши, пойдетъ молодежь къ живому памятнику, заглянетъ въ чело его и мало въ комъ не шевельнется что-то старое, давно забытое, знакомое въ дѣтствѣ, а потомъ заваленное чѣмъ-то, будто бы нужнымъ. Само собою захочется знать все относящееся до такой красоты; учить этому уже не нужно, какъ завлекательную сказку схватить всякій объясненія къ старинѣ.

Какъ это все старо и какъ все это еще ново. Какъ совѣстно твердить объ этомъ и какъ всѣ эти вопросы еще нуждаются въ обсужденіяхъ! Въ лихорадочной работѣ куется новый стиль, въ поспѣшности мечемся за поисками новаго. И родить эта гора—мышь. Я говорю это конечно не объ отдѣльныхъ личностяхъ, исключеніяхъ, работы которыхъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи искусства, а о массовомъ у насъ движеніи. Не успѣли мы двинуться къ обновленію, какъ уже сумѣли выжать изъ оригинальныхъ вещей пошлый шаблонъ, едва ли не горшій, нежели прежнее безразличіе. Въ городахъ растутъ дома, художественностью заимствованныя изъ сокровищницы модныхъ магазиновъ съ претензіей на новый пошибъ; въ обиходъ проникаютъ вещи странныхъ формъ, часто весьма мало пригодныя для употребленія. А памятники, наряду съ природой живые вдохновители и руководители стиля, заброшены и пути къ нимъ

засорены сущю и педантизмомъ. Кто отважится пойти этой дорогою, разрывая и отряхивая весь лишній мусоръ, собирая осколки прекрасныхъ формъ?

III.

Въ глухихъ частяхъ Суздальскаго уѣзда хотѣлось найти мнѣ мѣстные уборы. Общія указанія погнали меня за 20 верстъ въ село Торки и Шошково. Въ Шошковѣ оказалось еще много старины. Во многихъ семьяхъ еще носили старинные сарафаны, фаты и повязки. Но больно было видѣть тайное желаніе продать все это, и не въ силу нужды, а потому что «эта старинная мода прошла уже».

Очень рѣдко можно было найти семью, гдѣ бы былъ въ употребленіи весь старинный уборъ полностью.

— Не хотятъ, вишь, молодые-то старое одѣвать,—говорилъ старикъ-мужичекъ, пскуда дочка пошла одѣть полный нарядъ.

Я началъ убѣждать собравшихся сельчанъ въ красотѣ нарядныхъ костюмовъ, что носить ихъ не только не зазорно, но лучше люди заботятся о поддержаніи національнаго костюма. Старикъ терпѣливо выслушалъ меня, почесалъ въ затылкѣ и сказалъ совершенно справедливое замѣчаніе:

— „Обветшала наша старина-то. Иной сарафанъ, или повязка, хотя и старинная, да изорвались временемъ-то,—молодухамъ въ дыркахъ ходить и зазорно. И хотѣли бы псовить чѣмъ, а негдѣ взять. Нынче такъ не дѣлають, какъ

въ старину; можетъ, конечно, оно и дѣлають, да намъ не достать, да и дорого, не подь силу. У меня въ дому еще есть старина, а и то прикупать уже изъ-за Нижняго, изъ-за Костромы приходится и все-то дорожаетъ. Такъ и проходить старинная мода“.

Старикъ сказалъ правду! нечѣмъ поновлять нашу ветшающую старину. Оторвались мы отъ нея, ушли куда-то и всѣ наши поновленія кажутся на старинѣ гнусными заплатами. Видѣлъ я попытки поновленія старинныхъ костюмовъ— въ высшей степени неудачныя. Если положить рядомъ прекрасную старинную парчу съ дешевой современной церковной парчею, если попробуете къ чудной набойкѣ съ ея ласковыми синими и бурными тонами приставить ситець или каленкоръ, да еще изъ тѣхъ, которые спеціально дѣлаются „для народа“,—можно легко представить, какое безобразіе получается.

Современный городской эклектизмъ, конечно, прямо противоположенъ націонализму; вмѣсто нелѣпыхъ попытокъ изобрѣсти національный костюмъ для горожанъ, не лучше ли создать почву, на которой могла бы жить наша вымирающая народная старина. Костюмъ не надо придумывать: вѣка сложили прекрасные образцы его; надо придумать, чтобы народъ въ культурномъ развитіи могъ жить національнымъ теченіемъ мысли, чтобы онъ вокругъ себя находилъ все необходимое для красиваго образа жизни; надо, чтобы въ область сказаній отошли печальные факты, что священники сожигаютъ древнія кички, „ибо рогатымъ не подобаеть подходить эъ Причастію“. Необходимо, чтобы высшіе классы истинно полюбили старину. Отчего фабрики не даютъ народу красивую ткань для костюмовъ, доступную,

не грубую, достойную поновить старину? Дайте почву и костюму, и пѣснѣ, и музыкѣ, и пляскѣ, и радости. Пусть растетъ старинная пѣсня, пусть струны балабаекъ, вмѣсто прекрасныхъ древнихъ ладовъ не вызваниваютъ пошлыхъ маршей и вальсовъ. Пусть и работаетъ русскій человекъ по-русски, а те вѣдь ужасно сказать, въ мѣстностяхъ, полныхъ лучшихъ образчиковъ старины, издавна славныхъ своею фнифтью, сканнымъ и рѣзнымъ дѣломъ, въ школахъ можно встрѣчать работы по образцамъ изъ „Нивы“. Или еще хуже того;—въ Торжкѣ, даже по гимназическимъ географіямъ знаменитомъ своимъ шитьемъ, не такъ давно была устроена земская школа съ цѣлью поддержать это вѣтшающее рукодѣліе и обновить его возвращеніемъ къ старинной превосходной техникѣ. Дѣло пошло на ладъ. Казалось бы чего лучше,—нашлась опытная руководительница и школа имѣетъ прямое, отвѣчающее мѣстнымъ запросамъ, назначеніе; вы подумаете, что новое земство позаботилось о расширеніи этого удачнаго дѣла?—ни чуть, не бывало. Оно нашло школу излишнею и на дняхъ совсѣмъ упразднило ее, на погибель бросая исконное мѣстное ремесло. При такихъ условіяхъ, для себя развѣ сумѣетъ народъ сдѣлать что-нибудь красивое? Единственно, если будетъ прочная почва, можно ждать и доброе дерево. Всѣ знаютъ, сколько цѣльнаго и прекраснаго сохранили въ своемъ быту старовѣры. Гдѣ только живетъ старина, тамъ звучитъ много хорошаго; живутъ тамъ лучшіе обычаи. Вотъ она старина-то!

Но не умѣемъ мы, не хотимъ мы помочь народу опять найти красоту въ его трудной жизни. Не съ радостью собирателя, а бережно, только очень бережно можно отнимать у народа его остатки красоты, его дива дивныя, вѣками имъ

залелѣянные. Только строгими вѣсами можно вывѣрять равноцѣнность, сообщаемого нами народу и похищаемого у него.

Въ томъ же Шошковѣ меня поразила церковь чистотою своихъ формъ: совершенный XVII вѣкъ. Между тѣмъ узнаю, что только недавно справляли ея столѣтіе. Удивляюсь и нахожу разгадку. Оказывается, церковь строили крестьяне всѣмъ міромъ и нарочно хотѣли строить подъ старину. Сохраняется и пріятная окраска церкви, бѣлая съ сѣрой, какъ на храмахъ Романова-Борисоглѣбска. Вѣрные дѣти своего времени, крестьяне уже думаютъ поновлять церковь и внутренность ея уже переписывается невѣроятными картинами въ духѣ Дорэ. И нѣтъ мощнаго голоса, чтобы сказать имъ, какую несобразность они творятъ.

При такой росписи странно было думать, что еще дѣды этихъ самыхъ крестьянъ мыслили настолько иначе, что могли желать строить именно подъ старину.

Теперь же насъ—культурнѣйшихъ—окружаютъ совершенно иныя картины. Несмотря на всѣ запрещенія, несмотря на опекушу старины—комиссію, на глазахъ многихъ таютъ цѣлыя башни и стѣны. Знаменитые Гедеминовскій и Кейстутовскій замки въ Трокахъ пришли въ совершенное разрушеніе. На цѣлый этажъ завалила рухнувшая башня стѣны замка Кейстута на островѣ. Въ замковой часовнѣ была фресковая живопись, особенно интересная для насъ тѣмъ, что, кажется, была византійскаго характера; стѣ нея остались одни малоизвѣстные остатки, дни которыхъ уже сочтены изъ-подъ нихъ виизу вываливаются кирпичи. Слышно, что замокъ въ недалекомъ будущемъ кто-то хочетъ поддержать; трудно это сдѣлать теперь, хоть бы не дать пищу даль-

нѣйшему разрушенію. Въ Ковнѣ мнѣ передавали, что мѣстный замокъ еще не такъ давно очень возвышался стѣнами и башнями, а теперь отъ башни остается очень немного, а по фундаментамъ стѣны лѣпятъ постройки. На какомъ основаніи—по каксму праву появляются эти лачуги на государственной землѣ, которая недоступна даже для общественныхъ учреждений?

Въ Меречѣ на Нѣманѣ я хотѣлъ видѣть старинный домъ, помнящій короля Владислава, а затѣмъ Петра Великаго. По археологической картѣ домъ этотъ значитсѣ существующимъ еще въ 1893 году, но теперь его уже нѣтъ; въ 1896 году онъ перестроенъ до фундамента. Городская башня разобрана, а подлѣ мѣстечка торчитъ оглоданный остатокъ пограничнаго столба, еще свидѣтеля Магдебургскаго права города Мереча, а теперь назначительнаго селенія. Кое-гдѣ видна на столбѣ штукатурка, но строеніе его возстановить уже невозможно.

На самомъ берегу Нѣмана въ Беллонахъ и въ Салежишкахъ есть древнѣйшіе костелы съ первыхъ временъ христіанства. Въ Ковнѣ и въ Кейданахъ есть чудные старинные домики, а въ особенности одинъ съ фронтономъ чистой готикки. Пошли имъ, Богъ заботливую руку—сохранить подольше. Много по прекраснымъ берегамъ Нѣмана старинныхъ мѣсть, безпомощно погибающихъ. Уже нечему тамъ рассказать о великомъ Зничѣ, Гедеминѣ, Кейстутѣ, о крыжакахъ, о всемъ интересномъ, что было въ этихъ мѣстахъ. Изъ-за Нѣмана приходятъ громады песковъ, а защитника лѣса уже нѣтъ и лицо земли измѣняется уже незнаваемо.

На Изборскихъ башняхъ только кое-гдѣ еще остаются

слѣды узорчатой плитной кладки и рельефные красивые кресты, которыми украшена западная стѣна крѣпости. Не были ли эти кресты страшнымъ напоминаніемъ для крестоносцевъ, злѣйшихъ неприятелей пограничнаго Изборска? Подъ толстыми плитными стѣнами засыпались подземные ходы, завалились тайники и ворота.

Знаменитый соборъ Юрьева-Польскаго, куда болѣе интересный, нежели Дмитровскій храмъ во Владимірѣ, почти весь облѣпленъ позднѣйшими скверными пристройками, безжалостно впившимися въ сказочныя рельефныя украшения соборныхъ стѣнъ. Когда-то эта красота очистится отъ грубыхъ придатковъ и кто выведетъ опять въ жизни этотъ удивительный памятникъ?

Деревянная церковь на Ишнѣ около Ростова, этотъ прекрасный образецъ архитектуры сѣверныхъ церквей обшить досками и теперь обносится шаблоннѣйшимъ заборчикомъ, въ конецъ разбивающимъ впечатлѣніе темно-сѣрой церкви и кладбища съ тонкими березами. Въ медленномъ разрушеніи теряютъ лицо живописныя подробности Новгорода и Пскова.

И не перечестъ всего погибающаго, но даже тамъ, гдѣ мы сознательно хотимъ отстоять старину и то получается нѣчто странное. Послѣ долгаго боя отстояли красивыя стѣны Смоленска „съ великимъ тщаніемъ“ законченныя при царѣ Борисѣ. Теперь даже кладутъ заллаты на нихъ, за зато изъ старинныхъ валовъ, внизу изъ-подъ стѣнъ, вынимаютъ песокъ. Я хотѣлъ бы ошибиться, но подъ стѣнами были видны свѣжія колеи около печочныхъ выемокъ, а вмѣсто бархатистыхъ дерновыхъ валовъ и рововъ подъ стѣнами, безформенныя груды песка и оползни дерева, точно послѣ злого погрома.

Вотъ тебѣ и художественный общій, вотъ и историческій видъ! Н это около Смоленска, гдѣ песчаныхъ свободныхъ косогоровъ не обнять взглядомъ ¹⁾. Обыкновенно у насъ принято все валить на неумолимое время, а неумолимы люди и время лишь идетъ по стопамъ ихъ, точнымъ исполнителемъ всѣхъ желаній.

Вокругъ нашихъ памятниковъ цѣлая серія именныхъ ошибокъ и лѣтописецъ могъ бы составить любопытный синодикъ громкихъ дѣятелей искаженія старины. И это слѣдуетъ сдѣлать на память потомству.

IV.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, описывая великій путь изъ варягъ въ греки, мнѣ приходилось, между прочимъ вспоминать: „когда-то кто-нибудь поѣдетъ по Руси съ цѣлью охраненія нашихъ историческихъ пейзажей во имя красоты и національнаго чувства“?

Съ тѣхъ поръ я видѣлъ много древнихъ городищъ и урочищъ и еще сильнѣе хочется сказать что-либо въ ихъ звщиту.

Какія это славныя мѣста!

Почему древніе люди любили жить въ такомъ привольѣ? Не только въ стратегическихъ и другихъ соображеніяхъ тутъ

---

¹⁾ Чтобы составить понятіе о грандіозности смоленскихъ стѣнъ ср.: Смоленская стѣна. И. И. Орлова. Смоленскъ. 1903 г.

дѣло, а широко жить и широко чувствовалъ древній. Если хотѣлъ онъ раскинуться свободно, то забирался на самый верхъ мѣстности, чтобы въ ушахъ гудѣлъ вольный вѣтеръ, чтобы сверкала подъ ногами быстрая рѣка или широкое озеро, чтобы не зналъ глазъ предѣла въ синѣющихъ, заманчивыхъ даляхъ. И гордо свѣтились на всѣ стороны бѣлыя вѣжи. Если же приходилось древнему скрываться отъ посторонняго глаза, то не зналъ онъ границы трущобности мѣста, запирался онъ бездонными болотами, такими лоньяками и буераками, что у насъ и духу не хватить подумать осясть въ такомъ углу.

Послѣ существующихъ городовъ часто указываютъ древнее городище и всегда оно кажется гораздо красивѣе расположеннымъ, нежели поздиѣйшій городъ. Зналъ, такъ называемый, „Труворъ“, гдѣ сѣсть подъ Иаборскомъ, у Словенскаго Ручья, и гораздо хуже рѣшили задачу псковичи, перенесшіе городокъ на гору Жераву. Городище подъ Новгородомъ по мѣсту гораздо красивѣе положенія самаго города. Городище Старой Ладogi, рубленный городъ Ярославля, мѣста Гродненскаго, Виленскаго, Венденскаго и другихъ старыхъ замковъ, лучшія мѣста во всей окрестности.

Какова же судьба городищъ. Цѣльныя, высокія мѣста мѣшаютъ намъ не меньше памятниковъ. Если ихъ не приходится обезобразить сараями, казармами и кладсвыми, то непременно нужно хотя бы вывезти, какъ песокъ. Еще недавно видѣлъ я красивѣйшій Городецъ на Сарѣ ¹⁾ подъ

---

¹⁾ Городецъ на Сарѣ, быть можетъ, представляетъ ничто иное какъ первоначальное мѣсто Ростова. Раскопка, которую удалось произвести на остаткахъ городища, дала нѣсколько характерныхъ предметовъ X, XII в.в. Гнѣздовскаго типа.

Ростовомъ, весь искалѣченный вывозкою песка и камня. Виѣсто чудеснаго мѣста, куда, бывало, съѣзжался весь Ростовъ, — ужась и разоренье, надъ которымъ искренно заплакалъ бы Джонъ Рескинъ.

Но намъ ли искать красивое? До того мы лѣнны и нелюбопытны, что даже близкій намъ, красивый Псковъ, и то мало знаемъ.

Никого не тянетъ посидѣть на берегу Великой передъ лицомъ сѣдого Дѣтинца ¹⁾; многимъ ли говоритъ что-нибудь названіе Мирожскаго монастыря, куда олдуетъ съѣздить, хотя бы для однихъ изображеній Спаса и Архангела въ предѣлахъ. Старинныя башни, рынокъ подъ Дѣтинцемъ, паруса и цвѣтныя мачты торговыхъ ладей, какъ все это красиво, какъ все близко отъ столицы. Какъ хороши старинныя домики со стильными крылечками и оконцами, зачастую теперь служащіе самымъ прозаическимъ назначеніямъ, въ родѣ склада мебели и кладовыхъ. И какъ мало все это извѣстно большинству, кислому будто-бы отъ недостатка новыхъ впечатлѣній.

Если и Псковъ мало знаемъ, то какъ же немногіе изъ насъ бывали въ чудеснѣйшемъ мѣстѣ подлѣ Пскова — Печерахъ? Прямо удивительно, что этотъ уголокъ извѣстенъ такъ мало. По уютности, по вѣковому покою, по интереснымъ строеніямъ мало что сравняется во всей Средней Руси. Стѣны, оббитыя литовцами, сбѣгаютъ въ глубокіе овраги и

---

¹⁾ Кромѣ живыхъ словъ Костомарова въ сѣверныхъ пародонраствахъ, къ картинѣ величія Пскова, см. матеріалы: Псковскій Городецъ и Мирожъ и какъ мѣста первыхъ поковскихъ поселеній. Ф. Ушаковъ. Сиб. 1902.

бодро шагаютъ по кручамъ. Церкви деревянные переходы на стѣнѣ, звонницы, все это тѣсно сжатое даетъ необыкновенно цѣльное впечатлѣнiе.

Можно долго прожить на этомъ мѣстѣ и все будетъ хотѣться еще разъ пройти по двору, уставленному странными пузатыми зданiями краснаго и бѣлаго цвѣта, еще разъ захочется пройти закоулкомъ между ризницей и старой звонницей. Береницей пройдутъ богомольцы; изъ которой-нибудь церкви будетъ слышаться пѣнiе и со всѣхъ сторонъ будетъ чувствоваться вѣковая старина. Особую прелесть Печерамъ придаютъ полувѣрцы,—остатки колонизаціи древней Псковской земли. Какимъ-то чудомъ въ цѣломъ рядѣ поселковъ сохранились свои костюмы, свои обычаи, даже свой говоръ, — очень близкій лифляндскому нарѣчью. Въ праздники женщины грудь увѣшиваютъ наборомъ старинныхъ рублей, крестовъ и брактеатовъ, а середину груди покрываетъ огромная выпуклая серебряная бляха-фибула.

Издали толпа—вся бѣлая: и мужики и бабы въ бѣлыхъ кафтанахъ; рукава и полы оторочены незатѣйливымъ рисункомъ черной тесьмы. Такъ близко отъ насъ, презирающихъ всякую самобытность, еще ущѣлѣла подлинная характерность и нѣсколько сотъ полутемныхъ людей дорожать своими особенностями отъ прочихъ.

Часто говорится о старинѣ и въ особенности о старинѣ народной, какъ о пережиткѣ, естественно умирающимъ отъ ядовитыхъ сторонъ неправильно снятой культуры. Но не на смерть еще переѣхалъ старину желѣзная дорога, не такъ еще далеко ушли мы и не намъ судить: долго-ли еще можетъ жить старина, пѣсни, костюмы и пляски? Не объ этомъ намъ думать, а прежде всего надо создать здоровую

почву для жизни старины, чтобы въ шагахъ цивилизаціи не уподобиться нѣкоторымъ недавнимъ просвѣтителямъ дикихъ странъ съ ихъ тысячилѣтнею культурой. А много ли дѣлается у насъ въ пользу старины, кромѣ казенныхъ запрещеній разрушать ее?

Поговорите съ духовенствомъ, поговорите съ чиновничествомъ и съ полиціею и вы увидите, какіе люди стоятъ къ старинѣ ближайшими. Вѣдь стыдъ сказать: мѣстная администрація, мѣстныя власти часто понятія не имѣютъ объ окружающей ихъ старинѣ. Не съ гордостью укажутъ они на памятники, близъ которыхъ ихъ бросила судьба и которыми они могутъ наслаждаться; — нѣтъ, они, подобно захудалому мужиченкѣ, будутъ стараться скорѣе отдѣлаться отъ скучныхъ разспросовъ о вещахъ, ихъ пониманію недоступныхъ и карты и сплетни куда важнѣе для нихъ всей старины вмѣстѣ взятой.

Откуда же тутъ возьмется здоровая почва? Откуда сюда придетъ самосознаніе? И мы готовы заговорить хоть по-африкански, лишь бы не подумалъ кто, что свое намъ дороже чужого. Старшее поколѣніе, не имѣя въ рукахъ археологін русской, которая занимаетъ свое мѣсто лишь за послѣднюю четверть вѣка, мало знаетъ старину; молодежь почему-то считаетъ старину принадлежностью стариковъ. И какъ выйти изъ этого заколдованнаго круга? Какимъ путемъ удастся намъ полюбить старину и понять красоту ея — просто невѣдомо.

Можно подумать, не нужны ли здѣсь еще какія-либо приказанія. Не нужно-ли еще отпуска казенныхъ суммъ?

Предвижу, что археслоги окажутъ мнѣ: дайте денегъ, укажите средства, ибо монументальныя сооруженія требуютъ и крупныхъ затратъ. Но не въ деньгахъ дѣло; денегъ на

Руси много; исторія реставраціи Ростовскаго кремля и нѣ-
которыхъ другихъ памятниковъ, наконецъ сейчасъ пережи-
ваемое нами время ясно свидѣтельствуеть что если является
интересъ и сознаніе—находятся и средства, да и не малыя.
Деньги то есть, но интереса мало, мало любви. И покуда
археологія будетъ сухо-научною, до тѣхъ поръ, безъ про-
рочества можно предсказать, отчужденность ея отъ общества,
отъ народа.

Картина можетъ быть сдѣлана по всѣмъ правиламъ и
перспективы, и анатоміи, и ботаники и все-таки она можетъ
вовсе не быть художественнымъ произведеніемъ. Дѣло
памятниковъ старины можетъ вестись очень научно, можетъ
быть переполнено специальнѣйшими терминами со ссылками
на тысячетомную литературу и все-таки въ немъ можетъ не
быть духа живого и все-таки оно будетъ мертво. Какъ въ
картинѣ весь ея смыслъ существованія часто заключается
въ какомъ то необъяснимомъ словами тонѣ, въ какой-то не-
поддающейся формулѣ убѣдительности, такъ и въ художествен-
номъ пониманіи дѣла старины есть много, не укладываю-
щагося въ рѣчи, есть многое, что можно только воспринять
чутьемъ. И безъ этого чутья, безъ чувства красоты историче-
скаго пейзажа, безъ пониманія декоративности и конструктив-
ности, всѣ эти разговоры будутъ нелѣпой тарабарщиной.

Не о легкомъ чемъ-то говорится здѣсь. Слово нѣтъ,
трудно не утратить чувства при холодныхъ основахъ знаній;
много ли у насъ профессоровъ-наставниковъ, въ которыхъ
горитъ огонь живого чувства?.. Часто разъ только рѣчь
касается чувства, получается полная разногласица, но,
наученнымъ опытомъ нельзя бояться ея,—всегда изъ массы
найдутся, немногіе, которымъ чувство укажетъ правду и на

этой правдѣ закопошится общій интересъ, а за нимъ найдутся и средства и все необходимое.

Безспорно, за эту четверть вѣка много уже сдѣлано для дѣла старины, но еще гораздо больше осталось впереди работы самой тонкой, самой трудной. И не такое дѣло старины, чтобы сдать ее въ археологическія и архивныя комиссіи и справлять триумфъ ея пышными обѣдами археологическихъ съѣздовъ, да на этомъ и почить.

Все больше и больше около старины накапливается задачъ, рѣшить которыя могутъ не одни ученые, но только въ единеніи съ художниками, зодчими и писателями.

Въ жизни нашей многое сбилось, спутались многія основы. Наше искусство наполнилось самыми извращенными понятіями. И старина, правильно понятая, можетъ быть доброй почвой, не только научной и художественной, но и оплотомъ жизни въ ея ближайшихъ шагахъ.

Я могу ожидать вопросъ: „вы дали неутѣшительную картину дѣла старины русской, но что же вы укажете, какъ ближайшій шагъ къ нравственному исправленію этого сложнаго дѣла“?

Что же мнѣ оставалось бы отвѣтить на такой прямой вопросъ? Отвѣтъ былъ бы очень старый;—пора русскому образованному человѣку узнать и полюбить Русь. Пора людямъ, скучающимъ безъ новыхъ впечатлѣній, заинтересоваться высокимъ и значительнымъ, которому они не съумѣли еще отвести должное мѣсто, что замѣнить сѣрые будни, веселюю, красивую жизнью.

Пора всѣмъ оочувствующимъ дѣлу старины кричать о ней при воѣхъ случаяхъ, во всей печати указывать на положеніе ея. Пора печатно неумолимо казнить невѣжественность

администраціи и духовенства, стоящихъ къ старинѣ ближайшими. Пора зло высмѣивать сухарей—археологовъ и безчувственныхъ педантовъ. Пора вербовать новыя молодыя силы въ кружки ревнителей старины,—пока, наконецъ, этотъ порывъ не перейдетъ въ національное творческое движеніе, которымъ такъ сильна всегда культурная страна.

1903

КЪ ПРИРОДѢ.

Не такъ давно, въ печати были приведены правдивые слова де-Буалье о новомъ направленіи искусства къ жизни, къ природѢ.

„Насъ утомилъ культъ нереального, абстрактнаго, искусственнаго... И мы вырвались на открытый воздухъ... И у насъ изъ груди исторглись крики восторга и упоенія: какъ хороша природа! какъ красива жизнь! говорилъ де-Буалье.

Дѣйствительно, теперь вездѣ, то тамъ, то тутъ, раздается этотъ возгласъ: „какъ хороша природа“...

Мы отбрасываемъ всякія условности, забываемъ недавнюю необходимость смотрѣть на все чужими глазами и хотимъ стать къ природѢ лицомъ къ лицу, въ этомъ индивидуальномъ стремленіи приближая наше время, вѣрнѣе сказать, близкое будущее къ одной изъ хорошихъ прошлыхъ эпохъ—къ эпохѣ возрожденія.

Художники настоящаго времени горячо стремятся къ передачѣ природы; стараются они взглянуть на природу, на жизнь глазомъ индивидуальнымъ и въ разнообразіи ихъ всзрѣній передаваемая природа начинаетъ жить. Истинное упрощеніе формы (безъ символическаго шаблона и академической утрировки), восхищеніе передъ легкимъ рѣшеніемъ задачи приближенія къ впечатлѣнію природы, прозрачность фактуры, — именно высокая техника, даже незамѣтная въ своей высотѣ, воѣ эти основанія лежатъ въ корнѣ новѣйшихъ художественныхъ стремленій всѣхъ родовъ искусства.

Этимъ стремленіемъ къ природѣ, конечно, не исключается творчество историческое, ибо мы любимъ его, не по столько, по сколько оно является пріятнымъ патриотическому чувству, поучительнымъ или же иллюстраціей историческаго источника, а оно дорого намъ и цѣнно также потому, что даетъ намъ художественную концепцію несравненио самобытной былой природы и возстановленіе человѣческой личности, неомотря даже на сильную неуравновѣшенность многихъ сторонъ ея, все же можетъ быть полнѣйшей, при большей простотѣ.

Стремленіе къ природѣ, натурализмъ, само собой разумѣется, понимается не только въ широкомъ значеніи въ смыслѣ стремленія вообще къ жизни, но и въ буквальномъ, являющемся непремѣннымъ слѣдствіемъ перваго пониманія, т. е. въ смыслѣ стремленія къ самой канвѣ жизни, стремленія въ природу. Беру первый попавшійся примѣръ. На недавней парижской выставкѣ однимъ изъ любопытныхъ уголковъ ея была швейцарская деревня. Интересно было наблюдать впечатлѣніе, производимое ею на большинство публики; лица какъ-то успокаивались, улыбки дѣлались менѣе искусствен-

ными и напряженными и часто тянулась рука снять шляпу, — это хороший жест! Искренно является онъ только передъ величавымъ, — снимемъ ли мы шляпу передъ старикомъ, въ храмъ ли или передъ морской тишиной. Раздавались голоса: „и не подумаешь, что въ центрѣ Парижа!“ — „Даже воздухъ словно бы чище кажется“, слышалось на различныхъ нарѣчіяхъ, а вѣдь это была лишь грубая поддѣлка, такъ что подобные отзывы можно было объяснить лишь чрезмѣрною скружающею суетою и усиленнымъ надъ природой насиліемъ.

Сильно въ человѣкѣ безотчетное стремленіе къ природѣ (единственной дорогѣ его жизни); до того сильно это стремленіе, что человѣкъ не гнушается пользоваться жалкими пародіями на природу — садами и даже комнатными растеніями, забывая, что подчасъ онъ бываетъ также смѣшонъ, какъ кто-нибудь, носящій волосъ любимаго человѣка.

Все насъ гонить въ природу: и духовное сознаніе, и эстетическія требованія, и тѣло наше — и то ополчилось и толкаетъ къ природѣ, насъ измочалившихся суетою и извѣрившихся. Конечно, какъ передъ всѣмъ естественнымъ и простымъ, часто мы неожиданно упряимся; вмѣсто шаговъ къ настоящей природѣ, стараемся обмануть себя фальшивыми, нами же самими сдѣланными ея подобіями, но жизнь, въ своей спирали культуры неукоснительно сближаетъ насъ съ первоисточникомъ всего и никогда еще, какъ теперь, не раздавалось столько разнообразныхъ призывовъ къ природѣ.

Парадоксальною должна представляться пресловутая нелюбовь Джона Рескина къ желѣзнымъ дорогамъ. Его требованіе сообразоваться при всякихъ сооруженіяхъ съ окру-

жающимъ пейзажемъ могло казаться страннымъ, но въ этомъ послѣднемъ желаніи нѣтъ ничего излишняго; наоборотъ, теперь оно должно считаться практически необходимымъ и непремѣннымъ условіемъ во всѣхъ проявленіяхъ созидательной работы.

Различныя заботы о здоровьѣ природы уже давно признаются насущными; мы разводимъ лѣса, углубляемъ рѣки, удобряемъ землю, предотвращаемъ обвалы, — все это требуетъ усиленной работы и затратъ. Но цѣлесообразное пользованіе пейзажемъ, природою, тоже вѣдь одно изъ существеннѣйшихъ условій ея здоровья и притомъ для выполненія этого условія ничего не надо тратить, не надо трудиться, не надо „дѣлать“, надо только наблюдать, чтобы и безъ того дѣлаемое совершалось разумно. И для осуществленія этой задачи прежде всего необходимо сознаніе, что самый тщательный кусокъ натурального пейзажа все же лучше даже вовсе не самаго плохого созданія рукъ человѣка. Всякій клочекъ природы, впервые подвергающійся обработкѣ рукою человѣка, непремѣнно долженъ вызывать чувство, похожее на впечатленіе потери чего-то невозвратимаго.

И надо сказать, что требованія заботливаго отношенія къ природѣ и сохраненія ея характерности нигдѣ не примѣнимо такъ легко, какъ у насъ. Какой свой характеръ могутъ имѣть многія европейскія области? Придать характеръ тому, что его утратило, уже невозможно. А между тѣмъ, что же, какъ не свсеобразіе и характерность, цѣнно всегда и во всемъ? Не затронемъ принципа національности, но все же скажемъ, что производства народныя цѣнятся не столько по своей исключительной цѣлесообразности, сколько по ихъ характерности.

Русь только начинает застраиваться. Русь начинает мѣнять первобытное хозяйство на новѣйшее. Русь теперь вводитъ разныя важныя статьи благоустройства; многисленныя ея пункты еще по счастью сохранились дѣвственными и характерными. Ничего тамъ не нужно ни сносить, ни передѣлывать, но лишь наложить и дѣлать, имѣя въ виду никакихъ ни трудовъ, ни денегъ,—нестоющее соображеніе экономіи природой.

Указаніе на многіе дѣвственные мѣста Руси, вовсе не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что вопросъ экономіи природой у насъ находится въ благополучномъ состояніи. Конечно, у всѣхъ бездна разбросанныхъ по всей будничной жизни примѣровъ холодной жестокости при обращеніи съ природой, жестокости необъяснимой, доходящей до нелѣпости.

Къ сожалѣнію, соображенія бережливаго отношенія къ природѣ нельзя ни навязать, ни внушить насильно, только само оно можетъ незамѣтно войти въ обиходъ каждаго и стать никому снаружи незамѣтнымъ, но непремѣннымъ стимуломъ создателя.

Скажутъ: „Объ этомъ ли еще заботиться? На соображенія ли съ характеромъ природы тратить время, да времени-то и безъ того мало, да средствъ-то и безъ того не хватаетъ“.

Но, опять же и въ третій разъ скажу, ибо вопросъ о расходахъ настолько всегда краеугольный, что даже призракъ его нагоняетъ страхъ, средствъ это никакихъ не стоитъ, а разговоръ о времени и лишнемъ дѣлѣ напоминаетъ чловѣка, не полощущаго рта послѣ ѣды по недостатку времени. Вотъ, если будутъ отговариваться прямымъ нежеланіемъ,

стремленіемъ жить, какъ дѣды жили (причемъ сейчасъ же учинять что-либо такое, о чемъ дѣды и не помышляли), тогда другое дѣло. Тогда давайте рубить лѣса, класть шпалы по нарочито лучшимъ мѣстамъ, тогда какъ также удобно въ смыслѣ практическомъ, было бы ихъ положить въ со-сѣднемъ направленіи; давайте въ Архаигельскѣ ставить колонаду, а въ Крыму тесовые срубы; тогда... мало ли что еще можно придумать подходящаго для послѣдняго образа мысли.

Въ то время, когда усиленно начинаютъ искать орнаментъ и настоящій стиль, когда вдумавшись въ памятники древности, поиски за орнаментомъ обращаютъ къ той же окружающей природѣ; когда своеобразность въ чело-вѣкѣ начинаетъ цѣниться несравненно, тогда не забиститься о природѣ, факторѣ этой своеобразности,—грѣшно.

Что бы заботиться о чемъ бы то ни было, надо, конечно, прежде всего, знать этотъ предметъ заботы. Знаемъ ли мы, русскіе, нашу природу? Возьмемъ среднее и принуждены будемъ сказать: „не знаемъ“.

„Хотимъ ли мы знать нашу природу?“

„Этого не замѣтно“.

„Принято ли у насъ знакомиться съ нашей природой?“

„Нѣтъ не принято“.

Послѣ всѣхъ этихъ неблагополучныхъ заключеній, попробуемъ найти смягчающее вину обстоятельство.

„Возможно-ли у насъ ознакомленіе съ природою?“ Отвѣтъ: „съ трудомъ“. Правда, послѣдній отвѣтъ умаляетъ тяжесть указанныхъ признаній, но съ другой стороны, вѣдь только спросъ ссздаетъ предлсженіе.

— Почему у васъ такая неприспособленность ко всему?—

спрашиваете вы при случайной остановкѣ на захоластномъ постояломъ дворѣ, раскинутомъ въ превосходнѣйшей мѣстности. — „Кормилецъ, да нешто съ насъ спрашиваетъ кто-нибудь? Нешто кому это надобно? Вотъ ты проѣхаль, да недѣли двѣ назадъ приказчикъ изъ экономин со станowymi, останавливались, а теперь и невѣдомо, когда гостя дождешься“. — „Почему вы не хотите ознакомиться съ внутренними областями?“ — спрашиваете любителя путевой жизни. „Да что вы, хотите что ли меня клопамъ на растерзаніе отдать? Или, чтобы цынга у меня сдѣлалась?“.

Всегда жалуются обѣ отороны другъ на друга. И теперь, когда всмотритесь во всѣ эти строго организованныя поѣздки подъ всѣми углами и по всѣмъ радіусамъ Европы, то прямо смѣшными становятся наши два-три общепринятыхъ маршрута, отъ нихъ же первые „по Волгѣ“, и по „Черному морю“ и полное пренебреженіе ко многимъ остальнымъ, въ самомъ дѣлѣ, прекраснымъ.

И хоть бы что ни говорилось, за исключеніемъ одного процента, всѣ все-таки поѣдутъ по избитымъ путямъ; никакихъ приспособленій для болѣе разнообразныхъ поѣздокъ все-таки сдѣлано не будетъ; никто на пѣшеходные путешествія (столь принятые по Европѣ) не дерзнетъ и все-таки мы будемъ ощущать слишкомъ мало стыда, слыша, что нѣкоторые иностранцы видѣли Россію лучше, нежели исконные ея жители, имѣющіе при томъ возможность такого ознакомленія.

Правда, отъ всякаго смѣльчака, отважившагося отступить отъ традицій и пробраться куда-нибудь въ укромный, обойденный желѣзными путями уголокъ, вы наслышитесь всегда прямо невѣроятныхъ рассказовъ о трудностяхъ пути его (и мнѣ лично приходилось испытывать не мало курье-

зовъ, даже при слѣдованіи довольно обыденнымъ маршрутомъ), но почти безъ исключеній, вторая часть разсказа—впечатлѣніе природы, быта и древности, съ избыткомъ покрываютъ первую. И немудрено!—возьмите любую область. Возьмите суровую Финляндію, съ ея тихими озерами, съ ея гранитами, молчаливыми соснами. Возьмете ли Кивачъ и бодрый сѣверный край. Возьмете ли поэтичную Литву или недавнія твердыни замковъ балтійскихъ—сколько вездѣ своеобразнаго! А Уралъ-то! А протяжныя степи съ отзвуками кочевниковъ! А Кавказъ съ милою патріархальностью еще многихъ племенъ. Да что говорить о такихъ завѣдомо красивыхъ мѣстахъ, когда наши среднія губерніи подчасъ неожиданно даютъ мѣста красоты и характера чрезвычайнаго. Вспомнимъ озерную область—губерніи Псковскую, Новгородскую, Тверскую, съ ихъ окрестностями Валдая, съ ихъ Порховскими, Вышгеродами, съ ихъ привольными холмами и зарослями, смотрящими въ причудливые воды озерныя рѣчныя. Какъ много въ нихъ грустной мелодіи русской, но не только грустной и величавой, а и звонкой и плясовой, что гремитъ въ здоровомъ, рудовомъ бору и переливается въ золотыхъ жнивьяхъ.

О боже съ природой стоитъ любпытная жизнь ея обитателей. Сбилась уже эта жизнь; разобраться въ ней уже трудно безъ книжныхъ указаній, но все же для пытливаго уха среди нея всегда зазвучать новыя струны и дальнезоркій глазъ всегда усмотритъ новые тона.

Много на Руси истинной природы, надо беречь ее.

„У васъ много своеобразнаго и вашъ долгъ сохранить это“,—твердилъ мнѣ на дняхъ одинъ изъ первыхъ художниковъ Франціи.

Говоря о заботливомъ отношеніи къ природѣ, попутно нельзя не сказать тутъ же двухъ словъ о сохраненіи мѣстъ, уже освященныхъ природою, о сохраненіи историческихъ пейзажей и ансамблей.

О сохраненіи историческихъ памятниковъ теперь, слава Богу, скоро можно уже не говорить, на стражѣ ихъ скоро станутъ многолюдныя организаціи съ лицами просвѣщенными во главѣ. Но мало охранить и возстановить самый памятникъ, очень важно, насколько это въ предѣлахъ возможнаго, не покажать впечатлѣнія его окружающимъ.

Не буду говорить о такихъ мелочахъ, какъ надстройка надъ древней крѣпостной башней, бѣлой отштукатуренной колокольни (кажется въ Порховѣ), но на примѣръ, сооруженіе Большихъ Гостининыхъ Рядовъ въ Москвѣ—дѣло прекрасное, но отступи оно еще дальше отъ Кремля и Лобное Мѣсто не стало бы казаться плевательницей, а Василій Блаженный стоялъ бы много свободнѣе. И повтому каждый разъ, проѣзжая мимо Рядовъ, невольно бросаешь недовольный взглядъ на нихъ.

Всякое общеніе съ природой какъ-то освящаетъ чело-вѣка, даже если оно выражается въ такой грубой формѣ, какъ охота. Охотникамъ знакомо тягостное чувство при отъѣздѣ изъ присды; охотникъ скорѣй другихъ прилушивается въ городѣ къ далекому свистку паровоза и вздохнетъ не о томъ, что лишняя птица остается живою, а почему не онъ уѣзжаетъ въ природу.

Всегда особенно много ожидаешь и при томъ рѣдко въ этомъ ошибаешься, когда встрѣчаешься съ чело-вѣкомъ нмѣвшемъ въ юности много настоящаго общенія съ природою, съ чело-вѣкомъ, такъ сказать, вышедшимъ изъ природы и подъ старость возвращающимся къ ней же.

„Изъ земли вышелъ, въ землю уйду“.

Слыща о такомъ началѣ и коицѣ, всегда предполагаешь, интересную и содержательную середину и рѣдко, какъ я ска- залъ, въ этомъ обманываешься.

Иногда бываетъ и такъ, что подъ конецъ жизни чело- вѣкъ немѣюшей возможности уйти въ природу физически, по крайней мѣрѣ, уходитъ въ нее духовно; конечно, это менѣе полно, но все же хорошо заключаетъ прожитую жизнь.

Люди, вышедшіе изъ природы, какъ-то инстинктивно чище и при томъ ужъ не знаю, нашептываетъ ли это миѣ всегда цѣлесообразная природа, или потому, что они здоровѣе ду- ховно, но они обыкновенно лучше распредѣляютъ свои силы и рѣже придется вамъ спросить вышедшаго изъ природы: зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, тогда какъ періодъ даинной дѣя- тельности для него уже миновалъ?

„Бросьте все, уѣзжайте въ природу“,—говорятъ чело- вѣку, потерявшему равновѣсіе, физическое или нравствен- ное, но отъ одного его тѣлеснаго присутствія въ природѣ толкъ получится еще очень малый и хорошій результатъ будетъ лишь, если ему удастся слиться съ природой духовно, впитать духовно красоты ея, только тогда природа дастъ прссителю силы и здоровую, спокойную энергію.

Тѣмъ и важно, что искусство теперь направляется уси- леннымъ ходомъ въ жизнь, въ природу и толкуетъ зрителямъ и слушателямъ разнообразными нарѣчіями красоту ея.

Но нельзя исключить изъ красоты и жизнь внѣ при- роды.

Пусть города грсмоздятся другъ на друга, пусть они за- кутываются пологомъ проволочной паутины, пусть на раз- ныхъ глубинахъ шныряютъ змѣи поѣздовъ, и къ небу ва-

вилонскими башнями несутся стоэтажные дома. Городъ, выросшій изъ природы, угрожаетъ теперь природѣ; городъ; созданный человѣкомъ, властвуетъ надъ человѣкомъ. Городъ въ его теперешнемъ развитіи уже прямая противоположность природѣ; пусть же онъ и живетъ красотою прямо противоположною, безъ всякихъ обобщительныхъ попытокъ ссгласить несогласимое. Въ городскихъ нагроможденіяхъ, въ новѣйшихъ линіяхъ архитектурныхъ, въ стройности машинъ, въ жерлѣ правильной печи, въ клубахъ дыма, наконецъ, въ приемахъ научнаго оздоровленія этихъ, по существу, ядовитыхъ началъ—тоже, своего рода, поэзія, но никакъ не поэзія природы.

И ничего устрашающаго нѣтъ въ контрастѣ красоты городской, и красоты природы. Какъ красивыя контрастные тона вовсе не убиваютъ одинъ другого, а даютъ сильный аккордъ, такъ красота города и природы въ своей противоположности идутъ рука объ руку и обостряя обоюдное впечатлѣніе, даютъ сильную терцію, третьей нотой, которой звучитъ красота „невѣдомаго“.

1901

СПАСЬ НЕРЕДИЦКІЙ.

Синодикъ погибшей старины вырастаетъ.

Показали снимокъ незнакомой церкви. „Откуда это?“
„Вотъ вашъ любимый Спасъ въ новомъ видѣ“.

Сдѣлался некрасивымъ чудный Нередицкій Спасъ. Нынче лѣтомъ его передѣляли. Нашли мертвую букву Византии, отбросили многое, тоже вѣками сложенное.

На пустомъ берегу, звеномъ Новгорода и стараго Городища, Стоялъ Спасъ одинокій. Позднѣйшая звонница, даже ненужный сарайчикъ пристройки, даже рѣдкія ветлы волховскія, все спаялось въ живомъ силуэтѣ. А теперь осталась Новгородская голова на чужихъ плечахъ.

Семь лѣтъ назадъ писалъ я о будущей реставраціи Спаса. Въ 1904 году дошли вѣсти, что Спаса обезглавятъ, и я писалъ: „ужаснутся мужи Новгородскіе, если на любимомъ святочтимомъ Спасѣ засверкаетъ новенькій византийскій котелокъ“.

Кора времени миновала главу; опустилась на плечи. Ободраны милые сѣверу четыре ската крыши; вызваны на свѣтъ уже чуждые намъ полукружные фронтоны. По карнизамъ появились острые сухарики. Откуда они? Зачѣмъ? Кто ихъ навязалъ реставратору, вопреки чутью художника?— Даже карнизикъ барабана главы усѣяли эти ненавистныя острія.

Зачѣмъ полумѣры? Отчего пощадили главу? Почему не перекрыли ее византійскимъ фасономъ? Зачѣмъ не снесли позднюю колокольню?

Если во имя буквы нарушать вѣковую красоту, надо сдѣлать это обстоятельно, во всемъ предѣлѣ изувѣрства. Достанемъ изъ пыли греческій клиръ. Перешьемъ изъ саккоса Адриана, портище Алексѣя Михайловича.

Спѣшите, товарищи, зарисовать, снять, описать красоту нашей старины. Незамѣтно близится конецъ ея. Запечатлѣйте чудесные обломки для будущихъ зданій жизни.

1906

ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ.

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ кажется начнетъ засѣдать коммиссія по выработкѣ положенія объ охранѣ памятниковъ старины. Трудное и высокое дѣло—найти формулу защиты лучшихъ словъ бывшей культуры. Нѣкоторые члены коммиссіи могли бы быть прекрасными хранителями старины во всемъ ея художественномъ пониманіи, но удастся ли имъ повліять на коллегальное рѣшеніе и установить почти немислимую букву закона—весьма неизвѣстно.

Результатомъ трудовъ коммиссіи могутъ быть точные списки памятниковъ старины, прекрасно редактированныя правила, широкіе циркуляры отъ министерства по всѣмъ областямъ и губерніямъ... Но чѣмъ зажжется въ сердцахъ толпы горячее стремленіе оградить красивые останки отъ разрушенія? Какимъ пунктомъ правилъ можетъ быть разъяснено всѣмъ народнымъ массамъ, всѣмъ городскимъ хо-

зьяствамъ, что въ разрушеніи памятниковъ понижается культура страны?

Разойдется коммисія; въ чьихъ же рукахъ останутся прекрасныя правила? Въ чьихъ портфеляхъ потонуть циркуляры? Въ какихъ шкафахъ будутъ погребены точныя и длинныя списки старины?

Будетъ ли коммисіи предоставлено полное право также назвать людей, полезныхъ такому сложному художественному дѣлу?

О памятникахъ старины теперь много пишется. Боюсь, даже не слишкомъ ли много. Какъ бы жалобы на несчастья памятниковъ не сдѣлались обычными! Какъ бы, подъ звуки причитаній, памятники не успѣли развалиться. Правила, правда полезны для охраны старины, особенно сейчасъ, когда многіе остатки древности дошли до роковаго состоянія; но еще нужнѣе наличность людей, наличность настоящей преданности и любви къ дѣлу.

Помню значительное по смыслу засѣданіе Общества Архитекторовъ, посвященное несчастливой реставраціи Нередицкаго Спаса въ Новгородѣ. Помню, какъ оплакавъ Спаса, начали мечтать о возможныхъ правилахъ реставраціи и кончили утвержденіемъ, что каждая реставрація есть своего рода художественное произведеніе. Каждая реставрація требуетъ, кромѣ научной подготовки, чисто творческаго подъема и высокой художественной работы. При этомъ покойный Н. В. Султановъ, человекъ большой культурности, выразился совершенно опредѣленно, что обсуждать реставрацію на основаніи общихъ правилъ нельзя и что каждый отдѣльный случай требуетъ своего особаго обсужденія. Всѣмъ было

ясно, что имѣть значеніе не то, какимъ путемъ будутъ об-
суждаться реставраціи, но кто именно будетъ это дѣлать.

Словъ нѣтъ, на предметъ обсужденій очень хороша кол-
легія. Но главное несчастье коллегіи въ томъ, что она без-
отвѣтственна. Вспомнимъ разныя неожиданности закры-
тыхъ баллотировокъ; вспомнимъ, какъ никто изъ членовъ
не приметъ на себя произошедшей досадной случайности.
Процентъ случайностей въ коллегіальныхъ рѣшеніяхъ прямо
ужасенъ. Вся отвѣтственность тонетъ въ многоликомъ, мно-
гообразномъ существѣ и коллегія расходится, пожимая пле-
чами и разводя руками.

Въ коллегіальныхъ рѣшеніяхъ отсутствуетъ понятіе са-
мое страшное для нашего времени, а именно: отвѣтствен-
ность личная, отвѣтственность съ ясными несмываемыми
последствіями.

Личная отвѣтственность необходима. Начинателю—пер-
вый кнутъ и первая хвала. И можно найти такихъ людей,
которые имѣютъ силы и мужество принять высокую отвѣт-
ственность охраны завѣтовъ культуры, памятниковъ ста-
рины. Имѣются люди, нужные для разныхъ вѣковъ дре-
вности.

Если есть лоборники красоты старины, то кто же бу-
детъ ихъ слушать и слушаться?

Какими путями можно проникнуть въ душу „обывателя“,
для котораго памятникъ есть только старый хламъ? Какими
ключами открывать душу ста милліоновъ людей?

Полные непростительныхъ мечтаній, еще недавно раз-
сказывали мы „повѣсти лирическія“.

Мы говорили: „Россія съ особенною легкостью всегда
отказывается отъ прежнихъ завѣтовъ культуры. Пора уже

понять, какое мѣсто занимаетъ старина въ просвѣщенномъ государствѣ. Пусть памятники стоятъ не страшными покойниками, точно изсохшіе останки, никому ненужные, сваленные по угламъ соборныхъ подземелій. Пусть памятники не пугаютъ насъ, но живутъ и вносятъ въ жизнь лучшія стороны прошлыхъ эпохъ. Больно смотрѣть, какъ памятники теряютъ всякую жизненность; любимый, заботливо обставленный дѣдовскій кабинетъ обращается въ пыльную кладовую хлама. Мы почитаемъ близкихъ покойныхъ. Мы, все-таки, заботимся почитать ихъ памятниками; нѣкоторое время мы желаемъ достойно поддержать памятники и все, принадлежавшее нашимъ близкимъ покойнымъ. Неужели неясно, что памятники древности, въ которыхъ собралось все наслѣдіе былой красоты, должны быть еще болѣе близкими и цѣнными въ нашемъ представленіи“?

Если душа семьи еще жива въ насъ, то неужели душа родовая уже умерла совсѣмъ? Неужели все соединяющая, всеобъемлющая душа земли не подскажетъ народамъ значеніе наслѣдства старины? Это не можетъ быть; націонализмъ, правда, не осилилъ задачу значенія древности, но душа земли, болѣе глубокая, нежели духъ націй, имѣетъ силы отстоять свои сокровища,—сокровища земли, пережившей многіе народы.

Не въ сумракѣ темницъ, должны памятники доживать свой вѣкъ; они должны свѣтить всей праздничной жизни народа.

Дайте памятнику то „чистое“ мѣсто, которое онъ имѣлъ при созданіи—и къ такому живому музею пойдетъ толпа. При оживленіи памятниковъ, оживутъ и тысячи музейныхъ предметовъ и заговорятъ съ пообѣтителями совсѣмъ инымъ

языкомъ; они сдѣлаются живыми частями цѣлаго увлека-
тельного и чудеснаго. Не опасаясь педантичной суши, пой-
детъ молодежь къ дѣдовскому наслѣдію; полная надежды,
заглянетъ она въ чело его и мало въ комъ не шевельнутся
прекрасныя чувствования ранняго дѣтства, потому засыпан-
ныя чѣмъ-то очень „нужнымъ“.

Около старины нужны чуткіе люди. Кромѣ учрежденій
„археологическихъ“, должны появляться общества друзей
старины. Бѣрю, что такія общества народятся скоро.

Городскому Управленію Новгорода, гдѣ есть очень богатые
промышленники скажемъ, словами изъ одной моей старой
статьи о старинѣ: „добрые люди, не упустите дѣло доходное.
Чѣмъ памятникъ охранный, чѣмъ онъ подлиннѣе—тѣмъ онъ
цѣннѣе. Привлеките къ памятнику цѣлые поѣзда любопыт-
ствующихъ, Богъ да проститъ васъ, извлекайте изъ памятни-
ковъ выгоду, продавайте ихъ зрѣлища, сдѣлайте доступъ къ
нимъ оплаченнымъ. Кормите пришедшихъ во имя древности,
поите ихъ во имя старины, зазывайте небылицами, красивыми,
украшайте каждое мѣсто легендами (издатели, слушайте!),
громоздите эпизоды любовныя, устрашайте рассказами жесто-
кими, распалайте богатствами грабежными, торгуйте, про-
давайте и радуйтесь!

(Освяти, отче, средство!). Обложите памятники арендами,
запирайте отъ проходящихъ затворами, берегите ихъ, че-
стно и крѣпко, какъ бумаги процентныя.

Въ памятникахъ вложены капиталы великіе; въ умѣлой
рукѣ въ большомъ барышѣ пойдетъ памятникъ; опасны дѣла
торговья, а памятникъ, что вино, чѣмъ старѣе, тѣмъ цѣннѣе!

Чѣмъ до сердца доходчивѣе, тѣмъ и думайте; не ста-
рину сберегите*!

СТРАННЫЙ МУЗЕЙ.

У насъ мало музеевъ, но и изъ нихъ немногихъ большинство поражаетъ отранностями. Одинъ изъ самыхъ странныхъ—музей Академіи Художествъ.

Не буду касаться нижняго этажа скульптуры, гдѣ во мракѣ, въ пыли и грязи заперты герои и боги. Скажемъ сейчасъ о картинной галлерей.

Неразумный вопрошатель можетъ вообразить, что въ системѣ галлерей Академіи стремится представить русскую школу, хотя бы въ немногихъ главныхъ образцахъ.

Ничуть не бывало. Гдѣ тутъ русская школа, когда въ музеѣ нѣтъ ни Сурикова, ни Куннджи, ни Васнецовыхъ, ни Нестерова, ни Врубеля, ни Рябушкина... Нѣтъ, русская школа тутъ не причемъ.

Можетъ быть, самодовлѣющая „новая“ Академія послѣ старо-профессорскихъ вещей начала собирать картины только

своихъ лучшихъ молодыхъ? Нѣтъ и нѣтъ. Нѣтъ ни Малявина, ни Рушица, ни Сомова, ни Грабаря, ни Кардовскаго...

Даже большинство конкурсныхъ картинъ миновало музей Академіи. Нѣтъ ни формальной основы, ни любви, ни заботы. Въ любой частной коллекціи вещи размѣщаются въ лучшемъ порядкѣ, съ большой заботой освѣщенія и сосѣдства. Ни порядка, ни каталога, ни снимковъ въ музей Академіи; для иностранцевъ даже невѣроятно. Есть только хранители и служители.

Темница искусства доподлинная; къ тому же двѣ трети года закрытая щитами выставокъ. Такое посмѣшище музея надо прекратить. Надо перенести выставки въ иное помѣщеніе; или выстроить его новое въ академическомъ саду, гдѣ кромѣ сторожей и Залемана никого не видно, или лучше, перестроить для этого одинъ изъ корпусовъ квартиръ. И безъ того останутся цѣлые корпуса и этажи квартирныя.

Академія справедливо гордится Кушелевской галлереей, но вѣдь это даръ, это чужія труды, чужая преданность искусству. Многимъ ли можетъ гордиться „новая“ Академія среди своихъ собраній?

Строгая система, широкая справедливость, заботливое устройство, примѣрное содержаніе—ничего этого нѣтъ въ музей Академіи. Нѣтъ даже произвола личности, иногда оправдывающаго любительскія собранія.

Впрочемъ, скажутъ, зачѣмъ говорить о ногахъ, когда все туловище Академіи теперь надъ пропастью.

ГОЛГОѠА ИСКУССТВА.

Странныя легенды живутъ около многихъ музеевъ искусства. Трудно повѣрить, чтобы такъ высока, такъ тяжела была ГолгоѠа исканія красоты. Злоба, зависть, двуличіе собираются именно тамъ, гдѣ менѣе всего имъ уместно. Что имъ, темнымъ, художество? Вѣнецъ жизни имъ, темнымъ, долженъ быть далекъ.

Вотъ еще одинъ случай съ музеемъ. Еще разскажь; его съ недоувѣріемъ будутъ передавать будущіе люди.

Уже писалъ про музей княгини М. К. Тенишевой. Многолюбовно составлялось это собраніе. Сколько красивыхъ вещей было спасено отъ гибели и отъ вывоза въ чужія руки.

Наконецъ собраніе перешло границы любительства; явилась возможность перевести его въ систему музея. Утвердилась мысль отдать собранное богатство городу Смоленску.

Первымъ номеромъ музея должна была стать одна изъ башенъ города; одна изъ обреченныхъ на медленную казнь разрушеніемъ. Башня должна была быть укрѣплена и приспособлена внутри; внѣшность должна была остаться неприкосновенной. Удачная мысль!

Городъ не отдалъ башню свою подъ музей. Городъ предпочелъ разрушать каменное ожерелье Смоленска. Идти навстрѣчу вѣчному украшенію края городъ отказался. Говорятъ, запретилъ умный археологъ. Ни одинъ голосъ не поднялся противъ этого запрещенія. Городъ далекъ былъ понять значеніе дара.

Княгинѣ пришлось на своей землѣ за городской чертою выстроить домъ и туда перенести свое хранилище.

Не успѣли разставить музей въ новомъ мѣстѣ, какъ узнали, что власти не отвѣчаютъ за сохранность его.

Неутомимо везетъ княгиня музей въ Парижъ, на-время. Кромѣ заботы сохранить, является мысль показать красоту русскаго искусства тамъ, гдѣ къ нему больше вниманія. Не въ примѣръ нашимъ городамъ, правительство Франціи приглашаетъ княгиню выставить музей въ Луврѣ, въ павильонѣ Marsan. Тамъ онъ и теперь. Успѣхъ музея извѣстенъ. Лучшія изданія, лучшіе люди оцѣнили его.

И тогда, именно тогда Смоленскъ нашелъ время снова выступить противъ своего музея. Нашелся „проникновенный“ смоленскій житель и началъ писать о „разграбленіи“ смоленскихъ ризницъ. Въ такомъ дѣлѣ обвинилъ онъ и княгиню. Именно теперь нашелся человекъ пишущій: „еще захочетъ ли городъ принять этотъ даръ“. Да, да—такъ было написано о лицѣ, спасшемъ столько предметовъ искусства отъ гибели.

Какое чудовищное недомыслие! Кошмаръ, приведшій въ ужасъ иностранцевъ. Чего же ждать отъ Россіи?

И городъ не выбросилъ изъ своей среды безумца. Городъ молчаливо согласился и съ этою выходкою. Такъ нашель время городъ Смоленскъ отвергнуть щедрый даръ. Даръ, которому всякій культурный центръ отвелъ бы лучшее мѣсто и гордился.

Какъ близка Финляндія. Какъ умѣютъ тамъ цѣнить жертвы искусству. Но не у насъ.

На всякое культурное дѣло мы сумѣемъ навести все темное; тяжелой рукою мы прикроемъ, если что свѣтится.

Паутина трудностей висить надъ всякимъ дѣломъ искусства. Я писалъ о собирательствѣ темномъ—собирательствѣ гномовъ, оно идетъ въ норахъ и по всей Руси. Изъ свѣтлаго стремленья мы сдѣлали тайное дѣло; мы загнали свѣточичи въ глубину подваловъ.

Будеть день—и горько пожалѣетъ Смоленскъ о потерянномъ дарѣ, И вообразить кто-нибудь, не придумалъ ли я этотъ разсказъ.

ОБЪДНѢЛИ МЫ.

Объднѣли мы красою. Изъ жилищъ, изъ утвари, изъ насъ самихъ, изъ задачъ нашихъ ушло все красивое. Крупицы красоты прежнихъ временъ странно остаются въ нашей жизни, и ничто не преобразуютъ собою. Даже невѣрнятно, но это такъ. И обоудать это старо.

Умерь, умерь великій Панъ!

Полныя мечтами о красотѣ являются груды изданій, живутъ десятилѣтія; на томъ же словѣ и умираютъ. А самодовольное сознаніе наше молчитъ по-прежнему. По-прежнему удивленно-насмѣшливо обзрѣваемъ мы истинныя попытки украшенія жизни и при случаѣ плохо встрѣчаемъ безпокойныхъ искателей. Нескончаемо медленно вырастаютъ ряды любителей искусства.

У насъ въ Россіи.

Говорить такъ нелегко. Необходимо почувствовать иное—

безъ ужаса сознанія, что старая Русь по своему художественному смыслу была ближе насъ современному Западу. Необходимо, но можно ли?

Стыдно: въ каменномъ вѣкѣ лучше понимали значеніе украшеній, ихъ оригинальность, безконечное разнообразіе. Не для нашего безразличія расцвѣли красоты восточныхъ искусствъ. Драгоценная струя Возрожденія намъ не ближе пестрой шумихи. Въ хранилищахъ и въ собраніяхъ среди омертвѣлыхъ красивѣйшихъ формъ, и даже не очень давнихъ, приходятъ грустныя мысли. Лучше и не вдумываться въ украшенія древности... Проще сожалѣть далекое, дикое время и кичиться „прогрессомъ“. Сколько нелѣпаго иногда въ этомъ словѣ! Что же и требовать отъ насъ? Справивъ тысячелѣтіе своего царства, мы еще не научились достойно почитать даже красоту старины; беречь ее хотя бы по значенію историческому, если пути искусства намъ не постижимы.

Трудно добиться въ Россіи толка въ дѣлѣ старины; новые шаги тяжелы тѣмъ непоимѣнѣе.

Для насъ красота — звукъ пустой, непонятный и стыдный; что то неподобающее? Не нужна красота тамъ, гдѣ живетъ великое уныніе нашего времени—всевластная пошлость; гдѣ пошлостью и видятъ и чувствуютъ; гдѣ на все необычное опускаются тысячи рукъ. Не сказать ли примѣры?

Не отъ столицъ ждать красоты. Не отъ ихъ сиротливыхъ музеевъ, не отъ торжищъ искусства.

Все красивое тамъ теперь гость случайный.

Въ этихъ истокахъ грязнится живая вода, а чѣмъ она неожиданная изъ тишины и покоя — отъ самой земли. Вер-

шина и корень. Вѣнецъ и основа засвѣтять свѣтъ красоты на гибель серединѣ.

Нужно дѣло. Новые шаги, подвиги нужны, какъ бы затруднены они не были.

Послѣднее время и у насъ есть попытки пробить свѣжіе родники. И всѣ поновители нашей жизни достойны великой чести. Уже нѣсколько лѣтъ наблюдаю такой родникъ. Какъ и должно быть въ живомъ дѣлѣ, въ немъ нѣтъ подневольныхъ путей. Почтена старина лучшимъ вниманіемъ: въ ней найдена живая сила—сила красоты, идущей къ новизнѣ и основы, которой соткали для кристалловъ вѣкового орнамента всѣ царства природы: звѣри, птицы, камни, цвѣты... Сколько очаровательныхъ красокъ, сколько новыхъ неизсякаемыхъ линій!

Украшателю жизни не матеріала искать: искать чистому мысли, непосредственность взгляда и проникновенія въ благородство старыхъ формъ?

И далеко должно быть вдохновляемое примѣромъ старины, отъ разврата стіля, по близорукости нашей часто называемаго „новымъ“.

Въ родникъ—о немъ думаю—работаютъ друзья искусства, полные лучшими мыслями.

Приходили къ нему и достойнѣйшіе нами художники. И Врубель, тончайшій мастеръ, приходилъ къ нему; былъ у него и Малютинъ и Стеллецкій и другіе, интересные. Близки ему работы покойныхъ художницъ Полѣновой и Якунчиковой. Создаетъ родникъ и новыя силы; имъ крѣпнуть и Зиновьевъ и Бекетовъ; талантливая молодежь. Борщевскій, оказавшій такую услугу друзьямъ старины русской своими снимками и

такъ мало отмѣченный нашимъ официальнымъ искусствомъ нашелъ въ родникѣ достойную оцѣнку.

Такое дѣло радуеть.

Въ Кривичахъ Смоленскихъ на великомъ пути въ Греки этотъ родникъ. Тамъ многое своеобычно. Дѣло широко открыто всему одаренному, всѣмъ хорошимъ поискамъ. Слышатся тамъ рѣчи не только про любимцевъ минуты, но и про многихъ другихъ, чьи имена случайно сейчасъ не на гребнѣ волны. Княгиня Тенишева, Марія Клавдіевна стремится истово ставить дѣло въ овоемъ Талашкинѣ подѣ Смоленскомъ. Отъ близости такого центра художества обновляется интересъ и къ самому старому городу Смоленску.

Покойный Сизовъ, давній другъ Талашкина, всегда отзывчивый и живой, хорошо сказалъ мнѣ про начало движенія. Редакторъ „Міра Искусства“, С. П. Дягилевъ, сообщая объ издѣліяхъ мастерскихъ княгини, чутко отмѣтилъ свое впечатлѣніе. „У Талашкина есть будущее“, еще недавно говорилъ мнѣ М. В. Нестеровъ.

Главное: нѣтъ въ Талашкинѣ тягости заклятаго круга. Пусть неизбѣгнуты иныя увлеченія, даже отвлеченія: они всегда въ искусствѣ; но чувствуется насколько дѣло гибко, насколько способно принять все достойное, перебродить въ немъ и расти.

Искренняя любовь къ искусству должна быть, чтобы поднять и установить такое художественное хозяйство.

Устройство мастерскихъ, школъ и музея сложно и хлопотливо. Такая любовь есть у Маріи Клавдіевны. Долгое время она жила въ искусствѣ. Удалось ей уже нѣсколько крупныхъ задачъ.

Въ Русскомъ Музеѣ въ Петербургѣ ея отдѣлъ акварели русской. Только благодаря заботамъ княгини Музей не остался самодовольно чуждымъ такимъ художникамъ, какъ Врубель, Сомовъ и цѣлый рядъ превосходныхъ финляндцевъ. Хорошее собраніе; оно постоянно растетъ новыми покупками. Но мысль первоначальная была еще полнѣе; думалось о цѣломъ собраніи образцовъ всей исторіи акварельной живописи Запада. Думалось и осуществилось уже это, но задача оказалась не по силамъ обширна уставу Музея. И распалась мысль о широко слѣженномъ и нужномъ столицѣ трудѣ.

Первая помогла княгини появленію „Міра Искусства“. Сколько заботы было объ удобствѣ творчества многихъ художниковъ.

Наконцѣ, теперь окончено собраніе великолѣпнаго музея художественно-прикладного и этнографическаго. И опять музей отдается на общее пользованіе. Радость будетъ Смоленску. Музей изъ Талашкина уже перенесенъ въ городъ. Многія отличныя вещи заботливо собраны въ немъ. Замѣчательны и шитье, и рѣзба, иконы, и скань, и металлъ. Объединяетъ ихъ личный вкусъ, не только буква науки; субъективная основа всегда даетъ отпечатокъ уюта собраніямъ. Между старинными вещами займутъ должное мѣсто работы новѣйшихъ мастеровъ, несравненныя уники Лялика, Фаллиза, Галлэ, Колонна, Тиффани и другихъ безподобныхъ. Конечно, Смоленскъ уже локосился на дѣло и

предпочель выгребать песокъ изъ-подъ стѣнъ и башенъ, изъ-подъ своего знаменитаго ожерелья, но сохранить одну изъ ихъ для музея—оказаясь негодимъ. Случилось это къ добру. Крѣпче Музею стоять на своемъ дворѣ за яснымъ уставомъ — обороною отъ всякихъ случайностей нашей „культуры“.

Безъ устали поднять столько дѣлъ, дорогихъ искусству, по нашему времени просто небывало; можно только особою склонностью къ искусству и многолѣтнею подготовкой. И вотъ, когда видишь въ Талашкинѣ радость и отъ курганной эмали, и отъ гребня Лялика, отъ новѣйшаго образца переплета, отъ миниатюры, отъ лиможей и клуазоннэ, отъ рѣзного складня, отъ шитья убора — отъ самыхъ разныхъ красивыхъ вещей, внутренно радуешься за самое дѣло.

Значить, оно жизнеспособно.

Въ Талашкинѣ неожиданно переплелись широкая хозяйственность съ произволомъ художества; усадебный домъ—съ узорчатыми теремками; старописный уставъ—съ поолѣдними рѣчами Запада. Многое непримиримо. И въ непримиримости этой особый пульсъ, который выявляетъ нашу многогранную жизнь.

Этотъ пульсъ во всѣхъ силахъ Талашкина. Особый укладъ получаетъ и сельскохозяйственная школа, и художественныя мастерскія. Въ ученикахъ и молодыхъ мастерахъ пробуждается пытливый взглядъ. На окрестное населеніе,

всегда близкое художественному движенію Талашкина, ложится вѣчная печать вѣчнаго смысла жизни. Тысячи окрестныхъ работницъ и работниковъ идутъ къ Талашкину— для цѣлой округи значеніе огромное; такъ протянулась безконечная паутина лучшаго заживленія. .

У священнаго очага, вдали отъ городской заразы, творить народъ вновь обдуманые предметы, безъ рабскаго угодства, безъ фабричнаго клейма, творить любовно и досужно. Снова вспоминаются завѣты дѣдовъ и красота и прочность старинной работы. Въ молодежи зарождаются новыя потребности и крѣпнуть яснымъ примѣромъ. Нехогда бѣжать въ винную лавку; и безъ нея вѣрится празднику, когда кругомъ открывается столько истинно занятнаго, столько уносящаго отъ будней.

Самъ Микула выарываетъ изъ земли красоту жизни. Запечатлѣется красота въ укладѣ деревни и передается многимъ поколѣніямъ. Опять всѣ мелочи дѣланія можетъ покрыть сознаніе чистаго и хорошаго. Опять можетъ открыться многое за всякую тяготу.

Вѣдь это намъ нужно. Отъ большой жизни искусства, отъ новѣйшихъ и сильныхъ кружковъ до захлустыя деревни — вездѣ нужна почва желанья и стремленья. А препятствій безъ числа.

Мечты о ясномъ подходѣ къ явленіямъ жизни, рожденнымъ тайнами природы, бессознательно, какъ природа, красивы и бездонно велики смысломъ красоты. Чтобы увидѣть, надо омыть глаза чистымъ искусствомъ, безъ ученій, безъ границъ и условнаго. Увидѣвшій не вернется болѣе къ обыденному.

Присматриваюсь къ Талашкину.

Видно, душевною потребностью, сознанием твердой и прочной почвы двинулось дѣло талашкинскихъ школъ и музея.

Послѣ знакомства съ творческими путями лучшихъ мастеровъ всѣхъ временъ, послѣ юбилейныхъ сроковъ ученья Рескина, смѣшно говорить о достоинствахъ техники при развитомъ творествѣ. Но у насъ, гдѣ промышленникъ и художникъ разъединены такъ часто; гдѣ само соединеніе этихъ словъ бесконечно слогами и темно значеніемъ; у насъ, гдѣ носящіе этотъ длинный титулъ множатся, но имена свои въ исторіи искусства почти не заносятъ,—у насъ еще можно хвалить сознательное творчество въ прикладной техникѣ. Въ этомъ же можно хвалить и Талашкино.

Въ немъ нѣтъ таинства строгихъ авгуровъ. Всѣ дали искусства видны работникамъ мастерскихъ. Домовитый очагъ, полный вниманія къ лучшимъ современнымъ изданіямъ, къ работамъ новыхъ художниковъ, къ трепету спора выставокъ — всѣмъ близко. При выполненіи избраннаго мастерство у всякаго ученика составляетъ свое Святая Святыхъ: альбомы, пробы, копии и сочиненія. Этимъ самымъ, помимо природныхъ способностей вышивальщицъ и рѣзчиковъ, въ работахъ учениковъ чувствуется часто творецъ техникомъ, понимающій и оцѣнившій качества своего матеріала. Слышать ученики объ единеніи ремесла и творчества не устно только, но ведутъ ихъ къ этому сознанию и дѣломъ. Княгиня сама примѣняетъ орнаментъ, въ разныхъ матеріалахъ, подавая примѣръ. Художники, бывавшіе въ мастерскихъ, тоже не

остаются чуждыми разнымъ производствамъ. А ученики въ работѣ технической помнятъ о творчествѣ. И замѣтно, что для нихъ работа не бездушна идеаломъ, „безъ сучка и задоринки“, но близко сознательна въ самихъ мелочахъ и случайностяхъ, повышающихъ предметы искусства. Работа съ натуры ведетъ ихъ къ тому же.

Смягчилась ступень высшихъ и низшихъ. Ясно ученикамъ, что прежде всего и дороже—искра художника и только изъ нея идетъ истинное совершенство техники. Много недоразумѣній на этой почвѣ. То же самое, казалось бы всѣмъ извѣстное, вспоминаю, говорилъ мнѣ и А. И. Куинджи, тотъ самый А. И. Куинджи, котораго почему-то не хотѣли понять и считаютъ врагомъ „прикладного“ искусства. А онъ, какъ художникъ, конечно, слишкомъ высоко ставитъ творчество, чтобы допустить клеймо ремесла.

Творческую сторону дѣла, несомнѣнно, предпочитаетъ требованія изъ магазина о повтореніи проданныхъ предметовъ и клягиня Марія Клавдіевна. вмѣсто отвѣта не многія она находитъ единственно вѣрнымъ давать вещи въ новыхъ рисункахъ. Сама обстановка дѣла со сбытомъ въ магазинѣ не можетъ удовлетворить ее и она ищетъ болѣе подходящія условія выставки издѣлій. Такая боязнь опошленія тоже хорошей залогъ. Въ стремленіи къ совершенству и разнообразію ученикамъ дается прочное огражденіе отъ будущихъ искусовъ жизни.

Съ годами добромъ помянуть вышедшіе изъ Талашкина свое школьное время.

Рядъ острыхъ воспоминаній.

Фигурные, звѣринаго и цвѣточнаго рисунка, ворота и

столбы. Сказочные теремки. Вышиванья. Чаща узоровъ: острые «городки», пухлая «настебка», узорно-прозрачная «рѣдинка», «наборъ Москва», «строчка», «кресты»... Сукманнина, рѣдно-дерюга, браннина, нацѣпина...—ткани простыя, на глазъ бархатистыя, мягкія. Красильня съ таинствомъ красокъ; пучки травы и кореньевъ; древняя старуха мордовка въ стародавнемъ нарядѣ, вѣдунья состава прочныхъ цвѣтовъ.

Хоры. Музыка. Событіе деревни—театръ. И театръ затѣйный. Вспоминаю приготовленія къ «Сказкѣ о семи богатыряхъ». Мнѣ, заѣзжему, виденъ весь муравейникъ. Пишется музыка. Укладывается текстъ. Сколько хлопотни за костюмами; сдѣланные заново должны быть хороши, подѣ стать старымъ, взятымъ изъ музея. Постановка. Танцы. И не узнать учениковъ. Какъ бѣгутъ послѣ работы отъ верстака, отъ косы и граблей къ стариннымъ уборамъ; какъ стараются «сказать»; какъ двигаются въ танцахъ, играютъ въ оркестрѣ. Съ неохотой встрѣчаютъ ночь и конецъ.

Прошлымъ лѣтомъ любовался такимъ представленіемъ. Былъ участникомъ шумной радости.

Видѣлъ и начало храма этой жизни. До конца ему еще далеко. Приносятъ къ нему все лучшее. Въ этой постройкѣ могутъ счастливо претвориться чудотворныя наслѣднія старой Руси, съ ея великимъ чутьемъ украшенія. И безумный размахъ рисунка наружныхъ стѣнъ собора Юрьева-Польскаго, и фантазмагорія храмовъ Ростовскихъ и Ярославскихъ, и внушительность Пророковъ Новгородской Софіи,—все наше сокровище Божества не должно быть забыто. Даже храмы Аджанты и Лхассы. Пусть протекаютъ годы въ спокойной работѣ. Пусть она возможно полнѣй воплотитъ завѣты красотъ.

Гдѣ желать вершину красоты, какъ не въ храмѣ, высочайшемъ созданіи нашего духа?

Удивляются успѣху Талашкина. Удивляются, почему быстро расходятся издѣлія его мастерскихъ? Но это проломы въ плотномъ строѣ прошлости, и даютъ они надежды на будущее. Недаромъ заграницей оцѣнивають достоинства дѣла княгини Тенишевой и съ доброжелательствомъ говорятъ о немъ. Недаромъ молодежь полна желаній примѣнить силы свои въ такомъ дѣлѣ. Въ стремленіи молодежи всегда звучитъ хорошее, не задавленное предубѣжденіемъ возраста.

Говоря о дѣлѣ сейчасъ, приходится только сказать о развитіи его въ случайной минутѣ. Трудно предугадать, какъ шагнетъ дѣло, какіе заторы его ожидаютъ и какой олдѣ оставитъ оно въ русской жизни. Можно только догадываться, что будущее его можетъ быть такъ же примѣчательно, какъ и начало. И корни дѣла не такъ недалеко отъ «единства» стилия, въ стремленіи молодого Запада. Различіе подхода не заслонитъ цѣли—торжества строгой формы и линіи и сліянія съ «единымъ» западнымъ стилемъ, не въ слѣпомъ подражаніи ему, а въ единствѣ глубинъ красоты.

Считаютъ издѣлія Талашкина безупречными. Другіе отрицаютъ ихъ, забывая, что одно изъ главныхъ достоинствъ творчества Талашкина—отсутствіе скучной заключительной точки.

Много спора, какъ и обо всемъ, что не уложилось въ обмѣренныя рамки.

О характеръ издѣлій Талашкина говорятъ разно. Называютъ этотъ стиль новымъ, измышленнымъ, непримѣнимымъ. Говорятъ, что это прямое преемство отъ старорусскихъ завѣтовъ. Находятъ въ немъ путь къ обновленію всей русской обстановки обихода. Видятъ его чуть ли не достояніемъ народнымъ. Упрекаютъ за грубость матеріала и техники; обвиняютъ въ этомъ Малютина... Не знаю, что вѣрнѣй. Не хочу и думать объ этомъ. Эта дума ненужная. Она никому не поможетъ, ни пользующимъ, ни творящимъ. Такими думами только закрѣпляются рамки вокругъ дѣла, свободнаго по существу. Вышивкамъ крестьянокъ, полнымъ пріятнѣйшихъ, растительнѣйшихъ красокъ и завѣтныхъ стежковъ и узоровъ, кристаллизованныхъ вѣками; сочной рѣзбѣ и гончарству въ удачныхъ вещахъ — нѣтъ дѣла, кому они будутъ служить и какъ; безразлично имъ, чей глазъ ласкать и покоить.

Лишь бы росли и развивались такія дѣла. Лишь бы тѣмъ самымъ искусство становилось намъ болѣе нужнымъ.

Уомѣхаемся горько; «нисколько не возбраняется презирать искусство. Любить его никто не обязанъ... Справедливо мнѣніе, что искусство ничего не требуетъ отъ правительства кромѣ того, что требовалъ у Александра Діогенъ: посторонись, не заслоняй мнѣ солнца». Эта скромная просьба искусства обращена и къ толпѣ, къ академіямъ, часто къ критикѣ и ко многимъ художникамъ.

Конечно, въ настоящее время, а можетъ быть, и въ ближайшіе дни искусство будетъ особенно далекимъ отъ насъ, заслоненное другими событіями жизни. Можетъ быть, еще никогда русская мысль не удалялась такъ отъ искусства,

какъ сейчасъ. Но тѣмъ пріятнѣе въ эти дни мечтать объ искусствѣ. Пріятно сознать, что, можетъ быть, хотя бы путемъ временнаго удаленія, мы ближе подойдемъ къ нему, къ его жизненной сущности. Можетъ быть... И глаза наши, полузакрытые, открюются на многое вѣчное.

Къ этому времени нужна работа. Нужны усилія не только отдѣльныхъ личностей, лишенныхъ ли дѣла, уходящихъ ли «въ горы», подавленныхъ ли въ своихъ лучшихъ стремленіяхъ. Нужны явленія сильныя, съ широкимъ размахомъ. Такое и дѣло княгини Тенишевой, крѣпкое въ неожиданномъ единеніи земляного нутра и лучшихъ словъ культуры.

Въ сторонѣ отъ центровъ, внѣ барышей и расчетовъ творится большое, хорошее, красивое.

Такъ вспоминается Талашкино.

1905.

РАДОСТЬ ИСКУССТВУ.

1908

I.

Наше искусство очистимъ-ли? Что возьмемъ? Куда обратимся?—Къ новымъ ли перетолкованіямъ классицизма? Или сойдемъ до античныхъ первоисточниковъ? Или углубимся въ бездны примитизма? Или искусство наше найдетъ новый свѣтлый путь „нео-націонализма“, овѣянный священными травами Индіи, крѣпкій чарами финскими, высокій взлетами мысли такъ называемаго „славянства“? Сейчасъ еще не остановлюсь на можетъ быть загадочномъ словѣ „нео-націонализмъ“. Нужны дѣла,—еще рано писать манифестъ этому слову. Всѣхъ насъ безконечно волнуетъ—откуда придетъ радость будущаго искусства? Радость искусства—о ней мы забыли—идеть. Въ послѣднихъ исканіяхъ мы чувствуемъ шаги этой радости.

Среди достижений выдвигается одно счастливое явленіе. Съ особенной остротою вырастаетъ сознание о настоящей украшаемости „декоративности“. О декоративности, какъ

единственномъ пути и началѣ настоящаго искусства. Такимъ образомъ опять очищается мысль о назначеніи искусства—*украшать*. Украшать жизнь такъ, чтобы художникъ и зритель, мастеръ и пользующійся съединялись экстазомъ творчества и хоть на мгновение ликовали чистѣйшею радостью искусства.

Можно мечтать, что именно исканіями нашего времени будутъ отброшены мертвые придатки искусства, навязанные ему въ прошломъ вѣкѣ. Въ массахъ слово *украшать* будто получаетъ опять обновленное значеніе. Изъ порабощеннаго, служащаго искусство вновь можетъ обратиться въ перваго двигателя всей жизни.

Драгоценно то, что культурная часть общества именно теперь особенно настойчиво стремится узнавать прошлое искусства. И, погружаясь въ лучшіе родники творчества, общество вновь пойметъ все великое значеніе слова „*украшать*“. Въ огнѣ желаній радости—залогъ будущихъ яркихъ достижений. Достиженія эти сольются въ апоэозѣ какого-то новаго стиля, сейчасъ немыслимаго. Этотъ стиль дастъ какую-то эпоху, намъ совершенно невѣдомую. Эпоху по глубинѣ радости, конечно, близкую первымъ лучшимъ началамъ искусства. Машинны будущаго—искусству не страшны. Цвѣты не расцвѣтаютъ на льдахъ и на камнѣ. Для того, чтобы сковалась стройная эпоха творчества, нужно, чтобы вслѣдъ за художниками все общество приняло участіе въ постройкѣ храма. Не холодными зрителями должны быть всѣ люди, но сотрудниками работы. Такое мысленное творчество освятитъ всѣ проявленія жизни и будетъ тѣмъ цѣннымъ покровомъ холодныхъ камней, безъ котораго корни цвѣтовъ высыхаютъ.

Пусть будетъ такъ, пусть всѣ опять научатся радости.

Судьба обращаетъ насъ къ началамъ искусства. Всѣмъ хочется заглянуть вглубь, туда, гдѣ сумракъ прошлаго озаряется сверканьемъ истинныхъ украшеній. Украшеній, повторенныхъ много разъ въ разные времена, то роскошныхъ, то скромныхъ и великихъ только чистотою мысли, ихъ со-здавшей.

Счастлирое прошлое есть у всякой страны, есть у всякаго мѣста. Радость искусства была суждена всѣмъ. Съ любой точки земли чеповѣкъ могъ къ красотѣ прикасаться.

Не будемъ слишкомъ долго говорить о томъ, почему мы сейчасъ почти разучились радоваться искусству. Не будемъ слишкомъ мечтать о тѣхъ дворцахъ свѣта и красоты, гдѣ искусство сдѣлается дѣйствительно нужнымъ. Теперь мы должны посмотрѣть, когда именно бывала радость искусства и на нашихъ земляхъ. Для будущаго стронтельства эти старья вѣхи сдѣлаются опять нужными.

Не останавливаясь на обычныхъ историческихъ станціяхъ, мы пройдемъ, поступью любителя, къ началамъ искусства. Пройдемъ не къ позднѣйшимъ отраженіямъ, а туда—къ дѣйствительнымъ началамъ. Посмотримъ, насколько эти начала близки нашей душѣ. Попробуемъ рѣшить, если бы мы, такіе какъ мы есть, могли перемѣститься въ разные далекіе вѣка, то насколько бы мы почувствовали себя близкими въ нихъ бывшему искусству. Геніальныхъ дѣтей или мудрецовъ можемъ мы увидѣть? Не будемъ описывать отдѣльныхъ предметовъ; не будемъ ихъ измѣрять и объяснять. Такія навязанныя измѣренія могутъ обидѣть ихъ прежнихъ авторовъ и владѣльцевъ.

Сейчасъ намъ нужно намѣтить главныя вѣхи радости

искусства. Не измѣреніе, а впечатлѣніе нужно въ искусствѣ. Безъ боязни преемственности, строго сохранимъ принципъ, что красивое, замѣчательное, благородное всегда такимъ и останется, не смотря ни на что. Клевета не страшна. Согласимся отбросить все узко-національное. Оставимъ зипуны и мурмолки. Кромѣ балагана, кромѣ привязанныхъ бородъ и переодѣваній, вспомнимъ, была-ли красота въ той жизни, которая протекала именно по нашимъ территориямъ.

Намъ есть что вспомнить, цѣнится въ глазахъ всего міра.

Минуемъ отступленія и заблужденія въ искусствѣ, которыми полно еще недавнее прошлое. Многое постороннее, что успѣло въ силу нехудожественнаго принципа войти въ искусство, нужно съумѣть забыть поскорѣе. Желая радоваться, мы не должны останавливаться на порицаніяхъ. И безъ того, когда говорятъ о современномъ искусствѣ, то больше обращаютъ вниманіе не темныя, нежели на радостныя стороны дѣла. Въ чрезмѣрныхъ занятіяхъ порицаніями чувствуется молодость Россіи. Въ то время, какъ Западъ спѣшитъ мимо маловажныхъ вещей къ замѣчательному, мы особенно усидчиво остаемся передъ тѣмъ, что намъ почему-либо не нравится. При этомъ „почему-либо“ выходить за всякіе возможные предѣлы, и слишкомъ часто мы легкомысленно говоримъ о личностяхъ, тѣмъ самымъ попирая дѣло. Въ такомъ проявленіи молодости никто, конечно, не сознается, но фактъ остается непреложнымъ: для сознанія значенія и полезности намъ все еще необходима утрата. Одинъ изъ послѣднихъ ужасающихъ примѣровъ: Врубель, избранный академикомъ только послѣ слѣпоты для малопризнанный критикой, пока бслѣзнь не остановила ростъ его искусства. Сами того не замѣчая,

многіе слишкомъ думаютъ о томъ, какъ бы уничтожить, а не о томъ, какъ создать. Поспѣшимъ къ радостямъ искусства.

Поспѣшимъ въ трогательные тридцатые годы. Мысленно полюбуемся на прекрасные, благородные расцвѣты Александровскаго времени. Воохитимся пышнымъ, истинно декоративнымъ блескомъ времени Екатерины и Елизаветы. Изумимся непостижимымъ совмѣщаніямъ Петровокой эпохи. По счастью, отъ этихъ временъ сохранилось еще очень многое, и они легче другихъ доступны для изученій и наблюденій. Сейчасъ мы имѣемъ такихъ исключительныхъ выразителей этихъ эпохъ. Пройдемъ же туда, гдѣ еще такъ недавно искусство считалось только поработаннымъ, скромнымъ олужителемъ церкви.

Думая о старинѣ мы должны помнить, что настоящее пониманіе допетровской Руси испорчено. Чтобы вынести отсюда не пѣтушиный стиль, чтобы не вспомнить только о дугѣ и рукавицахъ, надо брать одни первоисточники. Всѣ перетолкованія прошлаго вѣка должны быть забыты. Церковь и домъ сѣвернаго края мы должны взять не изъ чертежа профессора, а изъ натуры, можетъ быть даже скорѣе изъ скромнаго этюда ученика, который не рѣшился „по своему“ исправить своеобразное выраженіе старины. Богатство царскихъ покоевъ, не изъ акварелей Солнцева, а только мысленно перенося въ жизнь сокровища Оружейной Палаты. Если сейчасъ мы вспомнимъ архитектурный музей Академіи Художествъ, то ужаснемся, по какимъ образцамъ ученики вынуждены узнавать интересное прошлое и чѣмъ эти образцы и теперъ пополняются. Сознаемся, что въ допетровской Руси среди драгцѣнностей, одежды, тканей и оружія

много европейской красоты. Все это настоящимъ способомъ декоративно.

Какъ магически декоративны Чудотворныя лики! Какое постиженіе строгой силуэтности и чувство мѣры въ стѣ-
оненныхъ фонахъ. Ликъ-грознаый, Ликъ-благостный, Ликъ-
радостный, Ликъ-печальный, Ликъ-милостивый, Ликъ-все-
могущій.

Все тотъ же Ликъ спокойный чертами, бездонный кра-
сками, великій впечатлѣніями,—Чудотворный.

Только недавно сомѣлились взглянуть на иконы, не на-
рушая ихъ значенія, со стороны чистѣйшей красоты; только
недавно разсмотрѣли въ иконахъ и стѣнописяхъ не грубыя,
неумѣлыя изобразенія, а великое декоративное чутье, овла-
дѣвавшее даже огромными плоскостями. Можетъ быть, даже
безсознательно авторы фресокъ пришли къ чудесной деко-
раціи. Близость этихъ композицій къ настоящей декоратив-
ности мы мало еще умѣемъ различать, хотя и любимъ из-
слѣдовать черты, и детали, и завитки орнамента старинной
работы. Какой холодъ наполняетъ часто эти изслѣдованія!
Иногда, слушая разсужденія такъ называемыхъ „специали-
стовъ“ даже желаешь гибели самихъ неповинныхъ прекра-
сныхъ предметовъ; если они могли вызвать такія противо-
художественныя сужденія, то пусть лучше погибнуть.

Въ яркихъ стѣнныхъ покрытіяхъ храмовъ Ярославля и
Ростова какая смѣлость красочныхъ выраженій!

Осмотритесь въ храмъ Изана Предтечи въ Ярославль.
Какія чудеснѣйшія краски васъ окружаютъ! Какъ смѣло со-
четались лазоревые воздушнѣйшіе тона съ красивой охрой!
Какъ легка изумрудно-сѣрая зелень и какъ у мѣста на ней
красноватая и коричневатая одежды! По тепловатому свѣт-

лону фону летятъ грозные архангелы съ густыми желтыми сияніями, и бѣлые ихъ хитоны чуть холоднѣе фона. Нигдѣ не беспокоитъ глазъ золото, вѣнчики освѣтятся одною охрю. Стѣны эти—тончайшая шелковистая ткань, достойная одѣвать великій Домъ Предтечи!

Или вспомните тепловатый побѣдный тонъ церкви Ильи Пророка! Или, наконецъ, перенеситесь въ лабиринтъ ротовскихъ переходовъ, гдѣ каждая открытая дверка поражаетъ васъ неожиданнымъ стройнымъ аккордомъ красокъ. Или на пепельно-бѣлыхъ стѣнахъ сквозятъ чуть видными тонами образы; или пышетъ на васъ жаръ коричневыхъ и раскаленно-красныхъ тоновъ; или успокаиваетъ задумчивая синяя-празелень; или какъ бы суровымъ словомъ канона останавливаетъ васъ сѣрыми тѣнями образъ, залитый охрой.

Вы вѣрите, что это такъ должно было быть, что сдѣлалось это не случайно; и кажется вамъ, что и вы не случайно зашли въ этотъ Домъ Божій, и что это красота еще много разъ будетъ нужна намъ въ вашей будущей жизни.

Писались эти прекрасныя вещи не какъ-нибудь зря, а такъ, чтобы „предстоящимъ мнѣти бы на небеси стояти предъ лица самихъ первообразныхъ. Главное въ томъ, что работа дѣлалась „лѣпо, честно, съ достойнымъ украшеніемъ, приличнымъ разборомъ художества“.

Писали Иверскую икону; обливали доску святою водою; съ великимъ дерзновеніемъ служили Божественную литургію, мѣшали св. воду и св. мощи съ красками; живописецъ только по субботамъ и воскресеньямъ получалъ пищу; великъ экстазъ созданія древней иконы и счастье, когда выпадалъ онъ на долю природнаго художника, понявшаго красоту вѣкового образа.

Прекрасные заѣты великихъ итальянцевъ въ чистодекоративной перефразѣ слышатся въ работѣ русскихъ артелей; татарщина внесла въ русскую кисть капризность Востока. Горестно, когда многіе слѣды стараго творчества появляются не по драгоценнымъ преданіямъ.

Въ царскомъ періодѣ Руси мы ясно видимъ чистую декоративность. Строительство въ храмахъ, палатахъ и частныхъ домикахъ даетъ прекрасные образцы пониманія пропорцій и чувства мѣры въ украшеніяхъ. Здѣсь спорить не о чемъ!

Безконечно изумляешься благородству искусства и быта Новгорода и Пскова, выросшихъ на „великомъ пути“, напитавшихся лучшими соками ганзейской культуры. Голова льва на монетахъ Новгорода, такъ схожая со львомъ св. Марка, не была ли мечтою о далекой царицѣ морей—Венеціи? (Символика монетныхъ изображеній дастъ еще большія неожиданности. Нумизматика тоже ждетъ своего художники). Когда вы вспоминаете расписные фасады старыхъ ганзейскихъ городовъ, не кажется ли вамъ, что и бѣлая строенія Новгорода могли быть украшены забавною росписью?

Великій Новгородъ, мудрый безпредѣльными набѣгами своей вольницы, скрылъ сейчасъ отъ случайнаго прохожаго свой прежній ликъ, но на представленіи о славѣ новгородской не лежатъ никакихъ темныхъ пятенъ. Представленіе о Новгородѣ далеко отъ тѣхъ предвзятыхъ затемненій, которыя время набросило на русскую татарщину.

Изъ татарщины, какъ изъ эпохи ненавистной, время истребило цѣлыя страницы прекрасныхъ и тонкихъ украшеній Востока, которыя внесли на Русь монголы.

О татарщинѣ остались воспоминанія только какъ о какихъ-

то мрачныхъ погромахъ. Забывается, что таинственная колыбель Азіи вскормила этихъ диковинныхъ людей и повила ихъ богатыми дарами Китая, Тибета, всего Индостана. Въ блескѣ татарскихъ мечей Русь вновь слушала сказку о чудесахъ, которыя когда-то знали хитрые арабскіе гости Великаго Пути и греки.

Монгольскія лѣтописи, повѣсти иностранныхъ посольствъ толкуютъ о непостижимомъ смѣшеніи суровости и утонченности у великихъ кочевниковъ. Повѣсти знаютъ, какъ ханы собирали къ ставкѣ своей лучшихъ художниковъ и мастеровъ.

Кромѣ установленной всѣми учебниками, можетъ быть иная точка зрѣнія на оущность татаръ. Вспоминая ихъ презрѣніе къ побѣжденному, къ не сумѣвшему отстоять себя, не покажутся ли символическими многіе поступки кочевниковъ? Пиръ на тѣлахъ русскихъ князей, высокомѣріе къ вѣстникамъ и устрашающія казни взятыхъ въ плѣнъ? Развѣ князья своею разъединенностью, взаимными обидами и наговорами или позорнымъ омиреньемъ не давали татарамъ лучшихъ поводовъ къ высокомѣрію? Если татары, наконецъ, научили князей упорству, стойкости и объединенности, то они же оставили имъ татарскіе признаки власти—шапки и пояса, и внесли въ обиходъ Руси сокровища ковровъ, вышивокъ и всякихъ украшеній. Не замѣчая, взяли татары древнѣйшія культуры Азіи и также невольнио, полные прерарѣнія ко всему побѣжденному, разнесли ихъ по русской равнинѣ.

Не забудемъ, что, кромѣ пѣсни о татарскомъ полонѣ, можетъ быть еще совсѣмъ иная пѣсня: „мы, татары, идемъ“.

Изъ временъ смутныхъ одиноко стоятъ остатки Суздаля, Владиміра, и сказочный храмъ Юрьева Польскаго. Не рус-

скія руки трудились надъ этими храмами. Можетъ быть аланы Андрея Боголюбскаго?

Если мы боимся вспомнить о татарскомъ огнѣ, то еще хуже вспоминать, что усобицы князей еще раньше нарушили обаянія великихъ созданій Ярослава и Владиміра. Русскіе тараны также били по бѣлымъ вѣжамъ и стѣнамъ, которыя прежде свѣтились, по словамъ лѣтописи, „какъ сырѣ“. И раньше татаръ начали пустѣть триста церквей Кіева.

Когда идешь по равнинамъ за окраинами Рима, то невозможно себѣ представить, что именно по этимъ пустымъ мѣстамъ тянулась необъятная, десяти-милліонная столица цезарей. Даже когда идешь къ Новгороду отъ Нередицкаго Спаса, то дико подумать, что пустое поле было все занято шумомъ ганзейскаго города. Намъ почти невозможно представить себѣ великолѣпіе Кіева, гдѣ достойно принималъ Ярославъ всѣхъ чужестранцевъ. Сотни храмовъ блестяли мозаикой и стѣнописью, скудные срывки церковныхъ декораций Кіева; обрывки стѣнописи въ новгородской Софіи; величественный, одинокій Нередицкій Спасъ; части росписи Мирожскаго монастыря во Псковѣ... Всѣ эти огромныя большеокія фигуры, съ лицами и одеждами, очерченными дѣйствительными декораторами, все-таки не въ силахъ рассказать намъ о расцвѣтѣ Кіева временъ Ярослава.

Минувшимъ лѣтомъ въ Кіевѣ, въ мѣстности Десятинной церкви, сдѣлано замѣчательное открытіе: въ частной усадьбѣ найдены остатки какихъ-то палатъ, груды костей, обломки фресокъ, изразцовъ и мелкія вещи. Думаютъ, что это остатки дворцовъ Владиміра или Ярослава. Нецерковныхъ украшеній отъ построекъ этой поры мы вѣдь почти не знаемъ, и потому тѣмъ цѣннѣе мелкіе фрагменты фресокъ, пока найден-

ные въ развалинахъ. Въ Археологической Комиссiи я видѣлъ доставленныя части фрески. Часть женской фигуры, голова и грудь. Художественная малоазійскаго характера работа. Еще разъ подтверждается, насколько мало мы знаемъ частную жизнь Кіевскаго періода. Остатки стѣнъ сложены изъ краснаго шифера, связаннаго известью. Техника кладки говоритъ о какомъ-то технически типичномъ характерѣ постройки. Горячій порывъ строительства всегда вызывалъ какой-нибудь спеціальнй пріемъ. Думаю, палата Рогеровъ въ Палермо даетъ представленіе о палатахъ Кіева.

Скандинавская стальная культура, унизанная сокровищами Византіи, дала Кіевъ, тотъ Кіевъ, изъ-за котораго потомъ возставали брать на брата, который по традиціи долго считался матерью городовъ. Поразительные тона эмалей; тонкость и изящество миниатюръ; просторъ и спокойствіе храмовъ; чудеса металлическихъ издѣлій; обиліе тканей; лучшіе завѣты великаго романскаго стиля дали благородство Кіеву. Мужа Ярослава и Владиміра тонко чувствовали красоту; иначе все оставленное ими не было бы такъ прекрасно.

Вспомнимъ тѣ былины, гдѣ народъ занимается бытомъ, гдѣ фантазія не расходуется только на блескъ подвиговъ.

Вотъ теремъ:

„Около терема булатный тынъ,
Верха на тычинкахъ точеные,
Каждая съ маковкой—жемчужинкой;
Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Надъ воротами иконъ до семидесяти;
Середн двора терема стоятъ,
Терема все златоверховатые;

Первыя ворота—вальящетыя,
Среднія ворота—стекольчатыя,
Третья ворота—рѣшетчатыя“.

Въ описаніи (этомъ чудится развитіе дакійскихъ построекъ Траяновой колонны,

Вотъ всадники:

„Платье-то на всѣхъ скурлатъ-сукна,
Всѣ подпоясаны источенками,
Шалки на всѣхъ черны мурманки,
Черны мурманки—золоты вершки;
А на ножкахъ сапожки—зеленъ сафьянъ,
Носы-то шиломъ, пяты востры,
Кругъ носовъ-носовъ хотъ яйцомъ прохати,
Подъ пяду-пяду воробей пролеги“.

Точное описаніе византійской стѣнописи.

Вотъ самъ богатырь:

„Шеломъ на шапочкѣ какъ жаръ горить;
Ноженки въ папоткахъ семи шелковъ,
Въ пяты вставлено по золотому гвоздику,
Въ носы вплетено по дорогому яхонту.
На плечахъ шуба черныхъ соболей,
Черныхъ соболей заморскихъ,
Подъ зеленымъ рытымъ бархатомъ,
А во петелкахъ шелковыхъ вплетены
Все-то божья птичушки пѣвучія,
А во пуговкахъ злаченныхъ вляваны
Все-то люты змѣи, завѣрюшки рыкучіе“...

Предлагаю на подобное описаніе посмотрѣть не со стороны курьеза былиннаго языка, а по существу. Передъ нами детали вѣрныя археологически. Передъ нами въ своеобраз-

номъ изложеніи отрывокъ великой культуры, и народъ не дичится ея. Эта культура близка сердцу народа; народъ безъ злости, горделиво о ней высказывается.

Заповѣдные ловы княжескіе, веселыя скоморошья забавы, мудрые опросы гостей во время пировъ, достоинство постройки новыхъ городовъ сплетаются въ стройную жизнь. Этой жизни прилична оправа былинъ и сказокъ. Вѣрится, что въ Кіевѣ жили мудрые богатыри, знавшіе искусство.

„Заложи Ярославъ городъ великій Кыевъ, у него же града суть Златая Врата. Заложи же и церковь святя Софья, митрополью и посемъ церковь на Золотыхъ Воротахъ святое Богородицѣ Благовѣщенье, посемъ святаго Георгія монастырь и святя Ирины. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы и книгамъ прилежа и почитая е часто въ ноци и въ дне и списаша книги многы: съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, ученье приѣмлюще книжное. Книги бо суть рѣки, напаяющи вселенную се суть исходища мудрости, книгамъ бо есть неисчетная глубина. Ярославъ же се, любимъ бѣ книгамъ, многы наложи въ церкви овятой Софьи, юже созда самъ, украси ю златомъ и серебромъ и сосуды церковными. Радовашеся Ярославъ видя множество церквей.“

Вотъ первое яркое извѣстіе лѣтописи объ искусствѣ.

Владиміръ сдвигаль массы. Ярославъ сложилъ ихъ во храмъ и возрадовался объ искусствѣ. Этотъ моментъ для стараго искусства памятенъ.

Восторгъ Ярослава при видѣ блистательной Софіи безмѣрно далекъ отъ вопля современнаго дикаря при видѣ яркости краски. Это было восхищеніе культурнаго чело-вѣка, почуявшаго памятникъ, цѣнный на многіе вѣка. Такъ

было; такому искусству можно завидовать; можно удивляться той культурной жизни, гдѣ подобное искусство было нужно.

Не можетъ ли возникнуть вопросъ: какимъ образомъ Кіевъ въ самомъ началѣ исторіи уже оказывается такимъ исключительнымъ центромъ культуры и искусства? Вѣдь Кіевъ созданъ будто бы такъ незадолго до Владиміра? Но знаемъ ли мы хоть что-нибудь о созданіи Кіева? Кіевъ уже прельщаль Олега—мужа бывалаго и много знавашаго. Кіевъ еще раньше облюбовали Аскольдъ и Диръ. И тогда уже Кіевъ привлекалъ много скандинавовъ: „и многи Варяги скуписта и начаста владѣти Польскою землею“. При этомъ всѣ данныя не противъ культурности Аскольда и Дири. До Аскольда Кіевъ уже платилъ дань Хозарамъ, и основаніе города отодвигается къ легендарнымъ Кію, Щеку и Хориву. Не будемъ презирать и преданія. Въ Кіевѣ будто бы былъ и апостоль проповѣдникъ. Зачѣмъ попалъ въ далекіе лѣса проповѣдникъ? Но появленіе его становится вполне понятнымъ, если вспомнимъ таинственные, богатые культы Астарты малоазійской, открытые недавно въ Кіевскомъ краѣ. Эти культы уже могутъ перенести насъ въ XVI—XVII вѣка до нашей эры. И тогда уже для средоточія культа долженъ былъ существовать большой центръ.

Можно съ радостью сознавать, что весь великій Кіевъ еще покоится въ землѣ въ нетронутыхъ развалинахъ. Великолѣпныя открытія искусства готовы также и для нашихъ дней. То, что начато сейчасъ раскопками Хвойко, надо продолжить государству въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Останавливаемся на изслѣдованіи Кіева только потому, что въ немъ почти единственный путь углубить прошлое страны. Эти

вѣхи освѣщаютъ и окандиавскій вѣкъ и даютъ направленіе сужденіямъ о времени бронзы.

Несомѣнно, радость Кіевскаго искусства создалась при счастливомъ сосѣдствѣ скандинавской культуры. Почему мы пріурочиваемъ начало русской Скандинавіи къ легендарному Рюрику? До извѣстія о немъ мы имѣемъ слова лѣтописи, что славяне „изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани“; вотъ упоминаніе объ изгнаніи, а когда же было первое прибытіе варяговъ? Вѣроятно, что окандиавскій вѣкъ можетъ быть продолженъ вглубь на неопредѣлимое время.

Какъ поразительный примѣръ неопредѣленности сужденій объ этихъ временахъ, нужно привести обычную трактовку учебниковъ: „прибыль Рюрикъ съ братьями Синеусомъ и Труворомъ“, что по толкованію сѣверянъ значитъ: „коунгъ Рурикъ со своимъ Домомъ (синъ хуусъ) и вѣрною стражею (тру верь)“.

Крѣпость скандинавской культуры въ сѣверной Руси утверждаетъ также и послѣднее толкованіе финляндцевъ о загадочной фразѣ лѣтописи: „земля наша велика...“, и т. д., и о посольствѣ славянъ. По остроумисму предположенію, не уличая лѣтописца во лжи, пресловутыя признанія можно вложить въ уста колонистовъ окандиавовъ, обитавшихъ по Волхову. Предположеніе становится весьма почтеннымъ и текстъ признаній перестаетъ изумлять.

Бывшая приблизительность сужденій, конечно, не можетъ огорчать или пугать искателей; въ ней—залогъ скрытыхъ сейчасъ блестящихъ горизонтовъ!

Глубины сѣверной культуры хватило, чтобы напитать всю Европу своимъ вліяніемъ на весь X-й вѣкъ. Никто не будетъ

спорить, что скандинавскій вопросъ — одинъ изъ самыхъ красивыхъ среди задачъ художественныхъ. Памятники скандинавовъ особенно строги и благородны. Долго мы привыкали ждать все лучшее, все крѣпкое съ сѣвера. Долго, только ладьи съ пестрыми парусами, только рѣзные драконы были вѣстниками всего особеннаго, небывалаго. Культура сѣверныхъ побережій, богатя находки Гнѣздова, Чернигова, Волховскія и Верхне-Поволжскія — все говоритъ намъ не о проходной культурѣ сѣвера, а о полной ея сѣдлости. Весь народъ принялъ ее, весь народъ вѣрилъ въ нее. И опять нѣтъ никакого основанія считать сѣверянъ дикими порабителителями родоначальниковъ Новгорода. Доказательство простое — все оставленное ими умио и красиво. Они жили невѣдомо какъ, но во всякомъ случаѣ жили долго и жили такъ, что истинное искусство имъ было близко.

Варяги дали Руси человѣкообразныя божества, а сколько же времени сѣверные народы чтили силы природы, принадлежали одной изъ самой поэтическихъ религій! Эта религія — колыбель лучшихъ путей творчества.

Здѣсь кончаются общедоступныя картины.

Отъ жизни осталась одна пыль, стѣ цѣлой грозной кольчуги остался комокъ желѣза — изъ него трудно развернуть всю прежнюю ея величину, и не знающему трудно повѣрить, что найденъ не скучный археологическій хламъ, а частица бывшей, подлинной прелести. Всему народу пора начать понимать, что искусство не только тамъ было, гдѣ оно ясно всѣмъ: пора вѣрить, что гораздо большее искусство сейчасъ скрыто отъ насъ временемъ. И многое — будто скучное — озарится тогда радостью проникновеній, и зритель сдѣлается творцомъ. Въ этомъ — прелесть прошлаго и буду-

шаго. И человѣку, не умѣющему понимать прошлое, нельзя мыслить о будущемъ. Сказочные Hallristningar'ы сѣверныхъ скалъ, высокіе курганы сѣверныхъ путей, длинные мечи, тяжелый фибулы, держащія узорныя одежды, заставляютъ любить сѣверную жизнь. Въ любви къ ней можетъ быть уваженіе къ первооформленію. За эту гранью мы сразу окунаемся въ хаосъ бронзовыхъ патинъ. Много или мало искусства въ неразборчивыхъ временахъ?

Чужда ли искусству живоотнообразная финская фантазмагорія? Чужды ли для художественныхъ толкованій формы, зачарованныя Востокомъ? Отвратительны ли въ первыхъ рукахъ скиновъ передѣлки античнаго міра? Полно, только ли грубы золотыя украшенія полуизвѣстныхъ сибирскихъ кочевниковъ?

Эти находки не только близки искусству, но мы завидуемъ ясности мысли обобщенія исчезнувшихъ народовъ. Твердо и искусно укладывались великіе для нихъ символы въ безчисленные варианты вещей. Даже безжалостный спутникъ металла — штампъ — не могъ погубить врожденныхъ исканій искусства. Въ таинственной паутинѣ вѣковъ бронзы и мѣди опасно разбираемся мы. Каждый день приноситъ новые выводы; каждое приближеніе къ этой грудѣ даетъ новую букву жизни. Цѣлый рядъ блестящихъ шествій! Передъ глазами еще сверкаетъ Византія золотомъ и изумрудомъ тканей, эмалей, но вниманіе уже отвлечено.

Мимо насъ проходятъ пестрые финно-тюрки. Загадочно появляются величественныя арійцы. Оставляютъ потухшіе очаги невѣдомые прохожіе... Сколько ихъ! Изъ ихъ даровъ складывается синтезъ дѣйствительно нео-націонализма искусства. Къ нему теперь обратится многое молодое. Въ этнхъ

проиикновеніяхъ — залогъ здороваго, сильнаго потомства. Если вмѣсто притупленнаго національнаго теченія суждено сложиться обаятельному „нео-націонализму“, то краеугольнымъ его сокровищемъ будетъ великая древность,—вѣрнѣе: правда и красота великой древности.

Еще полуслѣпые ищемъ мы подлинный обликъ обитателей прекрасныхъ городищъ. Еще непрозрѣвшіе чувствуемъ прелесть покнутыхъ культовъ природы, о чемъ совершенно не въ силахъ передать намъ древнѣйшія лѣтописи христіанскаго времени. Звѣриный обычай жизни, бѣсовскія игрища, будто бы непристойныя пѣсни, о которыхъ толкуетъ лѣтописецъ, подлежатъ большому обсужденію. Пристрастіе духовнаго лица—лѣтописца—здѣсь слишкомъ понятно. Церковь не приносила искусство. Церковь на искусствѣ стаивилась. И, созидая новыя формы, она раздавливала многое, тоже прекрасное.

Послѣ скандинавскаго вѣка всякая достовѣрность исчезаетъ. Приблизительность доходитъ до нѣсколькихъ столѣтій. Мы только можемъ знать, что для жизни требовались красивыя вещи, но какая была жизнь, какія именно требовались предметы искусства, какъ вѣрили въ это искусство бывшіе жители—мы не знаемъ.

За четыре тысячи пятьсотъ лѣтъ до нашей эры расцвѣтала культура Вавилона; знаемъ кое-какія буквы ея, но сложить сказку изъ нихъ—пустъ попробуютъ спеціалисты! Глубины бронзы и мѣди неразборчивы. Неразборчивы особенно, если мы захотимъ не сходить съ русскихъ территорий. Греція, Финикія! Какія непостижимыя слѣдствія должны были онѣ производить среди мѣстныхъ населеній. Конечно, если мы упрекали время русской усобицы въ пониженіи

смысла украшенія, то и въ вѣкахъ бронзы мы, естественно найдемъ моменты жизни, когда въ переходномъ движеніи значеніе искусства затѣмнялось. Неумѣлое пользованіе новымъ сокровищемъ—металломъ—отодвигало настоящую художественность. Но вѣдь время темныхъ вѣковъ желѣза, бронзы и мѣди очень длинно. Нелюбовь здѣсь простибельна; тѣмъ болѣе, что творчество въ одномъ направленіи шло безостановочно, а именно, въ творествѣ орнамента. Культъ священныхъ узоровъ благодатною паутиною окутывалъ человѣчество. Скромная мордовка или черемиска не могутъ постичь, достояніе сколькихъ десятковъ вѣковъ на ней одѣто сейчасъ!

Но чувствуемъ, что штампованіе жизни кончается. Национальность кончается. Условности политической экономіи кончаются. Кончается толпа. Не кончается искусство. Выступаетъ какой-то новый человѣкъ. Значить, мы подошли къ вѣкамъ камня.

Въ разныхъ періодахъ жизни Руси мы видѣли радость искусства. Чѣмъ глубже, тѣмъ волимы этой радости неожиданныѣ, раздѣльнѣе, но гребни волнъ были все-таки высоки. По вершинамъ этой радости бѣгло прошли мы всю жизнь. Мы видѣли, что и послѣ блеска Кіева и скандинавскаго вѣка, понятіе «украшать» могло быть столь же чистымъ, столь же высокимъ, какъ и въ наиболѣе блестящія эпохи.

Пусть многіе попрежнему недовѣрчиво косятся на затемнѣлую археслогію, отрѣзаютъ ее отъ искусства. Даже самоотверженный любитель не содрогнется ли отъ неизвѣстности при приближеніи къ каменному вѣку. Такая древность слишкомъ далека отъ нашего представленія о жизни. Когда вамъ кажется, что вы поняли часть древнѣй-

шей жизни, не думаете ли вы, что безоружнымъ глазомъ вы точно усмотрѣли клочекъ звѣзднаго неба?

Именно радость искусства время сохранило для насъ также изъ эпохи камня.

Забудемъ сейчасъ яркое сверканье металла; вспомнимъ всѣ чудесные оттѣнки камней. Вспомнимъ благородные тона драгоценныхъ мѣховъ. Вспомнимъ патины разноцвѣтнаго дерева. Вспомнимъ желтѣющій тростникъ. Вспомнимъ тончайшія плетенія. Вспомнимъ крѣпкое, здоровое тѣло. Эту строгую гамму красокъ будемъ вспоминать все время, пока углубляемся въ каменный вѣкъ.

II.

Уловимъ ли мы бѣненіе всей незапамятной жизни? Или только возможно пока установить точку зрѣнія на такую непомѣрную древность?

Что слышите оттуда?

«Анге-патея ударила въ гнѣвъ кремнемъ. Въ блестящихъ искрахъ создались боги земли и воды, лѣсовъ и жилищъ. Кончила дѣло свое Анге-патея и бросила на землю камень, но и онъ сталъ богомъ: вѣдь она не отняла отъ кремня творящую силу. Сталъ камень богомъ приплода, и на дворѣ или подъ порогомъ дома маленькая ямка прикрыта кремневымъ божкомъ—Кардысь-сярк».

Такъ, въ преданіи, населила землю бсгами Еряя, часть Мордвы.

Сравнимъ эту красивую легенду съ преданіемъ Мексики: «на небѣ Мексиканскомъ былъ нѣкогда богъ Цитлаль Тонакъ. Звѣзда Сіяющая и богиня Цитлаль-Куэ, она, что въ рубахѣ звѣздой. Эта звѣздная богиня родила странное существо—кремневый ножъ. Другія ихъ дѣти, пораженные этимъ страннымъ порожденіемъ, сошвырнули его съ неба. Кремневый ножъ упалъ, разбился на мелкіе кусочки и среди искръ возникли тысяча шестьсотъ боговъ и богинь».

Космогонія Ерзи не хуже замысловъ мексиканскихъ.

«Каменнымъ ножемъ зарѣжешь барана», заповѣдаетъ жертвенный ритуаль Воти.

«Громовая стрѣлка боль облегчаетъ, въ родахъ помогаетъ», шепчутъ знахарки.

«Великаны въ лѣсу каменный топоръ хоронили», помнятъ потомки Еми и Веси...

Много преданій! Въ каждомъ племени и сегодня живетъ таинственная основа «каменнаго вѣка». Обычай и вѣрованія вмѣстѣ съ трудночеткими рунами орнамента толкуютъ все о томъ же «доисторическомъ времени». Называемъ его «доисторическимъ», хотя оно стоитъ вовсе не особнякомъ. Наоборотъ, оно плотно вплетается въ эпохи исторіи; часто питаетъ эти эпохи лучшими силами. Гдѣ границы жизни безъ металловъ?

Мы привыкаемъ искать наше искусство гдѣ-то далеко. Понятіе нашихъ началъ искусства становится почти равнозначимымъ съ обращеніемъ къ Индіи, Монголіи, Китаю или къ Скандинавіи, или къ чудовишной фантазіи финской. Но, кромѣ дороги позднѣйшихъ заносовъ и отраженій, у насъ, какъ у всякаго народа, есть еще одинъ общечеловѣчскій путь—къ древнѣйшему іероглифу жизни и пониманію кра-

соты. Путь черезъ откровения каменнаго вѣка. Предскажемъ, что въ поискахъ лучшей жизни человѣчество не разъ вспомнитъ о Freieheit'ахъ древности; они были близки природѣ, они знали красоты ея. Они знали то, чего мы не вѣдаемъ уже давно.

Цѣльны движенія древняго; строго цѣлесообразны его думы; остро чувство мѣры и стремленія къ украшенію.

Понимать каменный вѣкъ какъ дикую некультурность—будетъ ошибкою неосвѣдомленности. Ошибкою—обычныхъ школьныхъ путей. Въ дошедшихъ до насъ страницахъ времени камня нѣтъ звѣриной примитивности. Въ нихъ чувствуемъ особую, слишкомъ далекую отъ насъ культуру. Настолько далекую, что съ трудомъ удастся мысль о ней инымъ путемъ, кромѣ уже избитой дороги—сравненія съ дикарями.

Вполнѣ долустимо: загнанные сильными племенами, вымирающіе дикари-инородцы съ ихъ кремневыми копьями, такъ же похожи на человѣка каменнаго вѣка, какъ идіотъ похожъ на мудреца. Осталось нѣсколько общеродовыхъ жестовъ, но они далеки отъ настоящаго смысла. Человѣкъ каменнаго вѣка родиль начала всѣхъ блестящихъ культуръ; онъ могъ сдѣлать это. Отъ инородца—нѣтъ дороги; онъ даже утрачиваетъ всякую власть надъ природой.

Но въ страхѣ борьбы, въ ошибкахъ достиженій затемнился феноменъ бытія. Культуры развѣтвились слишкомъ. Дубъ всемірнаго очага разросся безмѣрно; мы боязливо путаемся въ его безчисленныхъ вѣткахъ. Въ стремленіи къ чеканкѣ формъ жизни мы должны очищать далекіе закрытые корни. И вотъ мы, кичливые владычествомъ металловъ, поняли. Только очень недавно поняли: пыльный проходной, первый залъ музеевъ не есть печальная необходимость, не

есть темное пятно родословной. Онъ есть первѣйшій источникъ лучшихъ заключеній. Мѣра почтенія къ нему такова же, какъ мѣра удивленія передъ тайной жизни десятковъ тысячелѣтій. Подумайте десятковъ!

Площади богатыхъ огромныхъ городовъ донесли до насъ кучу шлаковъ, нѣсколько обломковъ бронзы и груды камней. Но мы знаемъ, что дошедшее до насъ—не мѣрило протекшей жизни. Въ печальныхъ остаткахъ мы видимъ усмѣшку судьбы. Также и жизнь каменнаго вѣка—не въ тѣхъ случайныхъ кремневыхъ осколкахъ, которые пока попадаютъ намъ въ руки. Эти осколки—тоже случайная лыль большой жизни, длинной безконечно!

Особенная тайна окружаетъ слѣды каменнаго вѣка. Ничто иное, но каменные остатки всегда и даже до сихъ поръ относятся къ небесному происхожденію.

Какіе только боги не металы находимыя въ землѣ копія и стрѣлы!

Не только классическій міръ не сѣумѣлъ отгадать настоящее происхожденіе каменныхъ орудій, но и всѣ средніе вѣка, происхожденіе ихъ оставалось маловыясненнымъ. Только въ новѣйшее время, въ концѣ XVIII вѣка, немногіе ученые узнали истинное происхожденіе древнѣйшихъ издѣлій. Утвержденія были скудны, шатки, малоубѣдительны. Собственно безусловнаго въ постановкѣ дѣла немного установилось и до сихъ поръ. Изъ груды относительныхъ сужденій почти невозможно выдѣлить тѣ, которымъ бы не угрожала переоцѣнка. Это неудивительно, ибо если разстояніе одного тысячелѣтія уже колеблетъ увѣренность въ одномъ, даже двухъ вѣкахъ, то что же сказать про десятки такихъ эпохъ? Куда же идти дальше, если даже ледниковый періодъ остро-

умно замѣняется англичанами какой-то стремительной катастрофой! Вспомнимъ, что всѣ названія древнѣйшихъ періодовъ приняты лишь вполнѣ условно, по мѣсту перваго случайнаго находенія предметовъ. Можно представить, сколько неожиданностей хранить еще въ себѣ земля, и какія научныя перемѣщенія должны возникнуть. Прочія эпохи полны потрясающими примѣрами.

Научныя постройки въ предѣлахъ древняго камня опасны. Здѣсь возможны только наблюденія художественныя. Слово о красотѣ древности ничто отодвинуть не можетъ. За этими наблюденіями очередь. Будущее дастъ только новыя доказательства.

Странно подумать, что, быть можетъ, именно завѣты каменнаго царства стоятъ ближе всего къ исканіямъ нашего времени. То, что опредѣлилъ намъ поворотъ культуры, то самое чисто и непосредственно, впервые выросло въ сознаніи человѣка древнѣйшаго. Стремленіе обдумать всю свою жизнь, остро и строго оформить всѣ ея детали, все, отъ монументальныхъ строительныхъ силуэтовъ, до ручныхъ мелочей—все довести до строгой гармоніи: эти исканія нашего искусства, исканія полныя боли, ближе другого напоминаютъ любовныя заботы древняго изъ всего окружающаго сдѣлать что-то обдуманное, изукрашенное, облаканное привычной рукою.

По отдѣльнымъ осколкамъ доходимъ до общаго. Каждый одиночный предметъ нашей жизни говоритъ объ его окружающихъ вещахъ. Отлично сработанный наконечникъ копья говоритъ о прекрасномъ древкѣ; къ хорошему топору идетъ такое же топорщице; отпечатки шнуровъ и сѣтей свидѣтельствуютъ о самыхъ этихъ вещахъ. Всѣ мелочи украшеній и

устройства возводить весь обиходъ и жилище въ извѣстный порядокъ развитія.

Радость жизни разлита въ свободномъ каменномъ вѣкѣ. Не голодные, жадные волки послѣдующихъ временъ, но царь лѣсовъ—медвѣдь, бережливый въ семействѣ, довольный обиліемъ пищи, могучій и добродушный, быстрый и тяжелый, свирѣпый и благодостный, достигающій и уступчивый—таковъ типъ человѣка каменнаго вѣка.

Многіе народы чтутъ въ медвѣдѣ человѣческаго оброта и окружаютъ его особымъ культомъ. Въ этомъ звѣрѣ оцѣнили народы черты первой человѣческой жизни. Семья и родъ, конечно—основы древнѣйшаго человѣка. Онъ одинокъ. Ради труда и роста семьи только снисходитъ онъ до многоженства. Онъ цѣнитъ дѣтей—продолжателей его творческой жизни. Онъ живетъ самъ по себѣ; ради себя творить и украшаетъ. Мѣна, щегольство, боязь одиночества, уже присущія позднему времени камня, не тронули древняго. Общинныя начала проникаютъ въ бытъ лишь въ неизбѣжныхъ, свободныхъ дѣйствіяхъ охоты, рыбной ловли, постройки.

Намъ не нужны сейчасъ наслоенія геологіи. Не тронемъ двѣ первичныя эпохи, хотя оставленное ими—кости ихъ страшныхъ обитателей и окаменѣлости—составляютъ огромный скелетъ сказочнаго для насъ міра; онъ такъ же близкъ душѣ художника, какъ и издѣлія рукъ человѣка. Допустимъ условныя научныя распредѣленія.

Минуемъ третичный пліоценъ съ его таинственнымъ предшественникомъ человѣка. Царство догадокъ и измышлений! Царапины на костяхъ и удары на кремневыхъ осколкахъ далеки отъ художественныхъ обсужденій.

Древнѣйшія эпохи доледниковыя—палеолить (шельская, ашельская, мустьерская) уже близки искусству. Человѣкъ уже сталъ царемъ природы. Въ чудесныхъ одиноборствахъ мѣряется онъ съ чудовищами. Увѣренными, побѣдоносными ударами высѣкаетъ онъ первое свое орудіе—клинъ, заостренный, оббитый съ двухъ сторонъ. Въ широкихъ ударахъ подѣлки человѣкъ символизируетъ побѣду свою; мамонты, носороги, слоны, медвѣди, гигантскіе олени несутъ человѣку свои шкуры. Каменнымъ скребкомъ (мустье) обрабатываетъ человѣкъ мохнатую добычу овою. Со львомъ и медвѣдемъ мѣняется человѣкъ жилищемъ—пещерою; онъ смѣло сосѣдствуетъ съ тѣми, отъ кого въ періодъ «отступленій» онъ защищается уже сваями. Приходитъ на умъ еще одна побѣда—прирученіе животныхъ. Веселое время!—время безчисленныхъ побѣдъ.

Движимый чудесными инстинктами гармоніи и ритма, человѣкъ, наконецъ, вполне вступаетъ въ искусство. Въ двухъ послѣднихъ эпохахъ палеолита (солютрейская и мадленская) блестящій побѣдитель совершенствуетъ жилище свое и весь свой обиходъ. Все наиболѣе замѣчательное въ жизни одинокаго творца принадлежитъ этому времени.

Множество оленей доставило новый отличный рабочий матеріалъ. Изъ рога изготовлены прекрасные гарпуны, стрѣлы, иглы, привѣски, ручки кинжаловъ... Находимъ изображенія: рисунки и скульптуру изъ кости. Знаменитая женская фигурка изъ кости. Каменная Венера Врассемпуи. Пещеры носятъ слѣды разнообразныхъ украшеній. Плафоны разрисованы изображеніями животныхъ. Въ рисункахъ поражаютъ наблюдательность и вѣрная передача движеній.

Свободныя линіи обобщенія приближаютъ пещерныя рисунки къ лучшимъ рисункамъ Японіи.

Пещеры южной Франціи, Испаніи, Бельгіи, Германіи (Мадленская, Брасемпуйская, Мась-д'Азильская—съ древнѣйшею попыткою живописи минеральными красками, Альтамирская—съ необычайно сложнымъ плафономъ грота, Таингенская и др.) доставили прекраснѣйшіе образцы несомнѣнной художественности стремлений древняго человѣка. Чувствуется, что пещеры должны были какъ-то освѣщаться; предполагаются подвѣсные свѣтильники съ горящимъ жиромъ. Каменные подвѣски восходятъ на степень ювелирности. Тончайшія отрѣлы требуютъ удивительной точной техники. Собака становится другомъ человѣка; на рисункахъ оленей—одѣты недоуздки. Украшенія достигаютъ замѣчательнаго разнообразія; отдѣлка зубовъ животныхъ, просверленные камни, раковины. Конечно, мѣна естественными продуктами постепенно изощряетъ результаты творчества человѣка.

Остатки лакомыхъ и намъ раковинъ, кости птицъ и рыбъ, кости крупныхъ животныхъ съ вынутымъ мозгомъ—все это остатки очень разнообразной и вкусной ѣды обитателей изукрашенныхъ пещеръ.

Между временемъ палеолита и неолита часто ощущается что-то невѣдомое. Вліяли ли только климатическія условія, смѣнялись ли невѣдомыя племена, завершила ли свой кругъ извѣстная многовѣковая культура, но въ жизни народа выступаютъ новыя основанія. Очарованіе одиночества кончилось; люди познали прелесть общественности. Интересы творчества дѣлаются разнообразнѣе; богатства духовной крѣпости, накопленныя одинокими предшественниками, ве-

дутъ къ новымъ достиженіямъ. Новыя препятствія отбрасываются новыми средствами; среди череповъ многіе оказываются раздробленными ударами тяжелыхъ орудій.

Такъ вступаютъ въ борьбу жизни послѣдниковыя эпохи. Неолитъ

Материки уже не отличаются въ очертаніяхъ отъ нынѣшнихъ, съ тѣмъ же климатомъ. Мамонты вымерли; сѣверные олени перешли къ полярному кругу. Скотоводство, земледѣліе, охота отличаютъ эпохи неолита. Выдвигается новое искусство—гончарство, богато украшенное. Каменные вещи также дороги, какъ и въ прежнія эпохи.

Работая съ огнемъ, человѣчество натолкнулось на металлы. Неолитъ можетъ гордиться этимъ открытіемъ.

Послѣднее время неолита (эпоха Робенгаузенская); кончина «каменной красоты». Эпоха полированныхъ орудій, время свайныхъ построекъ, время неолитическихъ городовъ (Санторинъ, Мелось, Гиссарликъ, старая Троя)...

Въ многотысячныхъ собраніяхъ предыдущихъ эпохъ вы не найдете ни одного точнаго повторенія вещи. Все раздѣлено личнымъ умѣніемъ и потребностями, качествомъ и количествомъ матеріала; въ эпоху переходную къ металлу васъ поразитъ однообразіе формъ, ихъ недвижность; чувствуется обезцѣниваніе ювелирныхъ каменныхъ вещей—передъ неуклюжимъ кускомъ металла. Энергія творчества обращена на инныя стороны жизни. Гончарство также теряетъ свое разнообразіе, и орнаменты иногда нисходятъ до фабричнаго штампованія тканями и плетеніями. Время штампованія человѣческой души.

Неолитъ для Россіи особенно интересенъ. Палеолитъ (Дибровскій и Донской районы) пока не далъ чего-нибудь

необычнаго. Неолитъ же русскій и богатствомъ своимъ, и разнообразіемъ ведетъ свою особую дорогу; можетъ быть, именно ему суждено сказать новое слово среди принятыхъ условностей. Въ русскомъ неолитѣ находимъ воѣ лучшіе типы орудій.

Не будемъ строить предположеній о времени каменныхъ періодовъ. Къ чему повторять чужія слова о томъ, что неопредѣлимо? За 4.500 лѣтъ до Р. Х. уже расцвѣтала культура Вавилонна, но въ Россіи остатки каменнаго вѣка имѣются даже во времена Ананьинскаго могильника, послѣ нашей эры.

Балтійскіе янтари, находимые у насъ съ кремневыми вещами, не моложе 2.000 лѣтъ до Р. Х. Площадки богатаго таинственнаго культа въ Кіевской губерніи, гдѣ находятся и полированныя орудія, по женскимъ статуеткамъ обращаютъ насъ къ Астартѣ Малоазійской, въ XVI и XVII вѣка до Р. Х.

При Марафонѣ нѣкоторые отряды еще стрѣляли кремневыми стрѣлами! Такъ переплетались культуры.

Русскій неолитъ далъ груды орудій и обломковъ гончарства.

Съ трепетомъ перебираемъ звонко звенящіе кремни и складываемъ разбитые узоры сосудовъ. Лучшія силы творчества отдалъ человѣкъ, чтобы создать подавляющее разнообразіе вещей.

Особо замѣтимъ осколки гончарства. Въ нихъ—все будущее распознаваніе племенъ и типовъ работы; только на нихъ дошли до насъ орнаменты. Тѣ же украшенія богато украшали и одежду, и тѣло, и разныя части деревянныхъ построекъ, все то, что время истребило.

Тѣ же орнаменты вошли въ эпохи металла. Смотри на родные узоры, вспомнимъ о первобытной древности. Если въ искусствѣ народа мы узнаемъ остро стилизованную природу, то знаемъ, что основа пользованія кристаллами природы выходитъ чаще всего изъ древнѣйшихъ временъ, изъ временъ до обособленія племенъ. Сравненія орнаментовъ легко даютъ примѣры. На вышивкахъ тверскихъ мы знаемъ мотивы стилизованныхъ оленей; не къ подражанію сѣверу, а къ древнему распространенію оленя, кости котораго находимъ съ кремнями, ведетъ этотъ узоръ. На орнаментѣ изъ Коломцевъ (Новгородъ) человѣкообразныя фигуры явно напсминаютъ ритуальныя фигуры вышивокъ новгородскихъ и тверскихъ. На гончарной бусѣ каменнаго вѣка найдено изображеніе змѣи, подобное древнѣйшему микенскому слою; змѣи народныхъ вышивокъ—древни.

Труденъ вопросъ орнамента. Всѣ доводы противъ инстинкта, хотя бы они дошли до ясности галлюцинацій, разбивается сама природа. Развѣ не поразительно, что сущность украшеній одинакова у самыхъ разъединенныхъ существъ? Но не гипотезы намъ нужны, а факты.

Двѣ основы орнамента—ямка и черта. Чтобы украсить — надо прикоснуться; всякое прикосновеніе украшателя оставляетъ то или другое. Соединеніе этихъ основъ даетъ всякія фигуры; отъ ихъ качества зависитъ самый характеръ узора. Изъ хрупкой глины лѣпятъ человѣкъ огромные котлы съ круглымъ дномъ; тѣ же руки даютъ крошечную чашечку, полную тонкихъ узоровъ. Работаютъ пальцы, ногти; идетъ въ дѣло орнамента все окружающее: перья, белемниты (чертовы пальцы), веревки, плетенья, наконецъ выбиваются изъ камня особые штампы

для узоровъ. Всякій стремится украсить сосуды свои чѣмъ-то особеннымъ, сдѣлать ихъ болѣе цѣнными, болѣе красивыми, болѣе нужными. И трогательно изучать первыя славословія древнихъ красотѣ. Составьте изъ осколковъ разныя формы сосудовъ. Изумляйтесь пропорціямъ ихъ. Смотрите — вся поверхность котла залита ямочками или разбита чертами и всякими фигурами. Человѣкъ не знаетъ, чѣмъ бы украсить, отмѣтить сдѣланное; изъ плетеній и шнуровъ онъ даетъ новые узоры. Въ послѣднее время каменнаго вѣка, торопясь производствомъ, онъ печатаетъ на поверхности сосуда ткань одежды своей.

Но человѣку мало разнообразія узоровъ. Онъ находитъ растительныя краски, чтобы дать еще болѣе особенности своему издѣлію. Цѣлый наборъ тоновъ: черныхъ, красныхъ, сѣрыхъ и желтыхъ. Сосуды красятся сплошь и узорами. Можно представить себѣ окошко стремленій древняго разрушено временемъ, стерто землею, смыто водами. Та же спокойная палитра красокъ цвѣтилась и на одеждѣ, и на волосахъ, можетъ быть на татуировкѣ, такъ какъ мы знаемъ, что идея татуировки вовсе не принадлежитъ только дикарямъ. Стыдно для нашего времени: въ древности ни одного предмета безъ украшеній. Невозможно даже сравнить народный обиходъ современности нашей съ тѣмъ, что такъ настойчиво стремились имѣть около себя старыя обитатели тѣхъ же мѣстъ.

Къ любимымъ прекраснымъ вещамъ приложите каменное орудіе—и оно не нарушитъ обшаго впечатлѣнія. Оно приносетъ съ собою ноту покоя и благородства. Многіе не такъ думаютъ о древнихъ камняхъ; не такъ думаютъ тѣ, кто предвзято не хочетъ знать достиженій первыхъ людей.

Снимки въ черномъ съ каменныхъ орудій ничего не говорятъ о нихъ, кромѣ величины; такіе снимки мертвятъ цѣлесообразность предмета; именно они виновны, если намъ часто недоступенъ первый періодъ человѣчества. Черный снимокъ напоминаетъ о предметѣ, но слишкомъ рѣдко можетъ дать истинное о немъ представленіе. Почти невозможно изучать камни и въ музеяхъ, за двумя запорами витринъ. Кромѣ бѣдныхъ узниковъ, отягощенныхъ путами, сѣрыхъ отъ пыли, вы ничего въ музеѣ не узнаете.

Если хотите прикоснуться къ душѣ камня—найдите его сами на стоянкѣ; на берегу озера подымите его своею рукою. Камень самъ отвѣтитъ на ваши вопросы, расскажетъ о длинной жизни своей. Остатки леса, кора древности, почтенною сѣдиною покрываютъ камни. Вы не замѣчаете бывшаго ихъ примѣненія: перевертываете его въ рукѣ безуспѣшно—но идетъ на лицо улыбка, вамъ удалось захватить камень именно такъ, какъ приспособилъ его древній владѣлецъ. Именно тѣми пальцами попадаете вы во всѣ продуманныя впадины и бугорки. Въ рукахъ вашихъ оживаетъ нужное орудіе; вы понимаете всю тонкость, всю скульптурность отдѣлки его. Изъ-подъ сѣдины налетовъ начинаетъ оквозить чудесный тонъ яшмы или ядеита. Въ вашихъ рукахъ кусокъ красоты!

Чудесные тона красокъ украшали древки первыхъ людей кварцы, агаты, яшмы, обсидіаны, хлоромеланиты, нефриты; отъ темнозеленаго ядеита до сверкающаго горнаго хрустала отсвѣчивало древнее оружіе. Прежде всего говоримъ объ оружіи; въ немъ—все соревнованіе, въ немъ—все щегольство; на него—вся надежда. Пропорціи копій, дротиковъ стрѣлъ равны лучшимъ пропорціямъ листьевъ. Тяжелое

копье, приличное медвѣдю, маленькая стрѣлка, пригодная перепелкѣ — въ безконечномъ разнообразіи выходили изъ-подъ рукъ человѣка.

Мы плохо различаемъ орудія. Для насъ цѣлая бездна орудій—все такъ называемые скребки. Но для древняго ясно различались среди нихъ массы орудій, самыхъ различныхъ назначеній. Во всѣхъ домашнихъ работахъ окребокъ—ближайшій помощникъ. Изъ скребка часто выходятъ пила и навертышъ. Острый скребокъ близокъ и ножу. Также какъ копья, ножъ часто тонко выработывали, съ заостреннымъ, загнутымъ концомъ.

Кромѣ всего остраго и колющаго, каменный вѣкъ сохранилъ и груды тяжелыхъ ударныхъ орудій. Клинь, долото, топоръ, молотъ; гдѣ битва и гдѣ хозяйство—здѣсь различить невозможно.

Наборъ орудій древняго человѣка обшириѣе, чѣмъ это предполагается. Крючки для ловли, круглые камни, можетъ-быть для метанья; круглыя булавы съ отверстіемъ; чело-вѣко и животно-образныя подѣлки, быть-можетъ, священные. Подвѣски изъ зубовъ, раковинъ, гончарныя бусы, янтарныя ожерелья. Костяныя иглы, дудки и стрѣлы. На днѣ озерномъ и рѣчномъ еще лежатъ темныя стволы дубовъ; между ними можетъ быть, найдутся древнѣйшія лодки. Уже хорошо знали люди водные пути; на челнокахъ съ тою же смѣлостью переносились на далекія пространства, какъ и скандинавы на ладьяхъ одолѣвали океанъ.

Достоинство отдѣлки русскаго неолита очень высоко. Особенно радуется, что можно спокойно сказать: эта оцѣнка не есть „домашнее“ восхищеніе. На послѣднемъ до-историческомъ конгрессѣ 1905 г. въ Перигѣ (деп. Дордонь) лучшіе

знатоки французы: Мортилье, Ривьеръ-де-Прекуръ, Картальякъ и Капитанъ привѣтствовали образцы русскаго неолита восторженными отзывами, поставивъ его на ряду съ лучшими классическими подѣлками Египта. Вообще, если мы хотимъ съ чѣмъ-нибудь сравнить форму и пропорціи каменныхъ вещей, то лучше всего обратиться къ законченностямъ классическаго міра.

Смутно представляемъ себѣ жилище древняго.

Мы видимъ древняго не ходульнымъ героемъ съ чреслами, задрапированными обрывками шкуръ. Мы ощущаемъ въ издѣліяхъ его не грубость и неотесанность, а тонкую ювелирность. Мы чувствуемъ, что обычный „печеный“ колоритъ обстановки долженъ замѣниться въ представленіи нашемъ прекрасными красками. Мы ясно предчувствуемъ, что весь обиходъ и жилище древняго человѣка не могутъ быть полузвѣринными логовищами и восходить уже къ порядкамъ стройной жизни.

Пещеры изслѣдовались въ Россіи, особенно въ Польшѣ, но пока никакого особеннаго устройства въ нихъ не найдено. Украшенія и рисунки еще не открыты. Въ неолитѣ еще намъ извѣстны какія-то неопредѣленныя основанія прежнихъ жилищъ съ ямами очаговъ. *Fonds des sabanes*. Были ли это простые коническіе шалаши? подобія юртъ, крытыя шкурами, тростниками и мѣхами? Или устройство ихъ было болѣе основательнымъ? Пока нѣтъ утвержденія. Но вспомнимъ, что и послѣ обширнаго дома иногда остается только груда печного кирпича. Развѣ основаніе очага можетъ сказать о прочихъ размѣрахъ жилья?

Остатки свайныхъ жилищъ указываютъ на развитую хозяйственность. Были ли у насъ свайныя постройки? Пока

неизвѣстно, но онѣ были, конечно. Идея свай, идея искусственнаго изолированія жилья надъ землею въ предѣлахъ Россіи существуетъ издавна. Много вѣковъ прожили сибирскія и уральскія „сайвы“—дсмики на столбахъ, гдѣ охотники скрываютъ шкуры. Въ мѣнковой древнѣйшей торговлѣ такіе склады играли большую роль. Здѣсь мы у большой древности. Погребеніе по Нестору „на столбахъ при путехъ“—избы смерти славянской старины; сказочныя избушки на курьихъ ножкахъ—все это вращается около идеи свайной постройки. Многочиоленные острова на озерахъ и рѣкахъ, конечно, только упрощали устройство изолированныхъ деревень. Жалко, что мы не можемъ сюда же включить и городища, окопанныя валами, расположенныя по прекраснымъ холмамъ, облюбованнымъ съ великимъ чутьемъ. Правда, въ нихъ находятся и каменные орудія, но ясно, что человѣкъ уже владѣлъ металломъ, а камни—уже случайные „последыши“ дѣдовской жизни.

Еще нельзя рассказать картину древнѣйшихъ періодовъ камня. Палеолитъ въ художественномъ представленіи пока безформенъ. Искры его высокаго развитія пока еще не связаны съ остальными деталями жизни. Но русскій неолитъ уже входитъ въ картины осязательныя.

Въ послѣдній разъ обернемся на пространство жизни съ камнями.

Озеро. При устьѣ рѣки стоитъ рядъ домовъ. По утонченной изукрашенности домики не напоминаютъ ли вамъ жилища Японіи, Индіи? Прекрасными тонами переливаются жилища, кремни, мѣха, плетенье, сосуды, темновагое тѣло. Крыши съ высокимъ „дымомъ“ крыты желтѣющими тростниками, шкурами, мѣхами, переплетены какими-то изумитель-

ными плетеньями. Верхи закрѣплены деревянными рѣзанными узоромъ пластинами. Память о лучшихъ охотахъ воткнута на края крышъ. Бѣлый черепъ бережетъ отъ дурного глаза.

Стѣны домовъ расписаны орнаментомъ въ желтыхъ, красныхъ, бѣлыхъ и черныхъ тонахъ. Очаги внутри и снаружи; надъ очагами сосуды, прекрасные узорчатые сосуды, коричневые и сѣро-черные. На берегу—челны и сѣти. Сѣти сплетали долго и тонко. На сушильняхъ шкуры: медвѣди, волки, рыси, лисицы, бобры, соболя, горностаи...

Праздникъ. Пусть будетъ это тотъ праздникъ, которымъ всегда праздновали побѣду весенняго оолнца. Когда надолго выходили въ лѣса; любовались цвѣтомъ деревьевъ; когда изъ перыхъ травъ дѣлали пахучіе вѣнки и украшали ими себя. Когда плясали быстрыя пляски, когда хотѣли нравиться. Когда играли въ костяныя и деревянныя рожки-дудки. Въ толпѣ мѣшались одежды, полныя пушныхъ оторочекъ и плетешекъ цвѣтныхъ. Переступала красиво убранная плетеная и шкурная обувь. Въ хороводахъ мелькали янтарныя привѣски, нашивки, каменные бусы и бѣлые талисманы—зубовъ.

Люди радовались. Среди нихъ начиналось искусство. Они были намъ близки. Они навѣрное пѣли. И пѣсни ихъ были слышны за озеромъ и по всѣмъ островамъ. И желтыми пятнами колыхались огромные огни. Около нихъ двигались темныя точки толпы. Воды, бурныя днемъ, дѣлались тихими и лилово-стальными. И въ ночномъ праздникѣ быстро носились по озеру силуэты челновъ.

Еще недавно вымирающіе якуты, костенѣющимъ языкомъ своимъ, пѣли о весеннемъ праздникѣ.

„Эгяй! сочно-зеленый холмъ! Зной весенній выгралъ! Березовый листь развернулся! Шелковистая хвоя зазеленѣла! Трава въ ложбинѣ густѣетъ! Веселая очередь игръ, веселья пора!

„Закуковала кукушка! Горлица заворковала, орелъ заклекталъ, взлетѣлъ жаворонокъ! Гуси полетѣли попарно! У кого пестряя перья—тѣ возвратились; у кого чубы тычинами—тѣ стали въ кучу!

„Тѣ, для кого базаромъ служить густой лѣсъ! Городомъ—сухой лѣсъ! Улицею—вода! Княземъ—дятель! Старшиною—дроздъ!—всѣ громкую рѣчь заведите!

„Верните молодость, пойте безъ устали!“

Такъ дословно пѣвали бѣдные якуты свою весеннюю пѣснь.

О каменномъ вѣкѣ когда-нибудь мы узнаемъ еще много. Мы поймемъ и оцѣнимъ справедливо это время. И узнанный каменный вѣкъ скажетъ намъ многое. Скажетъ то что только иногда еще помнить индѣйская и шаманская мудрость!

Природа подскажетъ намъ многія тайны первоначалья. Еще многіе остатки красоты мы узнаемъ. Не все будетъ молчаливо. Языкъ не остался. Ни находки, ни фантазія подсказать его не могутъ. Мы никогда не узнаемъ, какъ звучала пѣснь древняго. Какъ говорилъ онъ о подвигѣ своемъ? Каковъ былъ кличъ гнѣва, охоты, побѣды? Какими словами радовался древній искусству? Слово умерло навсегда.

Мудрые древніе Майи оставили надпись. Ей три тысячи лѣтъ:

„Ты, который позднѣе явишь здѣсь свое лицо! Если твой умъ разумѣетъ, ты спросишь, кто мы?—Кто мы?“

спроси зарю, спроси лѣсъ, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь! Спроси землю, землю страданія и землю любимую! Кто мы?—мы земля“.

Когда чувствовалъ древній приближеніе смерти, онъ думалъ съ великимъ спокойствіемъ: „отдыхать иду“.

Не знаемъ, какъ говорили, но такъ красиво мыслили древніе.

1908.

ДРЕВНѢЙШІЕ ФИНСКІЕ ХРАМЫ.

Въ Финляндіи вѣдуньи еще варятъ зелье изъ змѣиныхъ головъ. Въ Финляндіи, по холмамъ, затѣйливыми, непонятными кругами раскинулись каменные лабиринты, свидѣтели незапамятныхъ обрядовъ. Богатыри схронены въ длинныхъ курганахъ. Еще звучитъ кантеле. Олафсборгъ еще вспоминаетъ о широкой рыцарской жизни, о твердыхъ высокихъ шведахъ. Знаютъ ихъ древніе каменные храмы. Еще стоятъ деревянныя церкви, звено Норвегіи съ нашимъ Сѣверомъ; такая церковь въ Кеуго.

Много важнаго для насъ есть на великомъ сѣверномъ перепутьи—въ Финляндіи.

Въ горахъ безконечныхъ, въ озерахъ неожиданныхъ, въ валунахъ мохнатыхъ, въ порогахъ каменнстыхъ живетъ прекрасная сѣверная сказка.

„Скандинавскій вопросъ“—повторяю, одинъ изъ самыхъ красивыхъ среди задачъ историко-художественныхъ. По глубинѣ сравнится съ нимъ можетъ только вопросъ о восточныхъ движеніяхъ. Таинственны люди, безконечною силой своей пронизавшіе самыя древнія страны, напятавшіе ихъ сильною культурою своею. Вездѣ скандинавы оставили послѣ себя одни изъ лучшихъ и самыхъ здоровыхъ вліяній. Драгоценное качество—чувство собственного достоинства проникало въ государственность народовъ вслѣдъ за сѣверянами.

Для русскихъ территорій значеніе скандинавовъ особенно значительно. Упсала доставила намъ человѣкообразныя божества. Фіорды дали—судоходство. Варяги—боевой строй. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій мы привыкали ждать силу и опору съ сѣвера. Изученіе сѣвера намъ близко и важно. Но варяжскій вопросъ все еще числится въ будущихъ задачахъ. Медленно, какъ ручной заступъ, археологія раскапываетъ пеструю груду измышлений и фактовъ. Пока дѣло все еще только усложняется. О подробностяхъ начала текущаго тысячелѣтія иногда можно говорить только съ точностью до двухъ вѣковъ! Достаточно!

Всѣ детали скандинавскаго вопроса важны для насъ. То, что интересно само по себѣ, становится значительнѣе, какъ звено большого цѣлага. Значеніе финскихъ древнѣйшихъ храмовъ, деталь общаго вопроса; какъ увидимъ, уясненіе этой детали сулитъ въ будущемъ очень интересные выводы.

Прежде всего нужно условиться въ одномъ: въ очень

раннемъ движеніи скандинавовъ на востокъ, гораздо болѣе значительномъ, нежели обратное движеніе Новгородцевъ. Надо признать осѣдлость скандинавовъ въ западномъ углу Финляндіи въ X вѣкѣ. Слѣдуя за фактами, не покажутся странными обширные каменные католическіе храмы въ заросляхъ шкеръ уже въ XII и XIII вѣкѣ.

Быстро еще разъ вспомнимъ шаги скандинавовъ къ востоку. Колонизація эта должна восходить въ очень раннимъ вѣкамъ. Культура Кенигсбергскихъ и Курляндскихъ бронзовыхъ и серебряныхъ древностей—богатыхъ и многочисленныхъ; находки Волховскія, Мстинскія, Верхняго Поволжья, и въ болѣе позднихъ и въ раннихъ проявленіяхъ—все говоритъ намъ о высокой культурѣ.

Чувствуется, что внесена культура не случайными прохожими; она укрѣплена среди мѣстной жизни; она сроднилась съ общимъ бытомъ; принята населеніемъ не поверхностно. По типамъ вещей можетъ быть будетъ возможность отодвинуть сѣверные шаги даже и за X вѣкъ. Если о Росіи можно говорить такъ, то очень понятно, что ближайшая къ Скандинавіи страна, полная мелкими несоильными племенами—Финляндія къ X вѣку была уже насыщена вліяніями непокойныхъ искателей-викинговъ. Допуская, что Ладожане уже въ X вѣкѣ могли получать дань съ Тавастовъ, нужно сознаться, что слѣды позднѣйшихъ русокихъ движеній остались въ Финляндіи очень скройные. Нѣсколько могильниковъ, нѣсколько крестовъ Новгородскаго типа.—Не больше чѣмъ находокъ куфическихъ монетъ! За то могильники, приморскіе и островные, говорятъ о нахожденіи скандинавовъ особенно въ западной Финляндіи.

Жалко кривичей! Жалко всего того, что давно мы по-

любили приписывать милымъ сердцу ближайшимъ славянамъ. Ихъ значеніе колеблется. Финскія данины сокращаютъ кругъ дѣйствія сѣверныхъ славянскихъ племенъ. Очень важно одно изъ послѣднихъ заключеній А. Слицына о длинныхъ курганахъ озерного и верхнеднѣпровскаго района. Въ нихъ видѣли памятники славянскіе, теперь же онъ отодвигаетъ ихъ къ финнамъ. Г. Неовіусъ въ послѣднемъ трудѣ своемъ о движеніи скандинавовъ на Русь указываетъ на основаніи данныхъ Стокгольмокихъ архивовъ въ приладожской области въ мѣстности Кексгольма озера Рурика Ярви (шведское) произношеніе—Рюрика). Пресловутыя сообщенія Нестора о приглашеніи иноземцевъ самими славянами изслѣдователь вкладываетъ въ уста колонистовъ-скандинавовъ, уже мирно осѣвшихъ по берегамъ Волхова и Днѣпра. Странная для славянъ формула приглашенія становится вполне типичною со стороны колонистовъ-пришельцевъ, зовущихъ ближайшаго своего *Frelherr'a* въ „свою“ землю, гдѣ они осѣли, зовущихъ для порядка, для защиты торговаго пути. Остроумно! И во всякомъ случаѣ почтенно желаніе объяснить дѣло возможно проще, практичнѣе, безъ ненужныхъ уличеній. Попутно вспомнимъ какой красоты мѣста на Сѣверѣ Ладожскаго озера; вспомнимъ длинный перечень лушныхъ звѣрей, еще и теперь наполняющихъ безконечный лѣсъ сѣвернаго озерного края. Такія особенности издалека заманивали смѣлыхъ людей. Статья Неовіуса называется „*Om spår af förhistorisk Skandinavisk kolonisätion in Karden*“. (Museum, № 2, 1907).

Съ разныхъ сторонъ, незнакомые другъ другу изслѣдователи, какъ видно, идутъ по одной сѣверной тропѣ. Не измышленія, но находки ведутъ ихъ. Намъ иужны всякіе показатели скандинавскаго движенія на востокъ. Всѣ данныя

складываютъ вполне опредѣленное представленіе о старинномъ господствѣ скандинавовъ въ западной Финляндіи. Всѣ данныя этого движенія значительны, повторяю, тѣмъ болѣе что недавно еще было стремленіе, хотя бы вопреки фактамъ, выдвинуть только Новгородскія вліянія среди финновъ.

Спокойный морской проходъ шкерами. Удобныя пристани. Высокіе берега; легкая оборона. Лѣвонья мѣстности, полная звѣремъ и птицею. Рыбныя рѣки и озера. Всѣ прелести остановокъ для мореходовъ прежде всего сосредоточили скандинавовъ на берегахъ въ предѣлахъ Porvo—Uusikirkko. Въ глубину страны такія первоначальныя вліянія могутъ быть предположены въ предѣлахъ Тавастгуса. Этимъ же путемъ съ запада вошло и католическое христіанство. Безъ большихъ послѣдствій, кромѣ отдѣльныхъ мѣстечекъ Корелии, остались начинанія братіи съ Валаама и Коневца, несмотря на основаніе Валаама въ 992 году.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что къ XIII вѣку еще до извѣстныхъ походовъ на Корелию Торкеля Кнудсона, на западномъ побережьи уже появились каменные храмы. Постепенно, благодаря ревнительству католицизма, храмы расписывались и украшались. Прочная кладка изъ гранитныхъ валуновъ, крѣпчайшая связка соединеній сохранили до нашихъ дней древнѣйшія церкви Финляндіи.

Не будемъ искать „небывалости“ въ простыхъ строеніяхъ храмовъ, въ ихъ высокихъ фасадахъ, украшенныхъ символи-

ческими крестами; въ длинныхъ окнахъ и низкихъ дверкахъ, теперь почти вездѣ расширенныхъ. Откровенія въ нихъ не найдемъ.

То же видимъ мы въ церквахъ Швеціи, Дани и Помераніи, живописной Норвегіи, Шотландіи, Ирландіи. Почти тѣ же источники вдохновляли художниковъ; тѣ же средне-вѣковыя, сѣверныя легенды и толкованія подсказывали трактовку сюжетовъ. Иногда тѣ же самые епископы, прибывшіе изъ-за моря, призывали рабтниковъ къ дѣлу. И все таки группа финскихъ храмовъ со стѣнописью стоитъ въ ряду чрезвычайно интересныхъ явленій сѣвернаго края. Вѣдь то же самое о заносныхъ вліяніяхъ всегда нужно говорить и въ отношеніи русскихъ церквей. Боятся ли намъ сравненій съ Аеономъ, Кавказомъ, Византіей, съ примитивами Италіи? Конечно нѣтъ! Мѣстное вліяніе, индивидуальное пониманіе источниковъ вездѣ сказалось. И въ раннихъ стѣнописяхъ Новгорода, Пскова и Ст. Ладogi—въ перетолкованіяхъ Византіи; въ Москвѣ и Ярославлѣ, гдѣ запоздало въ далекой дымкѣ прошли Итальянскіе примитивы. И узнавая происхожденіе стѣнописей—невозможно представить, чтобы отъ изслѣдованія ихъ поколебалось значеніе, а главное—обаяніе нашихъ памятниковъ. Преэмотвенность была всегда и вездѣ. То, что красно, интересно, курьезно, то оостается такимъ же, несмотря ни на что. И этотъ принципъ искусства надо хранить всѣми силами. Только пристрастные глаза могутъ не видѣть зримое, во имя чего то иного, видѣннаго когда то. Я какъ бы возражаю на доводъ, что церкви Финляндіи не финокія, а всецѣло шведскія, что въ нихъ нѣтъ дѣйствительной оригинальности. Вѣдь разныя бываютъ сужденія!

Въ стѣнописи церквей финскихъ есть несомнѣнно осо-

бенности. Печать сѣвера, печать болѣе юнаго христіанства несомнѣнно присуща западно-финляндскимъ храмамъ. На нихъ нужно обратить вниманіе. Ихъ окружаютъ опасности. Большинство этихъ церквей теперь въ скромныхъ сельскихъ приходахъ. Интересъ къ красотѣ древности, тамъ конечно, очень различенъ; особенно же къ красотѣ католической. Для многихъ протестантскихъ пасторовъ украшенія настѣнная—ненужная роскошь. Какъ памятники съ близкимъ иноземнымъ (шведскимъ) вліяніемъ, старѣйшіе храмы по существу не могутъ быть близкими значительной части населенія. Послѣ суровыхъ протестантскихъ покрововъ средневѣковья большинство живописи еще и не вскрыто. Мнѣ пришлось видѣть бѣлыя стѣны, гдѣ красноватыми и темными пятнами неясно сквозили какія то закрытыя изобразенія. При изобиліи древнихъ церквей въ западной Финляндіи можно ожидать открытія цѣлыхъ интересныхъ страницъ сѣверныхъ декораций.

Извѣстны также случаи, когда уже вскрытая живопись была замазана снова. Радость вандаламъ!—было замазано то, что справедливо привлекало вниманіе англійскихъ и скандинавскихъ ученыхъ. Такое варварство случилось между прочимъ въ Nousiainen'ъ со второю по древности церковью. Первая по древности считается Mariankirko, до 1300 года бывшая соборомъ. Роспись въ Nousiainen'ъ—почти не опубликована, о ней ничего нѣтъ, кромѣ довольно старыхъ брошюръ г. Nervander'a (Kirkollilesta taiteesta Suomesla keskiaikana. Kirjoitta nut E. Nervander. Helsingissä 1887—8). Текстъ брошюръ—финскій и шведскій. Иллюстраціи плохи; сдѣланы штриховою манерою. Только за неимѣніемъ другихъ источниковъ приходится искать въ этихъ брошюрахъ

древнѣйшія изображенія Nousiainen'a. Въ художественномъ видѣ эта замѣчательная стѣнопись издана не была.

Существуетъ еще одно изданіе о старинныхъ финскихъ храмахъ, но вышло оно всего въ 200 экземплярахъ и общественнаго значенія имѣть не могло, такъ какъ книгопродавцы и достать его даже не берутся.

Содержаніе изображеній въ Nousiainen окончательно объяснено тоже не было; часть позднѣйшихъ наслоений не отбивалась. Теперь же вся церковь выбѣлена. Только по саркофагу епископа Генриха ¹⁾—на немъ интересные штриховые по мѣди иллюстраціи къ жизни епископа, и по инвентарной книгѣ можно догадаться, что это та самая церковь, замѣчательная, изъ-за которой продѣлано столько верстъ плохой дороги.

О стѣнописи въ Nousiainen пусть г. Nervander расскажетъ намъ самъ. Онъ видѣлъ стѣнописи въ Nousiainen; онъ почему то не отстѣялъ ихъ существованіе; ему скрѣй подобаетъ умалить ихъ значеніе, нежели возвеличить. Послушаемъ его старообразный языкъ и толкованія, можетъ быть устарѣлыя.

„Совершенно особыя росписи были открыты въ Nousiainen въ 1880 г. подъ другими слоями штукатурки. Въ христіанскихъ храмахъ ничего подобнаго еще находимо не было. Вся стѣнопись была въ двухъ тонахъ, въ кирпично-красномъ и сѣромъ. Въ томъ же году эти стѣнописи были вновь за-

---

¹⁾ Мощи св. Генриха были перенесены 18 Іюня 1300 г. изъ Nousiainen въ Turku (Або). Епископъ Генрихъ прибылъ въ Финляндію послѣ 1150 г., когда въ Швеціи христіанство укоренилось болѣе 150 лѣтъ.

мазаны; видъ этихъ изображеній былъ слишкомъ страннымъ, даже отталкивающимъ для тѣхъ, кто ожидаетъ встрѣтить въ храмѣ картины, возвышающія религиозное чувство. Высоко на стѣнахъ, на колоннахъ и на сводахъ видны были частью симметрическіе, частью фантастическіе орнаменты, изображающіе огромныхъ птицъ. Далѣе въ орнаментахъ изображались разные звѣри, лоси, единороги, лисицы, лошади, собаки, волки и фантастическія существа—русалки. Кромѣ этого виднѣлись изображенія щитовъ и нѣсколько головъ святыхъ, обведенныхъ, тщательно исполненнымъ, сіяніемъ. Затѣмъ шли изображенія, какъ бы указывавшія на прибытіе скандинавскихъ завоевателей въ Финляндію. Хотя слои извести были снимаемы осторожно, но живопись иногда все таки страдала, такъ изъ лика Христа утрачена большая часть лица. Слѣдующая часть живописи представляетъ древнюю ладью съ высокимъ кормчимъ. Затѣмъ на стѣнопяси (очень попорченной) виднѣлись двѣ фигуры готовящіяся къ поединку; одинъ всадникъ верхомъ на конѣ, передъ нимъ маленькая собака; другой всадникъ, одѣтый въ остроконечную лапландскую шапку, сидитъ на звѣрѣ со многими ногами, около него звѣрь, похожій на волка. Этотъ поединокъ быть можетъ символическое изображеніе борьбы христіанства съ язычествомъ. Вѣроятно такой же смыслъ имѣетъ и другое странное изображеніе: налѣво дерево съ птицами на вѣткахъ, еще одна птица порхаетъ выше и на нее нападаютъ двѣ лисицы. Направо—большой звѣрь, видимо лось или единорогъ съ высунутымъ языкомъ. Приблизительно такими звѣрями изображался прежде Христосъ. Ниже—палачъ, поднявшій оружіе и держащій за голову маленькое челоуѣкообразное существо; палачъ готовится ему отрубить

голову, такъ же какъ поступилъ онъ съ другими, чьи головы уже лежатъ по другую сторону креста. Если пытаться выяснитъ смыслъ этой очень странной картины, которая такъ плохо вышла въ гравюрѣ, то можно бы предположить, что изображаетъ она благополучіе тѣхъ, кто держится Древа Жизни, между тѣмъ какъ суетный міръ съ лисьей хитростью подстерегаетъ людскія души. Затѣмъ изображается Христъ—господинъ жизни и смерти и судьба мучениковъ.

Эти стѣнописи являются близкимъ подобіемъ древнѣйшихъ изображеній Ирландіи и Шотландіи и нашли здѣсь, въ христіанской церкви, слишкомъ запоздалое примѣненіе. Путь этихъ рисунковъ былъ черезъ Готландъ, съ жителями котораго обитатели Финляндіи имѣли близкія сношенія уже съ древнихъ временъ“.

Судя по иллюстраціямъ брошюры г. Nervander'a, изображенія въ Nousiainen напоминали рисунки и насѣчки на сѣверныхъ скалахъ „Hällristningar“. Въ нихъ чувствуются границы Палатинской капеллы и Чудскихъ фигуръ—время, когда христіанство наложило руку на священный шаманизмъ. Надо согласиться съ Nervander'омъ, что такое украшеніе церкви совершенно исключительно. Какое поразительное впечатлѣніе долженъ былъ производить такой высокій, обширный храмъ, бѣлый, покрытый по сводамъ, столбамъ, стѣнамъ красноватыми и сѣрыми іероглифами сѣверной жизни: какъ благородно сочетаніе такихъ красокъ! Нѣсколько чертъ рисунка могли бы упразднить цѣлыя страницы догадокъ; какая иибудь подробность, оставленная художникомъ даже безсознательно, могла бы пролить свѣтъ на широкій край сѣвернаго быта и Руси, конечно. Значеніе такого храма могло быть выше ковра Матильды. А те-

перь бѣлая плоскости и страхъ, что драгоценное искусство не только замазано, но, можетъ быть, и навсегда сбито.

Необходимо попытаться освободить эту стѣнопись. Я вѣрю, если мою замѣтку прочтутъ: prof. Aspelin, prof. Jvar Heikel, J. Ailio, г. Arpeegren—лучшіе финскіе археологи, они, съ присущей имъ культурностью, немедленно исправятъ ошибку прошлаго. И сдѣлаютъ они это, можетъ быть, еще лучше, нежели реставрація въ Lohja; хотя тамъ впечатлѣніе древности сохранено очень заботливо.

Сеймъ не оставитъ отпустить необходимыя суммы на такое нужное дѣло!

По словамъ Неовіуса такая же судьба стѣнописи въ Naantal'ъ, Porvo, Sjondea; все забѣлено!

Остались еще фрески въ Kimito, Rymältyla, Löhja, Hattula (1520 г.), Kumlinge, Rauma (стѣнопись произведена въ 1510—1522 гг.), Tavasjalo (1450), Lieto, Pohja. Въ 1903 году открыты фрески въ Sauvo и въ 1904 году отбита штукатурка въ Pernio. Въ стѣнописи въ Usikirkko интересно то, что, кромѣ года, извѣстно имя художника Petrus Heinrichson'a, закончившаго трудъ въ 1470 году.

Къ тому же времени, какъ и живопись въ Nouslainen, т. е. къ концу XII или къ началу XIII в., относится очень полинялая фреска на внѣшней стѣнѣ въ Hattula. Фреска изображаетъ Распятаго, окруженнаго Маріей и Іоанномъ. Красивая, простая трактовка живо переноситъ зрителя въ XII вѣкъ. Растительный орнаментъ, очень тонко исполненный, красиво расположенъ вокругъ этой замѣчательной фрески.

Какъ звено между древнѣйшею живописью al'secco и болѣе поздней уже изъ XV вѣка можно указать орнаменты

въ Nattula. Богатыя сочетанія фруктовъ и цвѣтовъ. Краски: зеленая, бѣлая, синяя, красная и сѣрая. Изъ стѣнописей XV вѣка прежде всего слѣдуетъ замѣтить украшенія въ Tevsala, ихъ время относится къ епископу Олафу Магнусону (1450—1460); гербъ его изображенъ на стѣнахъ церкви. Древнія изображенія въ Tevsala должны считаться одними изъ лучшихъ въ Финляндіи; тѣмъ досадиѣе, что частыя ихъ еще не вскрыта изъ подъ штукатурки.

Чаще всего отѣнопись храмовъ сохранилась лишь частями, такъ что трудно говорить о впечатлѣніи отъ общаго вида.

Одно изъ самыхъ полныхъ впечатлѣній производитъ церковь въ Lohja. Въ 1886 году живопись въ Lohja и Nattula была освобождена отъ штукатурки и сравнительно благополучно, а четверть вѣка уже сравнивали кое какія красочныя шероховатости возобновленія. Церковь эта извѣстна уже въ 1290 году, когда Lohja была однимъ изъ крупнѣйшихъ приходовъ Финляндіи. Зданіе храма—большой продолговатый корабль съ двумя боковыми притворами. На высокомъ фронтонѣ бѣлый крестъ, охраняющій зданіе, по сторонамъ—символы двухъ естествъ Господа. Подлѣ храма колокольня; нижній этажъ сложенъ изъ крупныхъ валуновъ; верхъ—деревянный. Общій видъ колокольни, надо думать, XVI-го вѣка. Живопись храма относится къ 1489—1500 годамъ, для финскихъ храмовъ—средній періодъ. Есть

указанія, что храмъ былъ украшенъ неизвѣстною намъ художницею изъ числа монахинь монастыря въ Naantal'ѣ, близъ Або. Части стѣнописи имѣють много общаго съ изображеніями изъ Breviarium Upsalense 1496 г. Изъ другихъ вещественныхъ датъ мы видимъ въ рукахъ одного изъ ангеловъ гербъ послѣдняго католическаго епископа Арвина Курка, умершаго въ 1523 году. Часть изображеній, конечно, пострадала при расширеніи оконъ и дверей, а также закрыта органомъ, нрислоеннымъ надъ главнымъ входомъ.

Притворъ храма занятъ сценами убійства Авеля и продѣлками діавола надъ людьми. Діаволъ въ видѣ собаки пьетъ молоко изъ подойника подъ коровою, чтобы перенести это молоко человѣку, продавшемуся ему. Діаволы сидятъ на норовистыхъ лошадяхъ; діаволы помогаютъ палачамъ, терзающимъ мученика; діаволы помогаютъ слугамъ своимъ при полевыхъ работахъ.

Въ оамоѣ церкви живопись начинается отъ вышины плеча и идетъ черезъ всѣ своды и стѣны. На столбахъ, въ два ряда держащихъ своды въ серединѣ церкви,—большія изображенія одиночныхъ святыхъ и апостоловъ.

Большія плоскости и своды заняты изображеніями Гая, Изведенія изъ ада, Избіенія грѣшницы камнями, Родословной Христа, Христофора Богоносца, Богоматери и нѣсколькими сценами страстей Господинхъ. Среди изображеній святыхъ особенно излюбленными являются св. Екатерина Шведская (канонизированная въ 1479 г.), св. Генрихъ и Лалли. Краски лежатъ широкими плоскостями въ рѣзко очерченныхъ складкахъ.

Между фигурами—ориаментъ. Пустыя мѣста заполнены звѣздочками. Фонъ бѣлый. Мнѣ ясно, почему нужны были

такія ярко ограниченныя изображенія на свѣтлой поверхности: при первоначальныхъ размѣрахъ низкихъ и узкихъ оконъ при высотѣ храма нужна была опредѣленная декорация. Понятенъ и сумракъ храма. Храмъ—духовная крѣпость; храмъ—убѣжище отъ врага—долженъ тонуть въ интимномъ сумракѣ.

Для душевныхъ откровеній не нуженъ свѣтъ площади. Здѣсь человѣческое чувство не уступило буквѣ католицизма. Древніе сознавали то, что теперь уничтожено нашимъ безразличіемъ. Люди, увеличившіе окна и двери, не знали, что творили. Теперь только въ вечернемъ сумракѣ можно получить настоящее, первоначальное впечатлѣніе декорации. Стѣны и своды храма, какъ я говорилъ, сложены изъ большихъ малостесанныхъ валуновъ. Грани камней выходятъ изъ поверхности стѣны и разбиваютъ плоскость неожиданнымъ рисункомъ угловъ и извилистыхъ линий. Думали ли создатели о такомъ впечатлѣніи, но заботливое время украсило и довело простыя изображенія до сложной мягкости искусства нашихъ дней. Пыль легла на воѣ выпуклости камней и вмѣсто холодной стѣны въ мягкихъ складкахъ струится шелковистый гобеленъ. Бѣлая поверхность подъ патиною времени получила всѣ тепловатые налеты ткани; фигуры не вырѣзываются болѣе острыми линиями контура; мягко преломляются одежды; орнаментъ дрожитъ непонятными рунами. Время сложило красоту, общую всѣмъ вѣкамъ и народамъ.

Финны, любите и сумѣйте сберечь ваши старѣйшіе храмы!

ТИХІЕ ПОГРОМЫ.

Скучно быть обидчикомъ и ругателемъ.

Скажутъ: „алой человѣкъ!“.

— Не умѣеть жить въ „хорошемъ“ обществѣ. Трсагаетъ, что не слѣдуетъ. Не умѣеть во-время закрыть глаза и заткнуть уши. Только себѣ вредить.

Сожалѣютъ доброжелатели.

И вотъ учишься быть благодушнымъ. По возможности не смотрѣть, меньше знать, дѣлать свое дѣло. Пусть себѣ! Снова поклоны становятся внимательнѣе и взоры мягче. Предполагаютъ: „кажется, лѣтній отдыхъ повліялъ благопріятно“.

Но дорога русскаго благсудія полна безконечныхъ испытаній.

Нельзя выѣхать никуда. Изъ дома нельзя выйти.

Каждая встрѣча приноситъ престранныя свѣдѣнія.
Какъ быть съ ними?

Въ каталогѣ смоленскаго городского археологическаго музея приходится читать:

...„окаменѣлые дождевые черви, окаменѣлая сыроѣжки, голова идола съ чертами, проведенными масляной краской, и т. п. рѣдкости“.

Смѣешься и благодумствуешь:

— Ну, черви, такъ черви! Сыроѣжки, такъ сыроѣжки. Шутъ съ ними, и съ червями, и съ Писаревымъ, и съ Орловскимъ, которые такъ научно написали.

Разсказываютъ о бывшихъ исчезновеніяхъ предметовъ изъ новгородскаго музея.

Все-таки благодумствуешь.

— Можетъ быть, вещи попали въ болѣе надежныя руки. Опять же и предопредѣленіе!

Передаютъ о вновь найденномъ въ раскопкѣ идолѣ, который нѣсколько лѣтъ назадъ пропалъ изъ костромскаго музея. Сталъ невидимъ (такъ не будетъ ничего преступнаго).

Неукоснительно благодумствуешь:

— Да процвѣтаетъ научная точность и безукризненность.

Да здравуютъ точные выводы, построенные на фактахъ изъ раскопокъ! Да живетъ точное распредѣленіе вѣковъ и предметовъ!

Шепчутъ, какъ изъ собраній одного еще не открытаго музея уже стали исчезать вещи.

Собираешься съ силами и благодумствуешь.

— Хоть и плохое начало для музея, но хвала Создателю, если начали пропадать вещи еще до открытiя музея, иначе неприятности было бы больше.

Показываютъ, какъ въ Мирожскомъ монастырѣ, послѣ недавней „реставраціи“ Сафонова, обвалнивается вся живопись тѣмъ погибаетъ превосходный памятникъ.

Приходится уже плохо, но кое-какъ благодумствуешь:

— Сафоново уже много храмовъ испортилъ. Прибавимъ къ этому синодику еще одно имя, вѣдь, все равно, Сафонову поручать новыя работы. Все равно не остановишь шествiя вандаловъ.

Пишутъ горестныя письма и ведутъ показать, какъ чудеснаго сѣдого Николу Мокраго въ Ярославлѣ, сейчасъ перекрашиваютъ снаружи въ желтый цвѣтъ, да еще масляной краской. Причемъ, совершенно пропадаетъ смыслъ желтоватыхъ фресокъ и желтовато-зеленыхъ изразцовъ, которыми храмъ справедливо славится.

Пробуешь неудачно „благодумничать“, — такъ больше похоже на „малодумничать“.

— „Таковъ обычай страны“...

При этомъ, упорно твердятъ, что новсе варварство въ

Ярославль дѣлается съ вѣдома археологической комиссіи. Будто бы комиссія разрѣшила и масляную краску.

Опять плохо благодущничаешь:

— Если комиссія избрала холерный цвѣтъ, пусть такъ и будетъ, теперь въ Петербургъ холера. И, вообще, не обижайте комиссію. Такъ и говорю. Слышите! Но здѣсь благодущничаиье окончательно покидаетъ. Становится ясно, что никакая комиссія не можетъ разрѣшить и знать то, что дѣлается сейчасъ въ Ярославль.

Никто, сколько-нибудь имѣющій вкусъ, не можетъ вынести, чтобы бѣлагс Николу съ его чудными зеленоватыми изразцами обмазали послѣдствіями холеры.

Это уже невыносимо.

Или тутъ жестокій поклепъ на археологическую комиссію, или не завелась ли у насъ подложная комиссія.

Пусть настоящая комиссія разъяснить въ чемъ дѣло. Пусть комиссія печатно объявить, что все, что дѣлается съ Николою Мокрымъ, сдѣлано безъ всякаго ея вѣдома и должно быть строго наказано.

При этомъ, пусть комиссія все-таки пояснить, кто изъ художниковъ рѣшаетъ въ ней живописные вопросы.

По всей Россіи идетъ тихій, мучительный погромъ всего, что было красиво, благородно, культурно. Ползетъ безкровный, мертвящій погромъ, сметающій все, что было священнаго, подлиннаго.

Когда виновниками такихъ погромовъ являются невѣжественныя городскія управленія; когда въ погромахъ дѣйствуютъ торгошники-иконописцы, потерявшіе представленіе о „честномъ живописномъ рукодѣліи“, когда презираетъ святыни спесивая администрація, — тогда все ясно, тогда остается горевать. Остается утѣшаться примѣрами дикости изъ прежиныхъ вѣковъ.

Но когда среди именъ вандаловъ клеветаютъ на Императорскую Археологическую Комиссію, тогда въ смятеніи умолкаешь.

Куда же итти?

Кто же защититъ прекрасную древность отъ безумныхъ погромовъ?

Печально, когда умираетъ старина. Но еще страшнѣе, когда старина остается обезображенной, фальшивой, поддѣльной. Это страшнѣе всего и больше всего подлежитъ наказанію.

Кто бывалъ въ Ярославлѣ и видалъ храмъ Іоанна Предтечи, въ Толчковской слободѣ, тотъ теперь не узнаетъ его.

Храмъ «промытъ».

Это тотъ самый храмъ, про который я уже писалъ:

— «Осмотритесь въ храмъ Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ. Какія чудеснѣйшія краски васъ окружаютъ! Какъ

смѣло сочетались лазоревые воздушнѣйшіе тона съ красивою охрою! Какъ легка изумрудно-сѣрая зелень и какъ у мѣста на ней красноватая и коричневатая одежды! По тепловатому свѣтлому фону летять грозные архангелы, съ густыми желтыми сіяніями, и бѣлые ихъ хитоны чуть холоднѣе фона. Нигдѣ не беспокоитъ глазъ золото, вѣнчики свѣтятся одною охрою. Стѣны эти—тончайшая шелковистая ткань, достойная одѣвать великій домъ Предтечи!»

Такъ, искренно, пѣлось объ этомъ замѣчательномъ храмѣ. Теперь домъ Предтечи „археологически“ промытъ. Промытъ будто бы подъ призоромъ археологической комиссіи.

На «промывку» и возстановленіе потрачено, какъ говорятъ, около шестидесяти тысячъ рублей.

Вся поэзія старины, вся эпидерма живописи смыта богами.

Достоинство храма до «исправленія» было безмѣрно выше. Говоримъ такъ небездоказательно.

Каждый изъ художниковъ, бывшихъ прежде у Іоанна Предтечи, конечно, вспомнить, насколько было лучше.

Было художественнѣе, было тоньше, было благороднѣе, было несравненно ближе къ великолѣпнымъ стѣнописямъ Италіи.

Пропалъ теперь тонкій сѣро-изумрудный налетъ травы; пропали сѣрые полутоны всѣхъ бѣлыхъ частей стѣнописи; исчезла синева—выскочила синька.

Словомъ, все то глубоко художественное и религіозное, что струилось и горѣло въ живописномъ богатствѣ—все это небесное стало земнымъ, грубымъ, грѣшнымъ.

Искусство, одухотворенное священною кистью времени, «поправили»!

Самомнительно и святотатственно разрѣшили великую задачу, связующую мудрость природы, работу времени и труды человѣка.

Пришелъ нѣкто «сѣрый» и рѣшилъ, что все завершенное временемъ не нужно, что онъ — «малый» — знаетъ лучше всѣхъ, какъ слѣдуетъ снять будто-бы лишніе покровы.

Не кто иной, какъ онъ — «маленькій», — знаетъ, какіе именно были люди, отдѣленные отъ насъ рѣзкими гранями культуры.

Какъ далеко такое сомнѣніе отъ проникновеннаго стремленія сохранить, отъ желанія уважать, любить любовью великою.

Даже храмъ, прекраснѣйшій своими чертами и красками, неспособенъ былъ вызвать заботливую, ревнивую любовь.

Да существуетъ ли она на самомъ дѣлѣ?

И такъ, понемногу, въ тишинѣ, громится духовное богатство Руси.

Незамѣтно погромляется все то, что было когда-то иужно, все то, что составляло дѣйствительное богатство и устой народа.

Погромъ страшенъ не только въ шумѣ и свистѣ рѣзни и пожаровъ, но еще хуже погромъ тихій, проходящій незамѣтно, уносящій за собою все то, чѣмъ люди живы.

Позади остаются мертвые скелеты. Даже фантастическій «танецъ смерти» не свойствененъ неподвижнымъ «промытымъ» остовамъ.

И вводится въ заблужденіе народъ, и не можетъ отличить онъ, гдѣ источники живые и гдѣ мертвящіе.

Толкуя о высокихъ матеріяхъ, мы учимъ молодежь по мертвымъ буквамъ. Учимъ на томъ, что «промыто» невѣжественною рукою. Будемъ учить по подложному!

Тѣ, кто рѣшается сказать, что сейчасъ храмъ Ісанна Предтечи выглядеть лучше, нежели былъ семь лѣтъ тому назадъ,—могутъ ли они утверждать, что видѣли его теперь и тогда.

Если не видѣли, то не должны и гворить.

Если видѣли и все-таки скажутъ, что храмъ теперь лучше,—тогда пусть займутся сапожнымъ ремесломъ.

Стѣнопись храма Іонна Предтечи въ Толчковѣ испорчена. Кто же это сдѣлалъ? Кто наблюдалъ?

Защищайтесь!

Не думайте отмолчаться. Не думайте представиться, что вопросъ ниже вашего достоинства.

Спрашиваю не я одинъ, безпокойный.

Ждутъ отвѣта тысячи людей, которымъ искусство и красота старины близки.

Даже скромный ярославскій обыватель шепчетъ:

— «...Вѣдь не мягкой щеточкой, не ситнымъ, а во-дою, да зеленымъ мыломъ стѣны-то мыли. Да и заправляли тоже! А развѣ новое-то подъ старину подойдетъ?»...

Почти безграмотный человекъ почувствовалъ возмущеніе и шепчетъ его робкими словами.

Домъ Предтечи сталъ просто церковью, гдѣ продаются свѣчи, требы, молитвы.

Кто же слѣдилъ за этимъ „дѣломъ“?

На какого художника возложила археологическая коммиссія такое отвѣтственное, творческое обновленіе работы времени и многихъ невѣдомыхъ людей?

Въ комисіи бывають архитекторы, но пусть скажутъ, кто изъ художниковъ взялся такъ нелѣпо, по варварски обойтись съ прекраснымъ стѣннымъ покрѣтіемъ?

Пусть непременно скажутъ.

Такое имячко надо записать „погромче“.

Вѣдь не могли же трогать живопись безъ живописца.

Это ясно.

Вообще, положеніе охраненія памятниковъ осложнилось еще тѣмъ, что, чѣмъ бы ни ужаснулся зритель, ему слишкомъ часто отвѣчаютъ:

— Сдѣлано съ вѣдома археологической комисіи.

Неумѣстный проблескъ благодушія.

Не злоупотребляютъ ли именемъ археологической комисіи?

Не завелась ли гдѣ-нибудь подложная комиссія?

Теперь такъ много подлоговъ.

О надзорѣ за „промытіемъ“ храма Іоанна Предтечи въ Толчковѣ пусть археологическая комиссія непременно все разяснить.

На нее въ народѣ растетъ слишкомъ неприятное и очевидное обвиненіе.

1911.

ЗЕМЛЯ ОБНОВЛЕННАЯ.

Всероссійскій съѣздъ художниковъ въ Петербургѣ въ будущемъ году состоится.

Все-таки состоится.

Говорю „все-таки“, такъ какъ до послѣдняго времени не былъ другомъ такого предпріятія.

Идея съѣзда художниковъ никакихъ особенныхъ чувствъ не возбуждала. Было изумленіе „объединенію“ художниковъ. Былъ эгоистическій интересъ къ любопытному собранію, но никакихъ серьезныхъ ожиданій не было.

Можно сознаться въ этомъ теперь, когда находится поводъ къ созыву съѣзда.

Ко всякимъ съѣздамъ и сбсрищамъ приходится относиться очень осторожно.

Всѣ мы знаемъ, что на людяхъ въ шумѣ и сутолокѣ

никакой настоящей работы не дѣлается. Только творческое одиночество куётъ будущія ступени жизни.

Сборище, съѣздъ, прежде всего — завершеііе, больше всего итоги.

На первый взглядъ кажется, какіе же итоги подводить сейчасъ нашей художественной жизни?

На чемъ, на какомъ языкѣ могутъ сговориться художники, художественные разновѣрцы?

Желать, чтобы слѣпые глаза прозрѣли? Плакаться на пошлость? Требовать проявленія интереса тамъ, гдѣ его нѣтъ и гдѣ его быть не можетъ? Жалѣть о чьей-либо бѣдственности? Ждать, чтобы уродившееся безобразнымъ сдѣлалось красивымъ?

Представьте, какъ о такихъ предметахъ заговорятъ люди другъ друга исключаютъ!

Богъ съ ними, съ тому подобными итогами. Они и безъ съѣзда сами себя подвели.

И что общаго имѣютъ они съ яркимъ, значительнымъ искусствомъ, освятить которое можетъ лишь время?

Желать ли художникамъ несбыточнаго объединенія? (Подъ объединеніемъ часто понимаются не культурныя отношенія, а нетерпимо близкое приближеніе другъ къ другу).

Стремиться ли художникамъ устроить еще одно собраніе и еще разъ «проговорить» то время, что такъ драгоцѣнно для труда и совершенствованія?

Если бы вернулась хоть часть давио бывшаго сознанія о блестящемъ, самодовлѣющемъ мастерствѣ, для котораго надо дорожить всякимъ часомъ! Если бы вѣкъ нашъ былъ вѣкомъ слоновъ или мамонтовъ! Если бы работающіе со-

знавали, сколько времени ими тратится безъ пользы для ихъ собственнаго дѣла!

Думать ли художникамъ о всякихъ уравненіяхъ? Чтобы никто не выпалъ изъ строя, чтобы никто не выскочилъ. Мечтать ли о блаженіи въ времени, когда не будетъ бездарныхъ, когда не будетъ талантливыхъ? Мечтами о единеніи, мечтами о равномъ строѣ сколько художниковъ было отрывается отъ работы. Страшио сосчитать, сколько художниковъ „объединительные“ разговоры перессорили.

Говорить ли на съѣздѣ о техникахъ дѣла,—но и въ этой части искусства слѣдуетъ опять-таки не столько говорить, сколько дѣлать.

Всѣ такія темы такъ обычны для съѣзда, что для нихъ не стоило бы отрываться отъ мастерской.

Даже не такъ важно и охраненіе художественной собственности. Главное, было бы, что охранить.

Все это обыденно, вся это незначительно. Болѣе похоже на сплетни, нежели на звонкое, здоровое дѣло.

Но другомъ съѣзда все-таки сдѣлаться стоитъ.

Въ культурныхъ олояхъ общества послѣднее время замѣчаются благодатные признаки.

Подведя итоги бывшей суматохѣ искусства, съѣздъ можетъ подумать о бодромъ движеніи художественной мысли.

Въ самыхъ разнохарактерныхъ сердцахъ сейчасъ вырастаетъ одно и то же красивое чувство обновленно-національныхъ исканій.

Неизвѣстно, какъ и почему, но обнаружился общій голодъ по собственному достоинству, голодъ по познанію земли, со всѣмъ ея безцѣннымъ сокровищемъ.

Люди узиали о сложенныхъ гдѣ-то духовныхъ богатствахъ.

Въ поискахъ этихъ сокровищъ всѣ чары, всѣ злыя на-шептыванія должны быть смятены.

То, что казалось заповѣднымъ, запрещеннымъ, должно стать дсстояніемъ многихъ. Должно обогатить.

Въ первоначальной программѣ съѣзда имѣются слѣдующія строки, совершенно не новыя, но всегда нужныя:

— „Замѣчаемый нынѣ въ русскомъ искусствѣ національный подъемъ свидѣтельствуеъ о внутренней работѣ великаго народа, создавшаго еще на зарѣ своей жизни своеобразное зодчество, иконопись, обвѣянная поэзіей бы-лины и сказанія, сложившаго свои поэтическія пѣсни“.

— «Сильная страна не порываетъ связей со своимъ прошлымъ, но прошлое это еще недостаточно изучено, а художественные памятники его пропадаютъ съ каждымъ днемъ. Обязанность тѣхъ, кто глядитъ впередъ,—пока еще не поздно и время не стерло всѣхъ его слѣдствъ,—сберечь русское народное художественное дсстояніе, направивъ въ эту сторону вниманіе нашихъ художественныхъ силъ“.

Въ обычныхъ культурныхъ словахъ чувствую не обычную, поношенную почву націонализма; въ нихъ, судя по общему, часто скрываемому настроенію, есть нѣчто новое.

Какой-то всенародный плачь по прекрасному расхищаемому дсстоянію!

Всенародный голодъ по вѣчно красивому!

Приведенныя строки воззванія ближе миѣ, нежели очень многимъ.

Болѣе десяти лѣтъ назадъ, съ великаго пуги изъ Вязгъ въ Греки, съ Волхова, я писалъ:

— Когда же поѣдутъ по Руси во имя красоты и національнаго чувства?

Съ тѣхъ поръ, учась у камней упорству, несмотря на всякія недоброжелательства, я твержу о красотѣ народнаго достоянія.

Твержу въ самыхъ различныхъ изданіяхъ, передъ самою разнообразною публикой.

Видѣть защиту красотѣ старины на знамени съѣзда для меня особенно дорого.

Еще слишкомъ много сердецъ закрыто для искусства, для красоты.

Еще слишкомъ много подложнаго находится въ обращеніи. Попытаемся разобратъся!

Главное, не будемъ же, наконецъ, закрывать глаза на очевидное.

Мы научены всякими неудачами. Много превосходныхъ словъ оказалось подъ незаслуженнымъ запретомъ. Многимъ поискамъ дано несправедливое толкованіе. Но душа народа стремится ко благу. Вмѣсто сскровища случайной націи, народъ начинаетъ отыскивать клады земли.

Въ пророческомъ предвиденіи народъ отъ преходящаго идетъ къ вѣчному.

Конечно, найдутся злые люди и назовутъ новыя ясныя чувствованія пустыми мечтами. Разрушители!

На какомъ языкѣ доказать имъ, что стертая монета национализма замѣняется чудеснымъ чеканомъ новыхъ знаковъ?

Лишеннымъ вѣры какъ передать, что „будущее въ прошломъ“ не есть парадоксъ, но есть священный девизъ. Этотъ девизъ ничего не разрушаетъ.

Индивидуальность, свобода, мысль, счастье,—все принимаетъ этотъ пароль.

Не ошибка сейчасъ повѣрить въ ростъ глубокаго, здороваго чувства—нео-націонализма.

Сознаемся, что названіе еще не удачно.

Онъ длинно. Въ немъ больше стараго, чѣмъ новаго.

Въ обозначеніи новаго понятія, конечно, необходимо участіе слова „земля“.

Принадлежность къ почвѣ надо подчеркнуть очень ясно.

Не столько опредѣленные люди, сколько ихъ наслоенія, являются опорой нашему глубокому чувству.

Мощь развивается въ столкновеніи острой индивидуальности съ безыменными наслоеніями эпохъ. Вырастаетъ логическая сила. Около силы всегда гнѣздится и счастье.

Пока трудно замѣнить нео-націонализмъ новымъ словомъ.

Не это важно. Необходимо сейчасъ отыскивать признаки обновленнаго націонализма.

Значительно вотъ что:

Именно теперь культурныя силы народа небывало настойчиво стремятся узнавать прошлое земли, прошлое жизни, прошлое искусства.

Отстаиваются всѣ случайныя толкованія. Новое чувство родитъ и новые пути изученія. Въ стремленіи къ истинѣ берутъ люди настоящіе первоисточники.

Становится необходимымъ настоящее «знаніе». Не извращенное, не предумышленное знаніе!

Съ ужасомъ мы видимъ, какъ мало, какъ приблизительно знаемъ мы все окружающее, всю нашу бывшую жизнь. Даже очень недалекую.

Отъ случайныхъ (непрощенныхъ) находокъ потрясаются самые твердые столпы кичливой общепризнанности.

Въ твердыняхъ залоговъ знанія мы начинаемъ узнавать, что цѣнна не отдѣльная національность. Важно не то, что сдѣлало опредѣленное племя, а поучительно то, что случилось на нашей великой равнинѣ.

Среди безконечныхъ человѣческихъ шествій мы никогда не отличимъ самаго главнаго. Въ чемъ оно?

Не все ли равно, кто внесъ больше красоты въ многогранникъ нашего существованія.

Все, что случилось—важно. Радостно то, что красота жизни есть, и дали ея велики.

Древняя истина: «побѣдить красота».

Эту побѣду можно злоумышленно отсрочить, но уничтожить нельзя.

Передъ побѣдою красоты исчезаютъ многія случайныя подраздѣленія, выдуманная людьми въ борьбѣ за жизнь.

Знать о красивыхъ, о лучшихъ явленіяхъ прошлой жизни хочетъ сейчасъ молодежь. Ей—дорогу.

Съ трогательною искренностью составляются кружки молодежи. Хочетъ она спасти красоту старины; хочетъ защитить отъ вандаловъ свои юныя знанія.

Кружки молодежи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ готовятъ полки здравыхъ и знающихъ людей.

Знаю, насколько упорно стремятся они знать и работать.

Помимо казенныхъ установлений, общество идетъ само на постройку искусства.

Создаются кружки друзей искусства и старины.

Въ Петербургѣ сложилось общество друзей старины.

Въ Смоленскѣ ки. М. К. Тенишева составляетъ прекрасный русскій музей.

По частному начинанію общества архитекторовъ-художниковъ созданъ музей Стараго Петербурга.

Въ Кіевѣ основывается общество друзей искусства.

Будетъ наростать художественный музей, собранный по подпискѣ. Давно, съ завистью, мы смотрѣли на пополненія музеевъ за границей на подписныя деньги.

Для художника особенно цѣнно желаніе сохранить его произведеніе, высказанное большою группою лицъ.

Таними реальными заботами только можетъ народъ выразить свою дѣйствительную любовь къ искусству.

Наше искусство становится нужнымъ.

Пріятно слышать, какъ за границею глубоко воспринимается красота нашей старины, нашихъ художественныхъ завѣтовъ.

Съ великою радостью вижу, что наши несравненные храмы, стѣнписи, наши величественные пейзажи становятся вновь понятными.

Находятъ настоящее свое мѣсто въ новыхъ слояхъ общества.

Съ удовольствіемъ узнаю, какъ Грабарь и другіе изслѣдователи сейчасъ стараются узнать и справедливо оцѣнить красоту старины. Понять все ея великое художественное чутье и благородство.

Только-что въ „Старыхъ Годахъ“ миѣ пришлось предложить открыть всероссійскую подписку на изслѣдованіе древнѣйшихъ русскихъ городовъ, Кіева и Новгорода.

Вѣрю, что именно теперь народъ уже въ состояніи откликнуться на это большое, культурное дѣло,

Милліонъ людей—милліонъ рублей.

Мы въ правѣ разсчитывать, что одна сотая часть населенія Россіи захочетъ узнать новое и прекрасное о прежней жизни страны.

Такая всенародная лепта во имя знанія и красоты, къ счастью, уже мыслима. Надо начать.

Настало время для Руси собирать свои сокровища.

Собирать! Собирать хотя бы черною работою.

Разберемъ послѣ. Сейчасъ надо сохранить.

Каждому изъ насъ Россія представляется то малю, то непостижимс большою.

Или кажется, что вся страна почти знакома между собою.

Или открываются настоящія бездны неожиданностей.

Дѣйствительно, бездны будущихъ находокъ и познаній безконечно велики.

Приблизительность до сихъ поръ узаннаго—позорно велика.

О будущемъ собирательствѣ красоты, конечно, надлежитъ заговорить прежде всего художникамъ.

Лишь въ ихъ рукахъ заботы о красотѣ могутъ оказаться не архивомъ, но жизненищмъ, новымъ дѣломъ.

Кладоискатели поучаютъ:

„Умѣй записи о кладахъ разобрать правильно. Умѣй въ старинныхъ знакахъ не спутаться. Умѣй пель за лѣшаго не принять. Не на кочку креститься. Будешь брать кладъ, бери его смѣло. Коли онъ тебѣ сужденъ, отъ тебя не уйдетъ. Начнетъ что казаться, начнетъ что слышаться,—не смотри и не слушай, а бери свой кладъ. А возьмешь кладъ, носи его твердо и прямо“.

Художественный съездъ можетъ поговорить и порѣ-
шить многое о великихъ кладахъ красоты, минуя все обы-
денное.

Если не будетъ разговоровъ—зря, то этотъ обмѣнъ
мнѣніями, а главное фактами, пойдетъ впрокъ русскому
искусству.

Русло неонаціонализма чувствуется.

Придумаемъ движенію лучшее названіе.

Слова отрицаія и незнанія замѣнимъ изумленіемъ и
всхищеніемъ.

Сейчасъ необходимо строительство.

ЦЕРКОВЬ ИЛЬИ ПРОРОКА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Любяшій и знающій искусство человекъ только-что пишетъ мнѣ:

— Нужно написать что-либо по поводу опасности разрушенія, грозящаго церкви Ильи пророка въ Ярославлѣ. Неужели и этотъ памятникъ погибнетъ?

Новыхъ свѣдѣній о несчастіяхъ церкви Ильи пророка у меня нѣтъ, но то состояніе, въ какомъ я видѣлъ храмъ два года назадъ, вызвало серьезныя опасенія. Если же за это время трещины въ сводахъ не остановились, то недолго и до серьезнаго разрушенія.

Въ недавнее время сильно пострадали двѣ выдающіяся церкви Ярославля—Николы Мокраго и Ивана Предтечи. У Николы выкрасили желтой масляной краской чудесную бѣлую съ зелеными изразцами колокольню. Неслыханное безобразіе! Церковь Ивана Предтечи внутри промыли; чи-

стили такъ свирѣло, что снесли всѣ нѣжные налеты красокъ. Навсегда пропаль чудный лазоревый фонъ и матово-золотистая охра.

Не вѣрю, чтобы послѣ двухъ обидныхъ недосмотровъ (выражаясь мягко) и третьему замѣчательному памятнику Ярославля грозила бы бѣда разрушенія или смывки?

Деньги на поддержаніе церкви Ильи пророка должны найтись въ изобиліи; вѣдь, не оскудѣлъ еще Ярославль богатыми людьми. Самое исполненіе работъ должно быть безотлагательно поручено знающимъ и понимающимъ красоту старины людямъ. Не жестокимъ старателямъ и не холоднымъ чиновникамъ. Теперь, съ каждымъ годомъ, все пристальнѣе слѣдятъ за памятниками старины тысячи любящихъ глазъ.

Церковь Ильи пророка не должна погибнуть. Прекрасныя стѣны въ теплыхъ радостныхъ краскахъ, затканная чудесною живописью, должны стоять. Мы должны знать, что глупое темное время, когда расхищались, разрушались народныя сокровища, ушло навсегда.

Ярославцы не осрамятся, не забудутъ про Илью пророка.

ПАМЯТНИКЪ СВ. ОЛЬГѢ.

Собрались ставить во Псковѣ памятникъ княгинѣ Ольгѣ. Идутъ разговоры. Что важнѣе всего, имѣются въ наличности деньги. Дѣло оформилось, и можно о немъ сказать.

При обсужденіи подробностей памятника возникаетъ масса трудныхъ вопросовъ. Какъ рѣшить, какой именно слѣдуетъ поставить памятникъ? На кого возложить отвѣтственность? Кто поручится, что по близости повѣчнаго Дѣтинца не окажется пренеприятное сооруженіе? Кого при-звать къ исполненію? Которое мѣсто счесть лучшимъ для памятника?

Открывается бездна хлопотливыхъ соображеній; въ результатѣ, можетъ быть, тихій, забытый Псковъ „украдется“ посредственною фигурою. Въмѣсто праздника произойдутъ скучныя безконечныя нареканія.

Досадно, что предпринимается нѣчто трудно выполнимое

въ то время, когда въ Псковѣ уже созданъ интересный памятникъ, драгоценный для города, тиличный для края. Этотъ уже сложившійся памятникъ можетъ быть посвященъ св. Ольгѣ.

Говорю объ извѣстныхъ собраніяхъ Плюшкина. О всемъ томъ, что собрано въ сорокалѣтнемъ трудѣ рукою псковича, спасаго многія вещи отъ уничтоженія. Несмотря на предметы малой цѣнности, которые неминуемо нерѣдко лопадаются въ частныя собранія въ коллекціяхъ Плюшкина имѣются и прекрасныя вещи. Изъ нихъ можетъ составиться цѣлый отдѣлъ областного музея и то, что такъ спорно для приобрѣтенія въ Петербургѣ, сейчасъ легко можетъ остаться въ Псковѣ.

Культурное дѣло древнехранилища имени св. Ольги вполне достойно дѣлъ первой княгини. Собрание Плюшкинымъ цѣнно именно для псковскаго края. Начиная отъ первобытныхъ древностей и кончая обиходными предметами изъ исчезающихъ домовъ псковскаго дворянства, все складывается для зрителя поучительную картину, цѣнный документъ. Въ такомъ собраніи, сложенномъ самою жизнью безъ предвзятой идеи, можно установить любопытныя наслоенія русской областной жизни. Во всемъ богатствѣ развернется передъ изслѣдователемъ пестрой конгломератъ достиженій высокой утонченности и полуформеннаго дѣтскаго лепета. Яркая русская картина.

Уже нѣмецкія и англійскія предложенія будто бы приближаются къ собраніямъ Плюшкина, вывозъ русскихъ вещей за границу можетъ быть опять становится возможнымъ, къ общему нашему смущенію. Денегъ на приобрѣтеніе собраній ждуть нечего и тутъ же рядомъ будетъ лежать капиталъ для ольгинскаго памятника!

Памятники должны вполнѣ отвѣчать сущности лица, которому они посвящены.

Развѣ можетъ отвѣтить широко думавшей княгинѣ Ольгѣ памятникъ-фигура, конечно, вовсе не схожая съ оригиналомъ? Только памятникъ-музей, который въ будущемъ запечатлѣетъ всю жизнь родного края, можетъ быть достойнымъ памяти св. Ольги.

Памятникъ-музей приличествуетъ св. Ольгѣ, собирательницѣ земли. Музей трудно собрать, и надо думать, само время подготовило такой памятникъ во Псковѣ. Подумайте и рѣшите!

ВСЕНАРОДНОЕ.

Общество архитекторовъ-художниковъ согласилось съ моимъ предложеніемъ. Рѣшено открыть всероссійскую подписку на изслѣдованіе древнѣйшихъ русскихъ городовъ Новгорода и Кіева. Признано, что въ дѣлѣ общекультурныхъ устоевъ страны уже пора обращаться не только къ правительственнымъ учрежденіямъ, но прежде всего къ народу. Уже надлежитъ народу знать свою исторію, знать свои сокровища, беречь свои богатства.

Встрѣтились два пріятели.

— Слышали, будете собирать деньги на изслѣдованіе городовъ?

— Будемъ. Скоро начнемъ. Уже слышимъ сочувственные отклики.

— Только вамъ на эти дѣла не дадутъ денегъ-то.

— Отчего? Развѣ на худое подбиваемъ?

Кому какое дѣло до изслѣдованія прошлой жизни? Кому надо знать прошлыя культуры? У насъ города безъ фонарей, безъ водопровода, безъ путей сообщенія, а вы о раскопкахъ...

— Не клеветите на народъ. Изъ ста тридцати миліоновъ людей если одна двадцатая часть задумается о значеніи древности, и то составитя крупная сумма. По рублямъ полмилліона соберется.

— Хотите держать пари, что ваша подписка плохо пойдетъ?

— Лѣтъ десять назадъ согласился бы съ вами. Но съ тѣхъ поръ страна перешагнула большія культурныя грани. Умы задумались надъ такими неожиданными задачами, что немислимое мыслимымъ стало. Уже стало почетнымъ участвовать въ изслѣдованіи забытой поучительной жизни. Уже поняли былинную красоту древности. Даже грубѣйшіе люди стали понимать, что древности составляютъ подлинныя сокровища.

— Все-таки, трудно вамъ отыскать сочувствующихъ. Слишкомъ велика страна. Слишкомъ трудно вамъ найти другъ друга.

— Въ этомъ вы правы. Нашему спросу и предложенію встрѣтиться не легко. Обидѣе всего сознавать, что и сейчасъ, въ эту самую минуту, гдѣ-то на Руси сидитъ кто-нибудь и придумываетъ, къ чему бы приложить свои средства.

— А если вы соберете мало, всего тысячь десять, двадцать, развѣ стоитъ съ такими средствами приниматься за большія дѣла?

— Всегда стоитъ. Даже съ самыми малыми средствами

можно добыть превосходные памятники прошлого. Слишком земля насыщена находками. Кроме того, во время самой работы легче всего могут подойти средства. Первые удачные находки могут всколыхнуть новую волну интереса".

— Значит, уповаете на свое упрямство?

— Именно такъ. Только кремневымъ упрямствомъ можно двигать культурныя дѣла. Вспомните, какъ составилъ музей въ Нюрнбергѣ, или какъ Сѣверный музей въ Стокгольмѣ созданъ лишь частными силами. Одна всенародная лотерея въ Швеціи дала для музея на нашъ счетъ полтора миліона рублей. Неужели большая Россія, по вашему, хуже и глупѣе, нежели маленькая Швеція?

И у насъ есть примѣры единоличныхъ, сильныхъ начинаній. Хотя бы посмотрѣть, какъ быстро двигаетъ музей академіи наукъ В. В. Радловъ. Это дѣло растеть, прежде всего, его сильнымъ желаніемъ сдѣлать полезное.

— Конечно, все это такъ. Но все-таки я опасаюсь за ваше дѣло.

— Что же, по вашему, наше дѣло скверно, нечестно, недостойно, спекулятивно, глупо?

— Конечно, иѣтъ. Когда-нибудь повѣрятъ, что ваши доводы были своевременны и полезны, а теперь убоятся новыхъ выступленій.

— Наконецъ-то вы договорились. Вы сказали истинное слово „убоятся“. Во все можно увѣровать. Всякій спросъ найдетъ предложеніе. Всякая воля можетъ быть убѣждена полезностью дѣла, „но „страхъ“ труднѣе всего побороть. Въ нашей русской жизни слишкомъ много страха; маленькаго, сѣраго страха. Мы боимся будней. Мы боимся громко заговорить. Боимся высказать радость. Боимся переставить

вещи. Боимся подумать ясно и безповоротно. Мы легко примиряемся съ тѣмъ, что намъ что-то не суждено. Мы боимся заглянуть впередъ. Боимся обернуться назадъ въ безпредѣльную, поучительную жизнь, нужную для будущаго. Но отъ страха, наконецъ, нужно лечиться. Пора перестать бояться темноты и призраковъ, въ ней живущихъ. Все-таки, я вѣрю, что Россія, неожиданная, незнаемая Россія, готова для бодрой культурной работы.

Хочу вѣрить подобно вамъ. Изслѣдуйте старинную жизнь. Заодно изслѣдуйте и живущихъ людей, нашихъ общихъ знакомыхъ. Когда-нибудь непременно расскажите, какъ и кто отозвался на ваши призывы. У васъ составятся любопытныя воспоминанія.

Въ безвѣрїи ушелъ одинъ прїятель.

Другой хотѣлъ ободрить.

— Ну что-жъ, если средствъ не найдется, то, по крайней мѣрѣ, хоть полезный разговоръ выйдетъ.

Опять разговоръ. Неужели опять только военародный разговоръ?

Должно, наконецъ, въ Россїи начаться и дѣло.

Будемъ твердить и вѣрить.

ВЕЛИКІЙ НОВГОРОДЪ.

— «Бояху-бо ся звѣринаго ихъ нрава»,—замѣчаетъ о новгородцахъ Никоновская лѣтопись.

Боялись князья идти управлять сильными, непокойными ильменцами.

Но напророчила Марѳа Посадница. Сталъ Великій Новгородъ самымъ скромнымъ, самымъ тихимъ изъ русскихъ городовъ.

Притаился.

Скрылъ свой прежній ликъ. Никто не представитъ себѣ, какъ тянулся великій, пестрый, шумный Ганзейскій городъ на версты до Юрьевского монастыря, до Нередицы, до Лядки. Никто не признаетъ жилимъ мѣстомъ пустыя бугры и низины, сейчасъ охватившіе Новгородъ.

Даже невозможно представить, чтобы когда-нибудь новгородцы:

— «Были обладателями всего Псморя и до Ледовитаго моря и по великимъ рѣкамъ Печоры и Выми и по высокимъ непроходимымъ горамъ во странѣ, зовой Сибирь, по великой рѣкѣ Оби и до устья Бѣловодныя рѣки; тамо бо беруще звѣри дики, сирѣчь соболи».

Трудно повѣрить, какъ ходили новгородцы до моря Хвалынскаго (Каспійскаго) и до моря Венеційскаго.

Невообразимо широко былъ захватъ новгородскихъ «молдыхъ людей». Молодая всльница непрерывно дерзала и стремилась. Успѣхъ вольницы былъ успѣхомъ всего великаго города. Въ случаѣ неудачи, старѣйшинамъ срама не было, такъ какъ бродили люди «молодшіе». Мудро!

Но вездѣ, гдѣ было что-нибудь замѣчательное, успѣли побывать новгородцы. Отовсюду все цѣнное неולי они въ новгородскую скрыню. Хранили. Прятали крѣпко.

Можетъ быть, эти клады про насъ захоронены.

Въ самомъ Новгородѣ, въ каждомъ бугрѣ, косогорѣ, въ каждомъ смывѣ, сквозить безконечно далекая, обширная жизнь.

Черная земля наощена углями, черепками, кусками камня и кирпича всѣхъ вѣковъ, обломками изразцовъ и всякими металлическими остатками.

Проходя по улицамъ и переулкамъ города, можно изподъ ноги поднять и черепокъ X—XII вѣка и кусокъ старо-венеціаноккой смальтовой бусы и монетку, и крестикъ, и обломокъ свинцовой печати...

Глядя на жирные пласты прошлыхъ эпохъ, не кажется преувеличеннымъ сообщеніе В. Передольскаго, что жилой слой новгородской почвы превышаетъ семь саженой.

Вы идете по безграничному кладбищу. Старое, изжитое мѣсто. Священное, но ненужное для жизни.

Всякая современная жизнь на такомъ священномъ курганѣ кажется неумѣстной и, можетъ быть, не случайно сейчасъ глубоко усыпленъ временемъ Великій Новгородъ.

Пора серьезно опять обратиться къ старому Новгороду.

Обстоятельства создаютъ и собирателей. Но ихъ мало.

Собрание Передольскаго, оъ его широкими, но путанными замыслами лежитъ подъ спудомъ, а между тѣмъ оно важно для Новгорода, такъ же, какъ собраніе Плюшкина близко Пскову.

Да оно и много лучше собранія Плюшкина.

Слѣдуетъ помогать такимъ собирателямъ. Но не хватить у города находчивости изъ этихъ собраній сдѣлать продолженіе своего расхищеннаго музея.

Поймутъ ли «отцы города», что въ ихъ рукахъ сейчасъ не рыбное, не лѣсное, не хлѣбное дѣло, а единственное подлинное сокровище—былое Новгорода со всѣми его останками!

Въ 1911 году Великій Новгородъ будетъ праздничнымъ.

Послѣ долгихъ сомнѣній справедливо рѣшено собрать въ Новгородѣ археологическій съѣздъ.

Во главѣ съѣзда опять будетъ отзывчивая гр. П. С. Уварова. Она умѣетъ поднять людей, умѣетъ и взять дѣло пошире. Въ ней есть то, чѣмъ «любитель» часто одолеваетъ «специалистовъ». Ко времени съѣзда Новгороду придется показать многое изъ того, что скрыто сейчасъ.

Мое предложеніе образовать музей Допстровскаго искусства и открыть всероссійскую подписку на изслѣдованіе Новгорода древнѣйшихъ городовъ русскихъ было встрѣчено очень многими сочувственно.

Мнѣ кажется, не откладывая, слѣдуетъ всѣми силами начать собирать средства.

Находки изъ этихъ изслѣдованій,—а ихъ будетъ огромное количество,—должны поступить въ музей до-петровскаго искусства и быта. Какъ ни странно, но до сихъ поръ въ столицѣ нѣтъ много цѣльнаго историко-бытового музея.

Отдѣльныя находки сосредоточены въ Эрмитажѣ, въ археологическомъ обществѣ и археологическомъ институтѣ. Небольшіе отдѣлы находятся въ академіи наукъ, въ артиллерійскомъ музеѣ, въ хранилищахъ университета, но все это разрознено, часто трудно доступно.

Нуженъ въ Петербургѣ музей, равный по значенію московскому историческому. И Россіи, гдѣ находки еще только начинаютъ выявляться, слѣдуетъ подумать о матеріалахъ для такого хранилища. Конечно, начнемъ съ Новгорода и Кіева.

Нѣсколько обществъ, нѣсколько издательствъ могутъ приняться за это большое культурное дѣло.

Въ первую голову, принялось за дѣло изслѣдованія городовъ обществъ архитекторовъ-художниковъ, которое собирается въ академіи художествъ въ Петербургѣ. И это правильно.

Вотъ почему. Во-первыхъ, изслѣдованіе городовъ должно быть ближе всего зодчимъ. Они—творцы лица государства.

Зодчимъ поручается многое въ укладѣ нашей жизни—велико должно быть къ нимъ и довѣріе.

Именно зодчимъ должны быть вѣдомы условія нарастанія городовъ. Они больше другихъ должны чувствовать всю захороненную житейскую мудрость прежнихъ устройствъ.

Стронтельная молодежь, которая собирается вокругъ

общества архитекторовъ-художниковъ, будетъ крѣпить на такихъ историческихъ изысканіяхъ, развивая свой вкусъ и опытъ для новаго творчества.

Во-вторыхъ, общество архитекторовъ-художниковъ—молодо. Пока—внѣ всякихъ скучныхъ, запретительныхъ традицій. Общество быстро развивается и не боится новыхъ дѣлъ. Въ общество охотно идутъ, и такимъ путемъ складывается кадръ многосторонній, пригодный для крупныхъ начинаній.

Молсдому обществу удалось уже многое спасти, многое выяснить. Зоркіе, молодые глаза усмотрѣли уже много вандализмовъ и громко указали на нихъ.

Обществу покровительствуетъ Великая Княгиня Марія Павловна, новый президентъ академіи художествъ. Великая Княгиня съ большимъ рвеніемъ занялась новой работой. Она окажетъ самое горячее покровительство широкому, общегосударственному дѣлу, близкому каждому любителю искусства и старины.

Слѣдуетъ начать подписку. Помощь будетъ.

Уже въ 1911 году, къ съѣзду, работа можетъ дать первые результаты.

Въ концѣ іюля Комисоія Долстровокаго Музея начнетъ раскопку южной стороны Дѣтинца, гдѣ стояли княжьи терема, а также пять старыхъ храмовъ. Въ то же время возможна раскопка и на старомъ городищѣ, гдѣ долгое время жили княжьи семьи.

Люблю новгородскій край. Люблю все въ немъ скрытое. Вое, что покоится тутъ же среди насъ.

Для чего не надо ѣздить на далекія окраины: не нужно въ дальнихъ пустыняхъ искать, когда бездны еще не от-

крыты въ срединной части нашей земли. По новгородскому краю все прошло.

Прошло все отважное, прошло все культурное, прошло все вѣрящее въ себя. Бездны нераскрытыя! Даже трудно избрать, съ чего начать поиски.

Слишкомъ много со всѣхъ сторонъ очевиднаго. Чему дать первенство? Упорядоченію церквей, нахожденію старыхъ зданій, раскопкамъ въ городѣ или подъ городомъ въ самыхъ древнихъ мѣстахъ?

Наиболѣе влекутъ воображеніе подлинный видъ церквей и раскопка древнѣйшихъ мѣстъ, гдѣ каждый ударъ лопаты можетъ дать великолѣпное открытіе.

На рюриковскомъ гордищѣ, мѣстѣ древнѣйшаго поселенія, гдѣ въ послѣдствіи всегда жили князья съ семьями, все полно находокъ. На огородахъ, изъ береговъ безпрестанно выпадаютъ разнообразныя предметы, отъ новѣйшихъ до вещей каменнаго вѣка включительно.

Чувствуется, какъ послѣ обширнаго поселенія каменнаго вѣка на низменныхъ Коломцахъ, при впаденіи Волхова въ Ильмень, жизнь разрасталась по болѣе высокимъ буграмъ, черезъ Городище, Нередицу, Лядку—до Новгорода.

На Городищѣ, можетъ быть, найдутся остатки княжьихъ теремовъ и основанія церквей, изъ которыхъ лишь сохранилась одна церковь, построенная Мстиславомъ Владимировичемъ.

Какія поучительныя таблицы наслоеній жизни можетъ дать изслѣдованіе такого стариннаго мѣста. Обидно, когда такія находки разбѣгаются по случайнымъ рукамъ.

Кромѣ Городища цѣлый рядъ пригородныхъ урочищъ спорить о древности своего происхожденія.

Копомцы (откуда Передольскій добылъ много вещей каменнаго вѣка), Лядка, Липна, Нередица, Сельцо, Ракомъ (бывшій дворецъ Ярослава), Мигра, Звѣринцы, Вяжищи, Радятина, Холопій городокъ, Соколя Гора, Волотово, Лисичья Гора, Ковалево и многія другія урочища и погосты ждутъ своего изслѣдователя.

Но не только лѣтописныя и легендарныя урочища полны находокъ.

Прежде всего, повторяю, самъ городъ полонъ ими. Если мы не знаемъ, чѣмъ были заняты пустынные бугры, по которымъ, несомнѣнно, прежде тянулось жилье, то въ предѣлахъ существующаго города извѣстны многія мѣста, которыя могли оставить с себѣ память.

Ярославле Дворище (1030 г.), Петрятино Дворище, Дворъ Нѣмецкій, Дворъ Плесковскій, два Готскихъ Двора, Княжій Дворъ, Грндница Питейная, Клеймяныя Сѣни, Дворы Посадника и Тысяцкаго, Великій Рядъ, Судебная Палата, Иновѣрческія ропаты (часовни), Владычни и Княжьи житницы, наксонецъ, дворы большихъ бояръ и служилыхъ людей—всѣ эти мѣста, указанныя лѣтописцами, не могли исчезнуть совсѣмъ безслѣдно.

На этихъ же мѣстахъ внизу лежитъ и цѣлый бытъ до лѣтописнаго времени.

Все это не изолѣдовано.

Дико оказать, но даже Дѣтинецъ новгородскій и тотъ неизслѣдованъ, кромѣ случайныхъ, хозяйственныхъ раскопокъ.

Между тѣмъ Дѣтинецъ весьма замѣчателенъ. Настоящій его видъ не многого стоитъ. Слишкомъ все перестроено.

Ио слѣдуетъ помнить, что мѣсто Дѣтинца очень древнее,

и площадь его, гдѣ въ вѣчномъ поединкѣ стояли Князь-Дворъ и съ Владычной стороны св. Софія видѣла слишкомъ многое.

Уже въ 1044 году мы имѣемъ лѣтописныя свѣдѣнія о каменномъ Дѣтинцѣ. Юго-западная часть выстроена княземъ Ярославомъ, а сѣверо-восточная—его сыномъ св. Владиміромъ Ярославичемъ. Хорошіе, культурные князья! Отъ нихъ не могло не остаться какихъ-либо прекрасныхъ находокъ.

Словомъ, огромный новгородскій курганъ не раскопанъ. Можете начать его, откуда хотите, откуда удобнѣе, откуда болѣе по средствамъ и осламъ.

Хотите-ли заняться возстансвленіемъ церкви? У васъ тоже есть всюду работа, такъ какъ въ каждой старой церкви что-нибудь нужно во имя искусства исправить.

Возьмемъ, что легко вспомнить.

Красивая церковь Петра и Павла, на Софійской сторонѣ, испорчена отвратительной деревянной пристройкой. Уровень храма былъ на цѣлый этажъ ниже. На стѣнахъ несомнѣнно были фрески.

Въ церкви Федора Стратилата у Ручья замазаны фрески. Ихъ слѣдуетъ сткрыть.

Въ Николо-Дворищенскомъ соборѣ на стѣнахъ совершенно непристойная живопись. Были фрески: вѣроятно, что-нибудь отъ нихъ сохранилось.

У Федора Стратилата, на Софійской сторонѣ, замазаны цвѣтные изразцы.

Въ Благовѣщенской церкви, на Рюриковомъ Городищѣ фрески далеко не изслѣдованы.

Также не изслѣдованы вполнѣ стѣнописи въ Волотовѣ

и Ковалевъ. Въ Ковалевъ ясно видны три слоя живописи. Изъ нихъ нижній слой, конечно, наиболѣе интересенъ.

Можно привести длинный списокъ всего, что нужно исправить въ церковной старинѣ Новгорода.

Длинней могъ бы быть и списокъ непоправимаго.

Умерло многое уже на нашихъ глазахъ.

Подъ испорченою работою Сафоновской артели погибъ Софійскій храмъ. Приѣзжіе иностранцы недоумѣваютъ о такой невообразимой для первокласснаго собора росписи. Чуждыми и странными кажутся случайно сохранившіеся еще иконостасы и отдѣльныя иконы.

Безъ горести нельзя вспомнить о погибшей виѣщности Нередицкаго Спаса.

Сиротливо отойтъ Новгородская глава на новыхъ византійскихъ плечахъ. Нелѣпы византійскія фрмы, при глубоко ушедшихъ въ землю фундаментахъ. Нестерпимо сухи вновь пройденные карнизы и углы.

Смотрю на Спаса и еще разъ мысленно говорю Покрышкину, что онъ сдѣлалъ съ Спасомъ прескверное дѣло. Поступилъ не похристіански.

На собраніи общества архитекторовъ-художниковъ, послѣ моего доклада о Спасѣ, Покрышкинъ только сказалъ: „дѣло вкуса“.

Онъ правъ. Ничего другого ему ска зать и не оставалось. И на это сказать тоже нечего. Странный, бѣдный вкусъ!

Въ серединѣ Спаса теперь часто копошатся художники. Зарисовываютъ.

Вспоминаю, что во время моихъ первыхъ поѣздокъ по старой Руси не встрѣчалось такъ много работающихъ надъ стариною.

Значить, нитересь растеть. Наконецъ-то!

Случайная встрѣча еще разъ подсказываетъ, что въ Новгородѣ искать надо.

Ѣхали мы на Коломечь, къ Ильменю.

Отъ Юрьевского скита закрѣпчалъ „боковикъ“. Зачехала вода по бортамъ. Перекинуло волну. Залило.

Затрепетала городская лодка. Подозвали мы тяжелую рыбацью ладью; въ ней пошли на Коломечь

Старикъ-рыбакъ держалъ рулевое весло. За парусомъ сидѣла дочка. На мѣдномъ лицѣ сияли бѣлые зубы.

Спросили ее:

— Сколько лѣтъ тебѣ?

— А почему знаю.

— Да неужели не знаешь. Ну-кс, вспомни. Подумай!

— Не знаю, да, вѣрно, ужъ больше двадцати.

И сидѣли рыбаки, крѣпкіе. Такіе помирають, но не болѣють.

На Коломцѣ скоро заторопиль старикъ обратно:

— А то, слышь, уѣду! Лодки-то сильно бьетъ!

Заспѣшили. Забрались на рыбацью корму, но городская лодка съ копальщиками не сходила съ берега.

Трое гребцовъ не могли тронуть ее.

— Али помочь вамъ? Садитесь вы всѣ! Пошла по глубокой водѣ дюжая новгородка.

Взялась за лодку, и совѣсми гребцами легко проводила въ глубину. Съ воды прямо взсбралась на корму.

Суцая Марфа Посадница.

А рядомъ, на высской кормѣ, сидѣлъ ея старикъ. Суховатый, орлиный носъ. Острые, запавшіе глаза. Тонкія губы.

Борода—на два большихъ кудряша. И смотрѣлъ на волны зорко. Одолѣть и казнить ихъ собрался.

Сущій Иванъ Грозный.

Мареа Посадница, Иванъ Грозный! Все перепуталось, и стала встрѣча съ диковатыми рыбаками почему-то нужною среди впечатлѣній.

Такой народъ еще живетъ по озерамъ. Рѣдко бываетъ въ городѣ. Такъ же, какъ земля, умѣетъ онъ хранить слова о старинѣ. Такъ же, какъ въ землѣ, трудно узнать, откуда и съ чего начать съ этимъ народомъ.

Вездѣ нетронуто. Всюду заманчивые пути творчества. Всегда богатыя находки.

Придутъ потомъ другіе. Найдутъ новые пути. Лучшія приближенія. Но никто не скажетъ что искали мы на пустыхъ мѣстахъ. Стоитъ работать.

ПОДЗЕМНАЯ РУСЬ.

Пусть нашъ Сѣверъ кажется бѣдиѣ другихъ земель. Пусть закрылся его древній ликъ. Пусть люди о немъ знаютъ мало истиннаго. Сказка Сѣвера глубока и плѣнительна. Сѣверные вѣтры бодры и веселы. Сѣверныя озера задумчивы. Сѣверныя рѣки серебристыя. Потемнѣлые лѣса мудрые. Зеленые холмы бывалые. Сѣрые камни въ кругахъ чудесами полны. Сами варяги шли съ Сѣвера. Все ищемъ красивую древнюю Русь.

Много лѣтъ пришлось помечтать и поговорить о раскопкахъ въ Кіевѣ и Новгородѣ. Немногимъ любящимъ старину пришлось стыдиться, сердиться. Лишній разъ пришлось подивиться на нашихъ скептиковъ. А скептиковъ у насъ много; особенно въ искусствѣ и въ наукѣ. Личина глубокаго скепсиза во многихъ житейскихъ дѣлахъ очень пригодна.

Но вотъ вмѣсто холедныхъ, убивающихъ голосовъ по-

слышались голоса живые, любящие дѣло. Съ высокимъ вниманіемъ отнеслась къ изслѣдованію Новгородца Великая Княгиня Марія Павловна. Откликнулась кн. М. К. Тенишева и для начала дѣла прислала тысячу рублей. Гр. П. С. Уварова въ личной со мной бесѣдѣ высказалась сочувственно за изслѣдованіе Кремля. Энергично помогъ предсѣдатель общества архитекторовъ-художниковъ гр. П. Ю. Сюзоръ. Поддержали: кн. М. С. Путятинъ, А. В. Щусевъ, В. А. Покровский и прочіе члены комиссіи Допетровскаго музея.

И вотъ юный Допетровский музей могъ на своемъ щитѣ, прежде всего, вписать:

— «Раскопка въ новгородскомъ Кремлѣ».

Сложилось начало большого дѣла; въ немъ будетъ мѣсто многимъ работникамъ и многимъ рублямъ, многимъ препятствіямъ и многимъ побѣдамъ.

Къ нашему дѣлу присоединилось и военно-историческое общество и удѣлило пятьсотъ рублей на обмѣры башенъ и стѣнъ южной части Дѣтинца. Особенно постарался за Новгородъ секретарь отдѣла военной археологіи Н. М. Печенкинъ.

Было рѣшено приступить къ Новгороду немедленно. Начать изслѣдованіе Кремля и, для сравненія культурныхъ слоевъ, произвести развѣдки на Рюриковомъ Городищѣ.

Для начала не обошлось безъ помѣхъ. Не дожидаясь нашей раскопки, новгородская городская управа наковыряла ямъ на мѣстѣ, ею же отведенномъ для изслѣдованія. Архивная комиссія и губернаторъ знали объ этомъ, но почему-то спѣшно не воспрепятствовали, какъ слѣдовало бы. Приѣзжалъ членъ археологической комиссіи Б. Фармаковский, возмутился дѣйствіями управы и архивной комиссіи и

доложилъ въ Петербургѣ. Археологическая комиссія потребовала предать суду неожиданныхъ копателей. Новгородское общество любителей древности не нашлось немедля протестовать противъ дѣйствій управы. Вообще, любезностью и терпимостью новгородцы не отличались. Пронзошла путаница.

Только стараніями разныхъ ученыхъ обществъ нелѣпое постановленіе думы было отмѣнено.

Пока шла неразбериха съ ямами, накопанными управою, мы, съ Н. Е. Макаренко, секретаремъ Допетровскаго музея, поѣхали для развѣдокъ на Рюриковс Городище. Остановились въ церковномъ училищѣ, наискось отъ жирныхъ стѣнъ Юрьева монастыря. Гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ Аристель Фіоравенти навелъ черезъ Волховъ мостъ для Ивана Грознаго, стоящаго на Городищѣ.

Кромѣ исконнаго поселенія, на Городищѣ долгое время жили новгородскіе князья со своими семьями. Московскіе князья и цари часто тоже стояли на Городищѣ, хотя иногда разбивали ставки и на Шаровищѣ, гдѣ теперь Сельцо, что подлѣ Нередицы. Княжескіе терема оставались на Городищѣ долго. Вѣроятно, дворецъ на Городищѣ, подаренный Петромъ I Меншикову, и былъ однимъ изъ старыхъ великокняжескихъ теремовъ.

Богатое мѣсто Городище! Кругомъ синія, заманчивыя дали. Темнѣетъ Ильмень. За Волховомъ—Юрьевъ и бывший Аркажскій монастырь. Правѣ сверкаетъ глава Софїи и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой сторонѣ бѣлѣютъ всѣ храмы, что „кустомъ стоятъ“. Виднѣются—Лядка, Болотово, Кирилловъ монастырь, Нередица, Сельцо, Сквородскій монастырь, Никола на Лилнѣ, за лѣсомъ

синѣтъ Бронница. Все, какъ на блюдечкѣ за зопотымъ яблочкомъ.

Сзираемъ съ бугра, на которомъ стоитъ высокій крестъ. Зовется мѣсто: „Никола“. Среди храмовъ Городища упоминается Никольская церковь, сгорѣвшая въ 1201 г. „отъ грома“.

Изслѣдуемъ бугоръ и, дѣйствительно, находимъ основаніе небольшой деревянной сгорѣвшей церкви, но существовала она, видимо, и въ XVIII вѣкѣ. Вещи сплавились. Осталась бѣлая смазка пола, какъ въ Нередицѣ, и гончарныя плитки, довольно тонкаго обжига.

Изъ пяти церквей, извѣстныхъ на Городищѣ по лѣтописямъ, теперь сохранилась лишь одна Благовѣщенская, построенная въ 1099 году Мстиславомъ Великимъ, сыномъ, Мономаха. Въ этомъ храмѣ находилось знаменитое Мстиславово Евангеліе. Отъ прочихъ храмовъ, стъ всѣхъ теремсвъ ничего не осталось. Даже и развалинъ не видно. Только въ крутыхъ обрывахъ по Волхову пестрѣютъ известъ и кирпичи. Явно, что какія-то строенія смыты бѣшеною, во время ледохода, рѣкою. Предположенія оправдываются. Въ ризницѣ церкви находимъ планъ Городища 1780 года. На планѣ видно, что за столѣтіе съ небольшимъ Волховъ, измѣняя свое теченіе, оторвалъ около 12-ти сажений выскаго берега. Насколько же раньше выступало впередъ Городище! Въ Волховѣ покоятся и терема и часть храмовъ. Словомъ, вся лучшая часть поселенія; все, что стояло на видныхъ, передовыхъ мѣстахъ. Теперь понятно, почему главную массу стариинныхъ предметовъ находятъ не на берегу а весною внизу, подлѣ самой воды. Изъ-подъ береговъ къ намъ несутъ мѣстныя находки: браслеты, обломки вислыхъ

печатей, бусы, черепки и металлическія подѣлки. Намъ ясна толщина жилого слоя и гибель лучшей части Городища; пора спѣшить въ Кремль.

Кремль много разъ перестраивался. Начать каменный Кремль при Ярославѣ. Сильно перестроенъ и достроенъ при Андреѣ (сынъ Александра Невскаго) и при Иванѣ III. Возобновлены были стѣны при Петрѣ I и при Александрѣ I и, наконецъ, часть рухнувшей стѣны была спѣшно вновь сложена наканунѣ освященіи памятника Тысячелѣтія. Еще не такъ давно въ башняхъ были жилыя помѣщенія, но теперь почти всѣ башни необитаемы. Въ высокомъ Кукуѣ выломаны лѣстницы. Княжая башня держится только на „честномъ словѣ“ Въ Архивной башнѣ весь архивъ заваленъ пометомъ. Вообще, Кремль новгородцамъ, видимо, представляется отхожимъ мѣстомъ. Всѣ башни грозятъ паденіемъ. Нужны многія тысячи, чтобы не заткнуть, а только починить ихъ. И здѣсь наши отцы, полные отрицанія старины, оставили намъ плохое наслѣдіе.

Вся южная часть Дѣтинца теперь занята огородами. Прежде здѣсь стояли многія строенія и до 20-ти церквей. Здѣсь же проходило нѣсколько улицъ и главная улица Кремля Пискупья. Гдѣ-то возлѣ Пискупли стоялъ храмъ свв. Бориса и Глѣба, поставленный на мѣстѣ древней, сгорѣвшей Софіи. На этихъ же огородахъ были всѣ княжія постройки и самые терема. Какъ извѣстно, Княжая башня вела на Княжіи дворъ.

Трудно все это представить, глядя на пустырь. Не вѣрится стариннымъ изображеніямъ Кремля; не вѣрится рисункамъ иноземныхъ гостей. На планахъ, сравнительно недавнихъ (XVIII в.), еще значатся на мѣстѣ огорода какіе то квадраты зданій. Куда это все дѣвалось?

Какимъ образомъ прочныя, старинныя стѣны, трубы, фундаменты изгладились совершенно? Когда каменные кладки превратились въ гладкій огородъ? Неразрѣшимые вопросы.

Стоимъ на пустырь среди мирной капусты. Мечтаемъ о быломъ видѣ Дѣтинца. Всячески комбинируются историческія справки. Говорится много предположеній. Ясно, что на первую тысячу мы не можемъ вскрыть многое. Хочется захватить поудобнѣе, повѣрнѣе. Наконецъ, избирается мѣсто для длинной траншеи въ мѣстности Кукуя и Княжой башни. По догадкамъ, здѣсь мы должны затронуть какія-либо постройки Княжого двора. Конечно, еще лучше было бы мѣсто подъ домами причта, но оно было застроено безъ всякихъ изслѣдованій. Мѣсто съ ямами, накопанными управою, конечно, рѣшено не трогать.

Начинаемъ копать. Чувствуется какая то неувѣренность и даже боязнь. Пугаетъ свѣдѣніе Перѣдольскаго, что жилой слой Новгорода идетъ до 21 аршина. Вспоминаются петербургскія пророчества о томъ, что всѣ слои земли давно перемѣшаны, перерыты.

Ниже наноснаго, огороднаго слоя очень близко отъ поверхности земли уже показываются обломки всякихъ строительныхъ матеріаловъ. Куски кирпича, цвѣтные изразцы, части слюды, гвозди и скобы. Самаго зданія нѣтъ. Чуетоя его близость. Опять подозрѣваемъ сады и дома причта. Этотъ каменнаго строенія мусоръ оттуда. Черепки изъ верхнихъ слоевъ относятся къ недавнему времени и до XVI в. Видно, что слои нетронуты. Любопытная картина начинается ниже второго аршина. Вылѣзають деревянные срубы. Основы какихъ то многочисленныхъ, густо стоявшихъ по-

стрекъ. Поперекъ траншеи направлениемъ на Кукуй обнаруживается длинный помостъ изъ тесаныхъ плахъ. Можетъ быть деревяннсе покрытие улицы. Конечно окончанія его неизвѣстны. Срубы прямо нагромоздились одинъ на другой. Между ними какія то перемычки изъ вбитыхъ стоймя бревенъ. Продолженія отроеній заманчиво далеко идутъ за стѣнки траншеи. Намъ нужно дойти до материка, развлекаться олучайною стѣнкою нельзя. Вещи становятся интереснѣе. Гребни, ложки, кадушки, кресала, ножи, горшечки. Уже начался старый деревянный Новгородъ. Очевидно мы угадали мѣсто, и находимся гдѣ то на Княжомъ Дворѣ. Не успѣваетъ одинъ слой строеній быть сфотографированнымъ, обмѣряннымъ и снятымъ, какъ за нимъ сейчасъ же выльзаетъ другой. Многя строенія видимо уничтожены пожаромъ.

Траншея приобретаетъ фантастическій видъ. Оба бока наполнены уходящими въ стѣнки земли бревнами. Тесаными и круглыми. Гдѣ засуиупся помостъ. Гдѣ какой то глубокой срубикъ въ аршина полтора размѣромъ. Гдѣ наискось торчитъ уголь, срубленный въ лапу.

Главная предчувствованная нами задача разрѣшена. Жилые слои Кремля оказались не перекопанными. Картина древняго Новгорода не тронута. Въ пустующей южной части Кремля при достаточныхъ средствахъ можно раскрыть все распредѣленіе зданій и улицъ. Конечно для этого нужны крупныя деньги. Тысячъ десять. Но за то какая большая задача будетъ разрѣшена. Настоящая національная задача. Врядъ ли можно достать казенныя суммы.

Это дѣло частныхъ, богатыхъ, культурныхъ людей. Думаю, что еще не обращаясь къ Пирпонту Моргану, можно

дождаться средствъ, на изслѣдованіе древнѣйшаго пункта Русскаго Государства. Вѣдь есть же благодѣтели на храмы, больницы, школы. Наша археологическая задача тоже не есть прихоть, не есть роскошь. Познаніе самаго себя первая задача. На ней стоитъ все будущее. Рискую еще разъ показаться смѣшнымъ. Во имя искусства и прекрасной древности это не страшно. Буду ждать, что на имя До-Петровскаго Музея въ Академіи Наукъ поступятъ какія то средотва. Раньше я думалъ начать съ подписки. Но во всякой подпискѣ есть какое то принужденіе. Сперва надо испытать любасть ли у насъ свое, свободно, безъ указанія. Даже курьозно, неужели никто, подобно кн. Тенишевой, не захочетъ вписать въ свою дѣятельность: „содѣйствіе изслѣдованію древняго Новгорода“. Неужели ни въ комъ изъ промышленнаго міра уже не живы, забыты завѣты великой взаимопомогающей Ганзы.

Осторожно двигаемся глубже. Рабочимъ неудобно выбирать землю среди нагроможденій дерева.

Никому неизвѣстно, какимъ образомъ громоздились срубы другъ на друга въ разныхъ направленіяхъ, нарастая въ слой 3—4 аршинъ. Можно думать, по черепкамъ, что мы находимся въ XIII в. Можетъ быть даже и раньше, такъ какъ А. А. Спицынъ не разъ отодвигалъ датировку гончарныхъ формъ и орнаментовъ. Горшки такіе же какъ на Днѣпрѣ подъ Смоленскомъ, въ славномъ варяжскомъ гнѣздѣ въ Гнѣздовѣ.

Уже кончаемъ пятый аршинъ. О материкѣ нѣтъ и поминна. Рабочимъ уже тѣсно вато работать.

— „А если здѣсь слой аршинъ на десять? Что же тогда будемъ дѣлать?“ недоумѣваетъ Макаренко.

Въ этомъ вопросѣ первая мысль о деньгахъ. Хватить ли

довести до материка. Иначе никакой картины кремлевских напластований не получится и вся наша работа будет почти не къ чему. Но пока работа кипитъ.

Вторую траншею закладываемъ у Княжой Башни, которая стояла у Княжаго Двора и гдѣ замѣтны какія то впадины и бугерки. Очевидные слѣды строений. Сознаемъ, что очень глубоко рыть нельзя изъ за близости разрушающейся Башни. Если башня рухнетъ вовсе и не по нашей винѣ, какой вой подымутъ разныя челоуѣкоподобныя? Но нужно знать, что заключаютъ въ себѣ видимые бугры.

Не глубже какъ на полъаршина натыкаемся на каменную кладку. Освобождаются три стѣны небольшого квадратнаго помѣщенія имѣвшаго кирпичный полъ слсженный въ клѣтку. Вѣроятно строеніе примыкало къ башнѣ. Около стѣнъ обычныя находки: изразцы, слюда. Кромѣ того осколки ядеръ и частицы панцыря. Кирпичный полъ имѣетъ замѣтные склоны къ бокамъ. Ужъ не сводъ ли? Пробуемъ, подъ кирпичемъ идетъ насыпной чистый песокъ, а еще на 8 вершковъ начинается знакомый черный нажитой слой. По бокамъ открытаго строения замѣтны слѣды какихъ то деревянныхъ основаній. Сразу намѣчается сыпь развалинъ, которая скрыта подъ всѣмъ огородомъ. Весь Кремль—нераскопанный курганъ.

На веселомъ іюльскомъ припекѣ наблюдаю пріятную картину. Рядомъ помѣщается неутомимый Н. Е. Макаренко, кругомъ него мелькаютъ разноцвѣтные рукава копальщиковъ. Растутъ груды земли, черной, впитавшей многія жизни. У Княжей Башни орудуютъ наши рьяные добровольцы искренній любитель старины инженеръ І. Б. Михаловскій и В. Н. Мѣшковъ. На стѣнѣ помѣстился со своими обѣрами

мой братъ Борисъ. Изъ оконцевъ Кукуя выглядываютъ обмѣрщики Шиловскій и Коганъ. Вздвѣвъ арестантовъ косить бурьянъ около стѣны. Изъ новгородцевъ интересъ проявляютъ Романцевъ, Матвѣевскій, о. Конкординъ. Хоть по-смотреть приходятъ.

Кромѣ того мы знаемъ, что у Федора Стратилата на Торговой Сторонѣ, очищаютъ фрески (и пока хорошо очищаютъ). На Волотовѣ Мясоѣдовъ, Мацулевичъ и Ершовъ изучаютъ и восстанавливаютъ стѣнопись.

Кажется, что Новгородъ зашевелился; кто-то его пытается пробудить.

Но радость недолгая, по крайней мѣрѣ, для нашей партіи. Деньги уплываютъ. На новгородцевъ надежды нѣтъ. Скоро придется отложить работу до новыхъ средствъ.

О новой траншеѣ уже и не думаемъ, хотя мѣста для нея такъ и запрашиваютъ. Всѣми участниками овладѣла одна мысль: хотъ бы до материка дойти. Напряженно слѣдимъ за каждымъ новымъ ударомъ лопаты.

Уже спустились на шестой аршинъ. Срубы не прекращаются. Вещи идутъ уже изъ XII—XI вѣковъ.

Изъ боковъ траншеи уже просачивается вода. Каждое утро приходится ее откачивать ведрами. Въ сырой землѣ трудно и неприятно работать. Поэтому появленіе материка пріветствуется одинаково и нами, и рабочими.

Материкъ показался на глубинѣ 6 аршинъ 5 вершковъ. Подчищаемъ яму и подводимъ итоги.

Ожиданіе насъ не обмануло. Если годъ тому назадъ я писалъ только по догадкѣ, что Великій Новгородъ лежитъ подъ землею нетронутымъ, то теперь могу это повторить уже на дѣлѣ.

Въ Кремлѣ культурный отрой невредимъ и ждетъ изслѣдователей. Въ толщинѣ отъ 4-хъ до 7-ми аршинъ. Кремль насыщенъ всякими строениями разныхъ вѣковъ.

Надо уѣзжать. Открытую траншею пробуемъ передать въ вѣдѣніе предварительнаго комитета будущаго археологическаго съѣзда, но предсѣдатель комитета, мѣстный губернаторъ, оказался не въ силахъ охранить нашу раскопку до съѣзда. Придется тратить послѣднія деньги еще на засыпку, а съѣзду нельзя будетъ представить картину напластованій Кремля. Жаль.

На прощанье еще разъ осматриваемъ нѣсколько пригородныхъ древнихъ мѣстъ, — Волоотово, Ковалево, Холспій Городокъ, Лисичью Гору, Вяжицкій монастырь. На всѣхъ мѣстахъ могутъ быть интересныя изслѣдованія. Въ Ковалевѣ и на Лисичьей Горѣ еще вполне видны внушительныя монастырскія очертанія. Но для этихъ работъ нужны большія деньги, такъ же какъ и на поддержаніе Вяжицкаго монастыря.

О Вяжицкомъ монастырѣ мало знаютъ. Благодаря отвратительной дорогѣ, мало кто его посѣщаетъ. Но самъ монастырь достоинъ большого вниманія.

Не сусальный великанъ, какъ Юрьевъ монастырь. Не пограничный терпѣлецъ, какъ Псково-Печерскій. Не суровый печальникъ, какъ Валдайско-Иверскій. Вяжицкій монастырь особенный. Одинокая дорога по непроѣзднымъ вязищамъ упирается въ монастырь. Около, на полянѣ, деревушка Кругомъ лѣса и болота. Дальше и дороги нѣтъ.

Въ мартѣ будущаго года монастырь будетъ праздновать свое пятисотлѣтіе. Жаль если ему придется справлять праздникъ въ такомъ же залущенномъ видѣ, какъ сейчасъ. Вновь

назначенный архимандритъ о. Вячеславъ съ перваго дня прѣзда началъ подчищать „нажитые спои“. Но денегъ мало, и задача о. Вячеслава трудна.

Хотя отдѣльныя помѣщенія монастыря еще относятся къ XVI вѣку, но общій видъ его надо считать Никоновскимъ. При Никоиѣ монастырь обстроился, насчитывалъ нѣсколько оотъ монаховъ, а главное—изукрасился отличными изразцами. Теперь грустно видѣть, какъ обширное хозяйство монастырское обѣднѣло, зданія даютъ трещины, украшенія пздають. Надо думать, что о. Вячеславу удастся найти оредства поддержать обитель.

Не въ далекихъ пустыняхъ, не за высокими горами все, все полно находокъ, все ждетъ работниковъ, все нуждается въ помощи, а здѣсь, между нами, въ трехъ, четырехъ часахъ ѣзды изъ средоточія страны. Да и обѣднѣлъ-то не какой-нибудь проходимецъ, а самъ Господинъ Великій Новгородъ.

Теперь о старинѣ принято говорить. Къ старинѣ потянулись. За два послѣдніе года въ одномъ Петербургѣ со-
здалось три общества любителей старины. Музей стараго Петербурга. Допетровский музей искусства и быта. Общество охраненія памятниковъ старины, поставившее себѣ первую отличную задачу хорошо возстановить и поддержать историческое село Грузино.

Сейчасъ о старинѣ столько пишутъ, что намъ, поднимавшимъ это движеніе, даже страшно становится.

Ужь не мода ли это? Просто случайная. скоро проходящая мода? Или это слѣдствіе культурности?

Только будущее дастъ вѣрный приговоръ. Только оно укажетъ, кто изъ какихъ цѣлей занимался стариною.

Одно—пустой, ненужный разговор. Совершенно другое—дѣло, требующее знаній, труда, затратъ и любви.

Пока будемъ надѣяться, что къ старинѣ общество пошло путемъ искренности и восхищенія; живымъ путемъ изученія старины для ступеней будущаго творчества.

Научаемся вѣрить, что:

— „Незнающій прошлаго не можетъ думать о будущемъ“.

И К О Н Ы.

Еще одинъ иноземецъ увѣровалъ въ наши старыя, чудесныя, красивыя иконы. Ришпэнъ смотрѣлъ въ Москвѣ выставку, устроенную московскимъ археологическимъ институтомъ, и пришелъ въ восторгъ отъ красоты нашихъ священныхъ изображеній. Вспомнимъ, что Морисъ Дени и Матисъ, когда были въ Москвѣ, а Бланшъ, Симонъ и цѣлая толпа лучшихъ французовъ, когда видѣли наше искусство въ Парижѣ, воздали заслуженное нашимъ иконамъ и нашему старому искусству.

Называю иноземцевъ, ибо намъ, своимъ, не вѣрили, когда мы, въ восторгѣ, говорили то же самое. Даже всего десять лѣтъ назадъ, когда я безъ конца твердилъ о красотѣ, о значительности нашихъ старыхъ иконъ, многіе, даже культурные люди еще не понимали меня и смотрѣли на мои слова, какъ на археологическую причуду.

Но теперь мнѣ пришлось торжествовать. Лучшіе иноземцы, лучшіе наши новаторы въ иконы увѣрвали. Начали иконы собирать, не только какъ документы религіозные и научные, но именно какъ подлинную красоту, нашу гордость, равноцѣнную въ народномъ значеніи итальянскимъ примитивамъ.

Славу Богу, слѣпота прошла: иконы собираютъ; изъ-подъ грязи возжигаютъ чудныя, свѣтоносныя краски; иконы издаютъ тщательно, роскошными изданіями; музеи гордятся иконными отдѣлами; передъ иконами часами сидятъ въ восхищеніи, изучаютъ, записываютъ; иконами гордятся. Давно пора!

Наконецъ, мы прозрѣли; изъ нашихъ подспудныхъ кладовъ добыли еще чудное сокровище. Это сознаніе настолько приятно, что можно даже простить тотъ снобизмъ, который сейчасъ возникаетъ около „моднаго“ иконнаго почитанія. Снобы,—этотъ маленькій ужасъ нашихъ дней—пройдутъ и займутся новымъ „сегодняшнимъ“ днемъ, а правдивый „завтрашній“ день сохранить навсегда великое сознаніе о прекрасномъ русскомъ народномъ творествѣ, выявленшемся въ старыхъ иконахъ.

Кромѣ пополненныхъ музеевъ, у насъ разрослись богатая собранія Лихачева, кн. Тенишевой, Ст. Рябушинскаго, Остроухова, Харитоненко... Все это — крѣпкія, любовныя руки, и попавшее къ нимъ будетъ свято и укрѣпится въ твердомъ мѣствѣ. Гр. Д. Толстой и Нерадовскій тоже стараются для русскаго музея, и при нихъ иконный отдѣлъ становится на должную высоту. Давно пора!

Хорошо сдѣлалъ и московскій археологическій институтъ, что во-время сумѣлъ устроить хотя и небольшую числомъ, но великую значеніемъ выставку.

Радуюсь, что Москва оцѣнила выставку, посѣщаетъ, любить ее. Значеніе для Руси иконнаго дѣла поистинѣ велико. Познаніе иконъ будетъ вѣрнымъ талисманомъ въ пути къ прочимъ нашимъ древнимъ сокровищамъ и красотамъ, такъ близкимъ исканіямъ будущей жизни.

ЛИСТКИ.

МАРЕСЪ И БѢКЛИНЪ.

Если суждено искусству вступить въ новую фазу приближенія къ мірскому и обновить „лннію“ жизни,—какіе пересмотры предстоятъ!—поразительно!

Сколько признаннаго, сколько излюбленнаго придется отодвинуть, чтобы строить Пантеонъ красоты многихъ вѣковъ и народовъ.

Спрячутся нѣкоторые любимцы и выступятъ другіе, и съ бѣльшимъ правомъ.

Въ новыхъ дворцахъ свѣта, тона и пинии забудемъ темныя пространства музеевъ. Не холодной системой,—свободнымъ, творческимъ теченіемъ мысли будемъ отдыхать въ нихъ. Будемъ находить подходы къ искусству иные, чѣмъ къ положительному знанію, безъ всякаго приближенія къ этой противоположной области.

Велики примѣры Востока; трогательны призрачія при-

митивовъ; поразительны свѣтлыя дерзновенія импрессионистовъ. Длинная нить—далекая отъ фальшиваго, блзорукаго „реализма“, чуждая всякой пошлой мысли. Этими путями идемъ впередъ; обновляемся къ чутью краски-тона; очищаемъ наше пониманіе слова „живопись“.

Безчисленны пути Красоты. Ясные, прямые пути убѣдительно впечатлѣніемъ. Малѣйшее чуждое, привходящее, разрушаетъ смыслъ и чистоту вещи. Маски въ искусствѣ противны. Противна маска живописи на рисунокѣ. Безмысленна фреска безъ красокъ, лишенная творческой гармоніи тона. Нужна открытая, громкая пѣснь о любимомъ; нужны ясныя слова о томъ, что хочешь сказать, хотя бы и одиноко.

И каждый долженъ искать въ себѣ, чѣмъ повиненъ онъ передъ искусствомъ; чѣмъ, неумро, заслонялъ онъ дорогу свою къ блестящему „какъ сдѣлать“. Иногда еще можно отбросить ненужное; иногда есть еще время ускорить шагъ. Сознаніе ошибокъ не страшно.

Прекрасны для насъ сокровища тѣхъ, что прошли прямою дорогою искусства. Смостримъ на нихъ съ бережливостью; безъ страха отодвигаемъ повинныхъ въ уклоненіи. Это—жизнь.

О Беклинѣ написанъ длинный рядъ отличныхъ отатей. Знаемъ его мѣсто среди большихъ мастеровъ, завоеванное трудомъ и оилою среди насмѣшекъ и брани. Каждая его картина подрбно объяснена. Большая сила! Но почему сначала онъ былъ такъ неугоденъ толпѣ? Чѣмъ онъ провинился? Неужели тѣмъ немногими холстами, гдѣ есть пятна настоящаго тона? Но такихъ вещей не очень много; въ массѣ работъ онъ долженъ бы быть другомъ толпы... Недоразу-

мѣніе! онъ говорилъ имъ любезное, часто даже пріятное ихъ духу и уровню, а они изъ-за немногихъ мазковъ не рассмотрѣли его, не признали многихъ пріятельскихъ жестовъ. Вольно или невольно, онъ принесъ имъ большую часть своего дарованія. Многое, можетъ быть, себѣ дорогое отдалъ неблагодарному народу, а его все-таки гнали. И даже хвала толпы подъ конецъ жизни не всегда могла заглушить отзвуки прежнихъ рѣчей.

И тутъ же почти въ то же время говорилъ другой, широко обращался кругомъ, но въ словахъ его было гораздо меньше угодливости такъ называемымъ лучшимъ чувствамъ толпы, и его просто не слушали. Его считали ненужнымъ и неопаснымъ и даже гнать не хотѣли. Даже не столько сердились, сколько пожимали плечами и качали головами.

Маресь проходилъ незамѣченнымъ,

Смѣшно и жалко подумать: всего нѣсколько отдѣльныхъ людей проникли и лоняли Мареса! всего нѣсколько людей во всю жизнь!

Онъ говорилъ только во имя Искусства, и толпа была чужда ему; чуждый ей, онъ грезилъ украсить залы выставки для какихъ-то невѣдомыхъ людей. Но случайно проходящимъ мимо искусства что были его красочныя откровенія? Его истинныя украшенія зданій жизни?

Толпа не шла къ его холстамъ; его стѣнописи, которыя должны бы вести толпу, подымать ее въ минутахъ отрѣшенія отъ окружающаго, оставались для нея далекими, холодными, бездушными. А вѣдь, живопись Мареса была вовсе не безформенна,—наоборотъ, онъ глубоко понималъ форму и гармонію ея съ живописью. Это не были только красоч-

ная симфонія,—у Мареса всѣ картины полны глубокой художественной мысли. Но его разсказъ былъ тѣмъ самымъ видѣніемъ поэта, мыслью художника, безъ всякой примѣси, безъ вульгарности, подъ покровомъ только настоящей живописи.

Мыслить только художественно—обыкновенно уже преступленіе; облечь полотно въ чудесныя ризы—для толпы уже недоступно. Какую же цѣнность на проходящемъ рынкѣ могли имѣть мечты Мареса о Гесперидахъ, о волшебныхъ садахъ съ чуднымъ тономъ листвы? Чистыя мысли Мареса о прекрасныхъ тѣлахъ, въ ихъ эпической простотѣ движенія, насыщенныхъ переливами красокъ? Разсказы о вѣчномъ, достойные лучшихъ стѣнъ!

Видѣнія, святые, воядники, рыцари, чудовища... Тѣ же стремленія, какъ у Бёклина, и другая, совершенно другая дорога.

Сравненія мало къ чему служатъ, а въ искусствѣ особенно. Но бываютъ поразительныя сопоставленія, которыя бьютъ по глазу, кричатъ въ ухо о случившемся.

Маресъ и Бёклинъ теперь встрѣтились на Столѣтней выставкѣ въ Берлинѣ; встрѣтились многими холстами. Кто-то поставилъ ихъ рядомъ. Кто-то захотѣлъ, чтобы о Маресѣ и Бёклинѣ задумались рѣшительно. Для памяти Мареса эта выставка—сущій праздникъ; жаль, что нельзя было собрать и еще его вещей.

Но что случилось со всѣмъ, что такъ хорошо выходитъ въ воспроизведеніи изъ картинъ Бёклина, что случилось со всѣмъ этимъ отъ сосѣдства Мареса? Все, о чемъ многіе думали и о чемъ уже хотѣли говорить сразу стало яснымъ.

Труднѣе судить рисунки; можно всегда спорить о по-

строени, но тонъ всегда говорить за себя, и только отсутствіе прстивспоставленія иногда временно спасаетъ его достоинство. Тонъ, конечно, первое качество живописи, наиболѣе абсолютень, и въ немъ главное требованіе къ живописцу. Мысль только отчасти заслонить глазъ рефлексами въ другіе центры; построеніе и рисунокъ стоять отдѣльно и безъ живописи картина—ободранный скелеть, желтый, обтянутый и страшный въ темномъ углу музея. Золото лаковъ дружественно этимъ подкрашеннымъ рисункамъ; фотографія передаетъ ихъ отлично, тонъ ей не мѣшаетъ.

Кто былъ на Берлинской выставкѣ, тотъ видѣлъ праздникъ Мареса и рядомъ холодность картинъ Вёклина. Что-то тайное стало явнымъ и непоправимымъ. Какой-то новый зубецъ колеса псвернулся.

ВРУБЕЛЬ.

Ярко горитъ личность Врубеля. Около нея много солнечнаго свѣта. Много того, что нужно.

Хочется записать о Врубелѣ.

Повидаться съ нимъ не приходится. Стоитъ мнѣ прѣхать въ Москву, оказывается, онъ уже въ Петербургѣ. Если прихожу на выставку, гдѣ онъ долженъ быть непременно, мнѣ говорятъ „только сейчасъ ушелъ“. И такъ нѣсколько лѣтъ. Пока не знаю его, надо о немъ записать. Послѣ знакомства впечатлѣніе всегда мѣняется. Сама виѣшность, лицо и то уже все измѣняется; а слово, а мысль? И сколько разъ горестно вспомнилось, къ чему знать автора? какой осадокъ на лѣсиѣ произведеній часто остается отъ слова самого художника.

Съ Врубелемъ переменна къ худшему не будетъ при знакомствѣ. Могутъ прибавиться личныя черточки, собствен-

ныя мысли Врубеля о своихъ задачахъ. Говорятъ, онъ чело-
вѣкъ рѣдкой чуткости и обаянiя. Все, что около него, тоже
чуткое и хрощее. Хорошо, что такъ говорятъ; достойно,
что такъ и есть. Это такъ рѣдко теперь. Часто около но-
выхъ творенiй стоятъ люди старые ликами и внутри не-
красивые.

Около Врубеля ничто не должно быть некрасивымъ.

Свѣтитъ свѣтъ и въ немъ, и на всемъ, что движется
близко. Страшенъ намъ священнѣйшiй культъ мудрецовъ
великой середины. Какимъ невыносимымъ долженъ быть
среди него Врубель, середины не знавшiй. Въ холодномъ
хорѣ убивающихъ искусство, какъ страшно звучитъ голось
Врубеля и какъ мало голосовъ за нимъ. Высокая радость
есть у Врубеля; радость, близкая лишь слнлнѣйшимъ; се-
редина никогда не примирится съ его вещами. Прiятно вн-
дѣть, какъ негодуеть мудрецъ середины передъ вещами
Врубеля. Не глядя почти на картину, слѣшiтъ онъ найти
хулу на искусство. Но крикъ его, правда, безъ разума; и
въ самомъ среднемъ сердцѣ не можетъ не быть искры, вспы-
хивающей передъ красотой. Какую же хулу, грубую и без-
смысленную нужно произнести, чтобы скорѣй затушить
свѣтящую искру. Середина долго дрожить, долго колеблется
послѣ картинъ Врубеля. Не скоро мудрецъ середины оста-
новится безъ хорошаго и злого, безъ ангела и безъ дья-
вола,—ненужный, какъ ненужно и все строенiе его.

Какой напоръ нашей волны безразличiя долженъ вы-
носить Врубель? Вѣдь сейчасъ мы даже будто перестали
уже негодовать на всякiй непосредственный подходъ къ
подлинной красотѣ; ожесточенiе будетъ смѣяться самодоволь-
ной усмѣшкой и неумными воображенiями побѣды. Что дѣ-

латъ и зачѣмъ дѣлать такимъ, какъ Врубель, среди толпы, среди всей тяготы, запрудившей наше искусство?

Судьба Врубеля,—высокая судьба проникновенныхъ въ старой Италіи или судьба Мареса, бережно сохраненнаго на радость будущаго, на радость искусства въ укромномъ Шлейсгеймѣ.

У насъ такъ мало художниковъ со свободной душой, полной своихъ пѣсенъ. Надо же дать Врубелю сдѣлать что-либо цѣльное; такую храмину, гдѣ бы онъ былъ единственнымъ создателемъ. Увидимъ, какъ чудесно это будетъ. Больно видѣть все прекрасное, сдѣланное Врубелемъ, въ Кіевѣ больно подумать, что Свѣдомскій и Котарбинскій и тѣ имѣли шире мѣсто для размаха. Неужели, чтобы получить доступъ сказать широкое слово художнику, прежде всего нужна старость?

Мы стараемся возможно грубѣе обойтись со всѣми, кто могъ бы двинуться впередъ. И на одну поднятую голову опускаются тысяча тяжелыхъ рукъ, ранѣе какъ будто дружелюбныхъ.

Прочь всѣ опасныя торчки.

Только Третьяковъ первое время поддержалъ Сурикова. Мало поняли Левитана. Мы загнали Малявина въ тишину деревни. Мы стараемся по мѣрѣ силъ спорочить все лучшее, сдѣланное Головинымъ и Коровинымъ. Мы не можемъ понять Трубецкого. Выгнали Руцица и Пурвита на иностранныя выставки. Ужасно и безконечно! Указанія запада намъ нипочемъ. Врубелю мы не даемъ размахнуться. Музей Академіи не знаетъ его. Появленіе его маленькаго отличнаго демона въ Третьяковской галлерей волнуетъ и сердитъ насъ. Полная исторія русскаго искусства должна отразиться въ Русскомъ Музеѣ, но Врубеля Музей все-таки

видѣть не хочетъ. Только заботами кн. Тенишевой, украсившей свой отдѣлъ музея „Царевною-Лебедью“, Музей не остался вовсе чуждъ Врубеля. Странно. Мы во многомъ трусливы, но въ искусствѣ особенно храбры маститые трусы; даже будущаго не страшатся. Поражаетъ наша неслыханная дерзость, не знающая даже суда исторіи.

Отпусти намъ Владыко! Вѣдныя мы!

Легко запоминаются многія хорошія картины. Многое отзывается опредѣленно сознательно. Наглядѣвшись вдоволь, черезъ время опять хочется вернуться къ хорошему знакомому и долго похвально сидѣть съ нимъ и не страшить промежутокъ разлуки.

Но иначе бываетъ передъ вещами Врубеля. Уходя отъ нихъ, всегда хочется вернуться. Чувствуется всѣмъ существомъ, сколько еще не досмотрѣно, сколько новаго еще можно найти. Хочется жить съ ними. Хочется видѣть ихъ и утромъ, и вечеромъ и въ разныхъ освѣщеніяхъ. И все будетъ новое. Сами прелести случайностей жизни, бездонно напитали вещи Врубеля, прелести случайныя, великія лишь смысломъ красоты. Какая-то необъятная сказка есть въ нихъ; и въ „Царевнѣ-Лебеди“ и въ „Восточной Сказкѣ“, полной искръ, ковровъ и огня, и въ „Панѣ“, съ этими поразительными глазами, и въ „демонахъ“ и во всей массѣ удивительно неожиданныхъ мотивовъ.

Таинственный голубой цвѣтокъ живетъ въ этомъ чистомъ торжествѣ искусства. И достойно можемъ завидовать Врубелю. Въ такой зависти тоже не будетъ ничего нечестнаго. Такъ думаю.

Врубель выставилъ „Жемчужину“. Останется она у Щербатова; ему нужны такія вещи въ основу галлерей.

Этимъ временемъ мы бывали на выставкахъ; слушали лекціи; не упустили спектакли; набирались всякихъ мнѣній. Мы были въ „курсѣ“ дѣла, въ ходѣ жизни и жемчужины не сдѣлали.

Врубель мало выѣзжалъ теперь; мало видѣлъ кого; отвернулся отъ обихода и увидалъ красоту жизни; возлюбилъ ее и далъ „Жемчужину“, цѣннѣйшую. Незначительный другимъ, обломокъ природы рассказываетъ ему чудесную сказку красокъ и линий, за предѣлами „что“ и „какъ“.

Не пропустимъ, какъ дѣлалъ Врубель, „Жемчужину“. Вѣдь это именно такъ, какъ нужно; такъ, какъ мало кто теперь дѣлаеть.

Среди быстрыхъ примѣровъ нашего безвѣрія и вѣры, среди кратчайшихъ симпатій и отреченій, среди поражающаго колебания, среди позорнаго снобизма на спокойной улицѣ за скромнымъ столомъ, недѣли и мѣсяцы облюбовываетъ Врубель жемчужную ракушку. Въ этой работѣ ищетъ онъ природу. Природу далекую отъ жизни людей, гдѣ и сами людскія фигуры тоже дѣлаются волшебными и не близкими намъ. Нѣтъ теплоты близости въ дальнемъ сіяніи, но много заманчивости, много новыхъ путей, того, что тоже намъ нужно. Этой заманчивости полна и „Жемчужина“. Волѣе, чѣмъ когда либо, въ ней подошелъ Врубель, къ природѣ въ тончайшей передачѣ ея и все-таки не удалился отъ своего обычнаго волшебства. Третій разъ повторяю это слово, въ немъ какая-то характеристность для Врубеля; въ немъ есть разгадка того страннаго, чѣмъ вещи Врубеля со временемъ нравятся все сильнѣе. Въ эпическомъ покоѣ уютной работы, въ всхищеніи передъ натурой, слышно слово Врубеля; „довольно манернаго, довольно поверхностной краски. Пора же глубже за-

рыться въ интимнѣйшую пѣсню тоновъ“. Пора же дѣлать все, что хочется, внѣ оковъ нашихъ свободныхъ учений.

„Если хотя одну часть вещи сдѣлать съ натуры, это должно освѣжить всю работу, поднять ее уровень, приблизить къ гармоніи природы“. Въ такомъ словѣ звучитъ коренное умѣніе пользоваться природой. Врубель красиво говоритъ о природѣ; полутонъ березовой рощи съ рефlekсами бѣлыхъ стволовъ; тѣнь кружевъ и шелка женскихъ уборовъ; фейерверкъ бабчекъ; мерцанье акваріума; характеръ паутины кружевъ, про все это нужно послушать Врубеля художникамъ. Онъ бы могъ подвинуть нашу молодежь, ибо часто мы перестаемъ выхватывать красивое, отрѣзать его отъ ненужнаго. Врубель могъ бы поучить, какъ надо искать вещь; какъ можно портить работу свою, чтобы затѣмъ поднять ее, на высоту еще бльшую. Въ работахъ Врубеля въ подъемахъ и паденіяхъ есть нервъ высокаго порядка, далекій отъ самодвольнаго мастерства или отъ безпутныхъ хватаній за что попало. Не поражающее, а завлекающее есть въ работахъ Врубеля,—вѣрный признакъ ихъ жизнеспособности на долгое время. Подобно очень немногимъ, шедшимъ только своею дорогою, въ вещахъ Врубеля есть особый путь, подсказанный только природой. Эта большая дорога полна спусковъ и всходовъ. Врубель идетъ ею. Намъ нужны такіе художники.

Будемъ беречь Врубеля.

КУИНДЖИ.

Куинджи скончался. Большой, сильный, правдивый Куинджи скончался.

„Куинджи—отнынѣ это имя знаменито“, громко писали съ Архипъ Ивановичъ, когда о немъ высказались такіе разнообразные люди, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Менделѣевъ, Суворинъ, Петрушевскій.

И съ тѣхъ поръ имя Куинджи не сходило съ памяти.

Вся культурная Россія знала Куинджи. Даже нападки дѣлали это имя еще болѣе значительнымъ. Знаютъ о Куинджи—о большомъ, самобытномъ художникѣ. Знаютъ, какъ онъ послѣ неслыханнаго успѣха прекратилъ выставлять; работаль для себя. Знаютъ его, какъ друга молодежи и печальника обездоленныхъ. Знаютъ его, какъ славнаго мечтателя въ стремленіи объять великое и всѣхъ примирить, отдавашаго все свое миллионное состояніе. Знаютъ,

какими личными лишеніями это состояніе было составлено. Знаютъ его, какъ рѣшительнаго заступника за все, въ чемъ онъ былъ увѣренъ и въ честности чего онъ былъ убѣжденъ. Знаютъ, какъ строгаго критика; и въ глубинѣ его часто рѣзкихъ сужденій было искреннее желаніе успѣха всему достойному. Помнятъ его громкую рѣчь и смѣлые доводы, заставлявшіе иногда блѣднѣть окружающихъ.

Знаютъ жизнь этого удивительнаго мальчика изъ Мариуполя, только личными силами прсбившаго свой широкій путь. Знаютъ, какъ изъ тридцати поступавшихъ въ академію одинъ Куинджи не былъ принятъ. Знаютъ, какъ Куинджи отказалъ Демидову, предложившему ему за 80,000 рублей повторить нѣсколько картинъ. Еще живъ служитель Максимъ, получавшій рубли, лишь бы пустилъ стать виѣ очереди толпы во время выставки картинъ Куинджи на Морской. Съ доброй улыбкой всѣ вспоминаютъ трогательную любовь Архипа Ивановича къ птицамъ и живственнымъ.

Около имени Куинджи всегда было мнго таинственнаго. Вѣрилсь въ особую силу этого человѣка. Слагались цѣлыя легенды.

Если нѣкоторыя друзья Куинджи пытаются обойтись теперь безъ прислуги, то Куинджи безъ всякихъ проловѣдей, всю жизнь прожилъ со своею супругою Вѣрою Леонтьевною безъ чьихъ бы то ни было услугъ. Съ ссобымъ чувствомъ каждый изъ насъ, подхсдя къ дверямъ, слышалъ рояль и скрипку въ квартирѣ, гдѣ жили „двое“.

Вспоминаю, какимъ ближе всего чувствую я Архипа Ивановича послѣ близкаго общенія пятнадцати лѣтъ.

Помню, какъ онъ принялъ меня въ мастерскую свою.

Помню его, будящаго въ два часа ночи, чтобы предупредить объ опасности. Помню его, конфузливо дающаго деньги, чтобы передать ихъ разнымъ бѣднякамъ и старикамъ. Помню его стремительныя возвращенія, чтобы дать совѣтъ, который онъ, уже спустясь съ шести этажей, надумалъ. Помню его быстрые приѣзды, чтобы взглянуть, не слишкомъ-ли сгорчила рѣзкая его критика. Помню его вѣрныя сужденія о лицахъ, съ которыми онъ встрѣчался.

О многомъ онъ зналъ гораздо больше, нежели они могли предполагать. Изъ двухъ, трехъ фактовъ, съ чуткостью подлиннаго творца, онъ опредѣлялъ цѣльныя положенія. „Я говорю не такъ, какъ есть, а такъ, какъ будетъ“. Помню его милое прощающее слово: „Бѣдные они!“ И на многихъ людей онъ могъ установить уголъ пониманія и прощенія. Тихія, долгія бесѣды наединѣ больше всего будутъ помниться ученикамъ Архипа Ивановича.

„Хорошіе люди—тяжело помираютъ“. Такъ вѣрить народъ. Среди мучительныхъ удушій Архипа Ивановича вспоминалась эта примѣта. Народная мудрость указала, что умеръ хорошей, крупнѣйшей человѣкъ.

Душамъ умершихъ нужны воспоминанія;—сколько ихъ будетъ объ Архипѣ Ивановичѣ Куинджи!

О немъ не забудутъ.

С Ъ Р О В Ъ .

Бываютъ смерти, въ которыя не вѣрятъ. Петербургъ не повѣрилъ смерти Сѣрова. Цѣлый день звонили. Цѣлый день спрашивали. Цѣлый день требовали опроверженій. Не хотѣли признать ужаснаго, непоправимаго. Сѣрsvъ—настоящій, подлинный, а потеря его—настоящая, невознаградимая. Жаль умирающихъ старцевъ. Жаль умершихъ дѣтей. Но когда гибнетъ челсвѣкъ среди яркаго творчества, среди счастливыхъ исканій, полный своей работой, то не просто жаль, а страшно, просто ужасно примириться со случившимся. Въ лучшую пору самоуглубленія, въ лучшие дни знаній искусства и лучшей оцѣнки людей явно жестоко вырванъ изъ жизни подлинный художникъ, смѣлый, честный и настоящій, требовательный къ другимъ, но еще болѣе строгій къ себѣ, всегда горѣвшій чистымъ огнемъ молодости.

Вчера имя Сѣрова такъ часто въ нашемъ искусствѣ

произносилось совѣмъ обычно, но сегодня въ самыхъ разныхъ кругахъ самые различные люди почувствовали размѣры значенія его творчества и величину личности Валентина Александровича. Онъ самъ—самое трудное въ искусствѣ. Онъ умѣлъ высоко держать достоинство искусства. Ни въ чемъ мелкомъ, ни въ чемъ недостаточно повѣренномъ укорить его нельзя. Онъ умѣлъ ярко отстаивать то, во что онъ повѣрилъ. Онъ умѣлъ не склоняться въ сторону того, во что ему еще не вѣрилось вполне. Въ личности его была опора искусству. Въ дни случайностей и бѣглыхъ настроеній значеніе В. А. незамѣнимо. Свѣтлымъ, стремящимся къ правдѣ искусствомъ закрѣпилъ онъ свою убѣдительность въ жизни.

Былъ подвигъ въ жизни и въ работѣ Сѣрова. Рѣдкій и нужный для всей цѣнности жизни подвигъ. Подвигъ этотъ вполне почувствуютъ еще сильнѣе. Великій подвигъ искусства творилъ Сѣровъ своей правдивой, проникновенной работой, своимъ неизмѣнно правдивымъ словомъ, своимъ суровымъ, правдивымъ отношеніемъ къ жизни. И все, къ чему приближался В. А., принимало какое-то особенное сбаяніе. Друга искусства В. А. въ день примиренія, въ день смерти можно назвать врагомъ только въ одномъ отношеніи—врагомъ пошлости. Всею душою чувствовалъ онъ не только неправду и неискренность, но именно пошлость. Пошлость онъ ненавидѣлъ, и она не смѣла къ нему приближаться.

Какъ объ умершемъ, просто нельзя говорить о В. А. Поймите, вѣдь, до чего безконечно нуженъ онъ нашему искусству. Если еще не понимаете, то скоро поймете. Укрѣпленіе на землѣ памяти объ ушедшихъ отъ насъ нужно, и въ этомъ воспоминаніи объ ушедшемъ отъ насъ Сѣровѣ

будеть слабое утѣшеніе. Мы будемъ видѣть и знать, что онъ не забыть, что трудъ его жизни служить славнымъ примѣромъ. Мы и наши дѣти будемъ видѣть, что произведенія Сѣрова оцѣнены все болѣе и болѣе и помѣщены на лучшихъ мѣстахъ, а въ исторіи искусства Сѣрову принадлежить одна изъ самыхъ красивыхъ страницъ.

Я П О Н Ц Ы .

За гранью обычно оформленнаго слагается особый языкъ.

Несказанное чувствованіе. Тамъ вспыхиваетъ между нами тайная связь. Тамъ понимаемъ другъ друга неожиданными рунами жизни; начинаемъ познавать встрѣчное взоромъ близкимъ вѣчному чуду.

Чудо жизни побѣдное и страшное! Чудо, заполняющее всѣ глубины природы, подножіе вершинъ бытія! Оно рѣдко выявляется рукой человѣка.

Египеть, Мексика, Индія...—чудно, но не явно. Узоры прекрасные, сверкающіе блески, но ткань уже истлѣла. Но живы еще волокна жизни, сплетенной старыми японцами. Ароматъ сказки еще струится надъ желтѣющими листьями, надъ стальною патиною лаковъ.

Глазу живому—горизонтъ необъятный. Сложное ста-

рымъ японцемъ учить и поражаетъ. Ослѣпляющая задорная жизнь: правда великаго въ маломъ. Тончайшій іероглифъ жизни—рисунокъ въ многообразіи подробностей сохранившій полный характеръ общаго. Высшая законность въ силѣ незаконнаго размаха. Невинность въ призракъ безстыдства. Дьявольская убѣдительность фантастики. Пѣсня чудесныхъ гармоній красокъ, которая одна только можетъ успокоить наше подстрѣленное оознаніе; особенно сейчасъ.

Вершины искусства, часто чуждыя намъ, преобразились въ твореніяхъ японцевъ.

И мы все-таки далеки отъ этой волшебной ткани—жизни. Говорю „все-таки“,—въ немъ и печаль объ античномъ и горе его сознанія; въ немъ подавленность громадами нашихъ музеевъ и гордость нашими исканіями, и ужасъ закоптѣлыхъ заслонокъ нашей жизни...

Всѣ наши пороги Искусства, гдѣ мы спотыкаемся, старый японецъ попираетъ смѣло. Аристократизмъ Искусства, народность, романтизмъ, символика, сюжетность, историчность, этнографія,—все намъ и милое и чуждое,—все сочеталось въ старомъ японцѣ, и все презрѣно; все лретворилось въ красивое.

И это „красивое“—неопасное слово.

Имѣетъ право не обходить такихъ словъ—народъ, выходящій весною изъ города привѣтствовать пробужденную природу; народъ, каждый день разбирающій свои сокровища—картины; народъ, не находящій возможнымъ даже сказать художнику цѣну художественнаго произведенія. Гдѣ, какъ не въ Японіи, такое количество собраній Искусства? Въ какой другой странѣ настолько почетно назваться собирателемъ художественныхъ произведеній?

И рожденный такую страну художник имѣть высокое право вѣрить въ себя; и безмѣрное его трудолюбіе, и безчисленность твореній его—не прямо работы, а незамѣтные ему самому слѣды стремительно блестящаго порыва.

Правда, только такимъ необузданнымъ порывомъ проникновенія своимъ дѣломъ могли создаваться и гигантскія фигуры боговъ, и большія панно, широко залитыя потоками краски, магически остановленной въ границахъ вѣрныхъ контуровъ. Только бодрая жизнь могла разсыпать тончайшія графическія мелочи; какъ часто передъ нами графнки Запада являются грубо преднамѣренными! Не обращаясь даже къ древности,—лишь въ предѣлахъ среднихъ вѣковъ, и Востокъ, и Западъ охватываетъ полоса высокаго проникновенія дѣйствъ, неожиданность расположенія фигуръ, чутье въ украшеніи книги и рукописи, тогда еще дѣйствительно значительной, еще не перешедшей въ подавляющій хаосъ исписанной бумаги нашей современности.

Укоризна стараго японца намъ страшнѣе случайныхъ осужденій большинства исторій объ Искусствѣ.

О теченіяхъ японскаго Искусства мы можемъ судить только относительно. Наши мѣрила, безъ сомнѣнія, нечувствительны ко многому, вполне явному въ разборѣ самихъ японцевъ. Факты и свѣдѣнія о Японіи, быстро нарастающіе, все-таки не открываютъ намъ многихъ сторонъ жизни ея Искусства. Борьба „декадента“ Хоксая съ придворными мастерами намъ не убѣдительна; мы не вполне представляемъ, въ чемъ тоже красивые предшественники Хоксая враждовали съ его вещами.

Мало того, что среднихъ художниковъ Японіи мы можемъ различать лишь формально, мы съ трудомъ можемъ

представить себѣ картину, какъ расходились по всеѣмъ угламъ страны рисунки и оттиски въ блестящемъ шествѣи феодаловъ отъ двора Микадо и какъ подходилъ народъ къ этимъ подаркамъ.

Одно только ясно: культура Искусства Японіи имѣла пречную почву, и народъ принялъ ее, освятивъ строемъ жизни. Обратное намъ, гдѣ культура Искусства, непрошенная, врывается въ жизнь страны извнѣ, отъ ненужныхъ народу мечтателей. Будетъ ли Искусство въ Россіи или страна избавится отъ него,—это будетъ заботою не многихъ милліоновъ народа, но обидно малой кучки людей... Знаю, какъ такое состояніе наше будутъ оправдывать и объяснять, но положеніе вещей отъ того, право, не улучшается.

О старыхъ японцахъ можно говорить или очень кратко, набросавъ только рѣзкія, всегда поразительныя черты ихъ работы или придется сказать не замѣткой, а такъ же подробно, какъ властно привлекаетъ къ себѣ ихъ многогранная работа. Душа стараго японца не вмѣстилась на выставкѣ, выставка захватила лишь нѣкоторыя блески этой души.

Пѣсня—старымъ японцамъ. О новыхъ—другое. Неужели и здѣсь уже работаетъ гильотина европейской культуры?

Все загрубѣло: рыцарь и бардъ умерли, и доспѣхи ихъ теперь—странныя пятна бутафоріи. Природа все та же, тѣ же волны вишиевыя, тѣ же бездны акацій, піоновъ, тюльпановъ, но доступъ ихъ къ сердцу закрытъ; творецъ сталъ механикомъ. Грубѣютъ тоска и рисунокъ.

Геній общенія рассыпался спорными пятнами и мел-

кими линиями. И нѣтъ новымъ японцамъ оправданія въ томъ, что ихъ лубки безмѣрно выше мерзости, распространяемой въ народъ у насъ. Мы—не примѣръ. Но придется новому японцу отвѣтить суду исторіи за японскій залъ на прошлой всемірной выставкѣ Парижа. Японцы—парижскіе неоимпрессионисты! Какая жестокая нелѣпость.

Такого новаго не надо. О немъ не хочу говорить.

Теперь японцы скупаютъ обратно многія сокровища свои. Хочу, чтобы это было не историческое достоинство, не собирательство; чтобы это было пробужденіе старой мощи Искусства. Хочу, но могу ли желать?

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Художественная промышленность,—какое унижительное слово.

Въ то время, когда искусство стремится проникнуть снова за предѣлы холста или глины, когда искусство доходить до мельчайшихъ закоулковъ жизни, тогда-то мы своими руками устраиваемъ ему оскорбительныя препятствія. Изъ боязни большого мы хотимъ оторвать отъ искусства цѣлыя широкія области; мы знаменуемъ это отдѣленіе унижительнымъ именемъ: промышленность.

Стоить ли говорить объ имени? Конечно, имя не болѣе какъ относительный звукъ; пусть оно только условность безъ обязательствъ,—вѣдь какъ могутъ причастные и служащіе защищать прозваніе цѣлой области искусства? Но вѣдь такимъ же порядкомъ и все условно; всегда приходится говорить только о степени условности. И менѣе всего

умѣстна обидная приблизительность тамъ, гдѣ любимъ. Для постороннихъ прохожихъ неизвѣстное названіе ничего не сбозначаетъ, но не такъ для ближайшихъ...

И не объ одномъ только названіи говорится. Печально то, что названіе это сознательно укрѣпляетъ существенную грань въ предѣлахъ искусства. Въ силу этой грани въ искусство часто допускается многое иенужное, а драгоценныя начатки погибають.

Можеть ли быть промышленность нехудожественною?

Нѣтъ. Нѣтъ, если искусство дѣйствительно должно иапитать глубоко всю жизнь и коснуться всѣхъ творческихъ движеній человѣка. Ничте этому условію не чуждо. Само фабричное производство—это неизбѣжное зло—должно быть преработано искусствомъ. Раскрытыя двери музеевъ, привлекательныя объясненія и лекціи пусть скажутъ о великомъ, всздѣсуемъ искусствѣ каждому рабочему.

Можеть ли быть часть искусства, въ отличие отъ прочаго, промышленною?

Нѣтъ. Или, думая цинично, все искусство промышленно, или, для культурнаго мышленія, искусство въ цѣломъ остается всеосвящающимъ, всеочищающимъ понятіемъ, всюду раздающимъ свси блестящіе дары.

Допустимъ школы искусства. Онѣ могутъ быть высшія и низшія. И пусть младшіе растутъ въ общеніи съ опытомъ старшихъ и добровольно проходятъ ступени любимаго дѣла. Посвященные и послушники вездѣ есть. Но послушники эти, усвоивъ умѣнье, должны имѣть возможность посвященія по доброй волѣ во всѣ степени таинства. Съ первыхъ шаговъ младшіе должны почувствовать все обаяніе дѣла и

искать то, что ближе другого суждено имъ. Въ этомъ—тайна учительства, открывающаго пути.

Но представьте теперь человѣка мало знающаго, иногда случайно пришедшаго къ искусству. Цѣлый рядъ лѣтъ ему всячески вбивается въ голову, что многое не должно быть ему доступно, что его художественный удѣлъ долженъ быть ниже судьбы другихъ. Какъ вѣщающее вразумленіе такому человѣку даются и уменьшаются права гражданскія, преступить которыя почти невозможно. Когда всѣ права отъ искусства должны быть уничтожены, тогда они не только существуютъ, но еще и отдѣляютъ другъ отъ друга дѣятелей одной сплошной области.

Вмѣсто художника, прошедшаго краткую школу, которому возможенъ подъемъ и совершенствованіе, получается рабъ заклеянный, почти безъ доступа въ прочія степени мастерства. Безконечное неудовлетворимое желаніе высшаго блага; постоянное стремленіе бросить свое, часто превосходящее по задачѣ, и идти туда, куда „почти нельзя“. Значеніе дѣла исчезаетъ. Обособленность сверху и снизу растетъ.

Мы выдѣляемъ особую касту, забывая объ общей участи всѣхъ кастъ.

Рабъ „художественной промышленности“, настолько же нелѣпъ и жалокъ, насколько некультуренъ художникъ, затворившій себѣ всѣ двери выявленной творчества, кромѣ холста или глинны.

Устраивайте какъ можно больше общеобразовательныхъ и техническихъ учреждений, дѣлайте ихъ даже обязательными и бесплатными; раздавайте въ нихъ права и все, если что нужно, но область искусства оставьте внѣ общаго, только въ законахъ вѣчныхъ словъ красоты.

Кажется, все говоримое безмѣрно старо и просто. Все это само вытекаетъ изъ широкаго понятія искусства. Вспоминать объ этомъ, да еще говорить, даже стыдно.

Но тутъ же мы помнимъ, что еще только у насъ дѣлается. Вѣдь только теперь открываются школы обособленной художественной промышленности. Только что разработаны и дополняются постепенно ихъ штаты. Вѣдь этотъ расколъ живого организма мы только еще начали регламентировать. Мы еще такъ далеки отъ сознанія негодныхъ дѣйствій, что только начинаемъ наивно удивляться уродливымъ явленіямъ приложенія искусства къ жизни. Число жертвъ подсчитать мы собираемся еще очень нескоро.

В Р А Г И.

Собрались молодые. Говорятъ.

— Безмысленное „декаденство“—упадокъ искусства! Пошлое непросвѣщенное отношеніе къ лучшимъ задачамъ творчества! Отрицаніе завѣтовъ исторіи искусства! Дурной вкусъ, некультурное непониманіе всей благородной прелести искусства. Спѣшите къ первоисточнику, не глядите на время упадка. Берегите красоту старины.

Такъ ругаютъ „декадентство“.

Сошлись старые; усѣлись въ кругъ. Шепчуть:

— Берегитесь отъ „декадентовъ“. Проклинайте ихъ, безформенныхъ. Ужасайтесь ихъ пошлости. Гдѣ имъ, некультурнымъ до высокаго вкуса старинныхъ мастеровъ! Гдѣ имъ, дерзкимъ, до тончайшихъ родниковъ искусства. Они отрицаютъ всѣ ступени исторіи. Гоните ихъ, опасныхъ! закрывайте имъ двери и ходы. Мы защищаемъ старину.

— Смотрите впередъ и знайте все прошлое,—говорять молодые.

— Учитесь у прошлаго, имъ вступайте въ будущее,— опускають на плечо руку старые.

— Постигайте мастерство Рембранта и Веласкеца; трепещите передъ тайнами да-Винчи; сознайте силу Анжело; любите благородство Боттичелли, Гоццоли, Джотто,—голосъ молодыхъ.

— Изучайте штрихъ Микель Анжело; мечтайте понять всю проникновенность Леонардо-да-Винчи. Удивляйтесь Тициану, преклонитесь передъ силой Рембранта, передъ потокомъ мощи Рубенса,—поучають старые.

Еще говоръ по всѣмъ сторонамъ. Толкують о томъ же и тѣ, и другіе. Тѣ же имена. Стремленіе изучить ихъ. Еще много именъ. Хотятъ знать исторію искусства; перечисляють наизусть страницы ея.

Громкій, согласный хоръ о великой жизни искусства.

Желаніе общее внести красоту въ наше время. И, мигая значительно, круги тѣснѣе сближаются:

И тутъ же пропасть. Крѣпкіе единомыслиемъ, обхвативъ другъ друга, устремились старые къ молодымъ:

— Прочь „декаденты“; вамъ нѣтъ здѣсь дороги!

Молодые смотрять изумленно:

— Отойдите, упадочники! Это мы бережемъ красоту, это мы стремимся познать ее и на ней строить будущее.

— Прочь, мы не хотимъ знать васъ.

— Вы отъ насъ далеки.

И въ обрывкахъ спора мѣшаются и гаснутъ великіе примѣры. Въ рѣчахъ не слышно „тѣхъ же“ именъ и враги стоятъ на пути; цѣпко ухватились молодые и старые; въ

неистовомъ напряженіи сгибають другъ друга. А внѣ путей движется „будто новое“, „другое“ и смѣясь идетъ къ красотѣ.

Уже сѣдѣють молодые и, не видя себя, удивленно глядятъ на нихъ старики.

И злоба роетъ новыя пропасти, и вереницы именъ не заполняютъ бездну борьбы жизни.

Исторія искусства переворачиваетъ страницу.

О Т Л И Ч І Я.

Надвигается сезонъ преміи.

Разныя преміи назначаются и спеціальными жури, и цѣлымъ составомъ учреждений. Размѣры премій и внушительны, и унизительно малы.

Въ послѣднее время на преміи создается нѣчто въ родѣ моды. Число ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ и пожертвованіями и завѣщаніями. О преміяхъ пора подумать.

Вѣроятно, и художественный съѣздъ пожелаетъ высказаться относительно премій.

Медали и похвальные листы уже признаются самими художниками „несовременными“. Такъ, на римской выставкѣ „Міръ искусства“ уклонился отъ медалей и наградъ, признавая ихъ пережиткомъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ отмѣняются денежныя награды для того, чтобы оставить отличія нравственныя.

Несомнѣнно, выдвигается понятіе о высшей справедливости, въ силу которой заслуживаетъ похвалы твореніе или дѣйствіе прежде всего.

Каковы же похвала и отличіе художественнаго произведенія?

Что важнѣе? Выдача ли сотни рублей автору произведенія изъ рукъ случайной группы людей, обусловленнѣй случайнымъ приходомъ или неприходомъ дружественнаго или враждебнаго человѣка, или сохраненіе въ музеѣ самаго произведенія? Каждому изъ насъ извѣстны случаи, когда премированное произведеніе, почему-либо затѣмъ не проданное, погибало, свернутое въ трубку, или сказывалось въ самыхъ непрочныхъ рукахъ.

Извѣстны также случаи, когда премированные авторы чувствовали себя далеко не счастливыми, вслѣдствіе непрощенныхъ навсегда закрѣпленныхъ сравненій.

Словомъ, безъ всякой ошибки можно сказать, что каждая выдача премій сопровождается самыми нелѣпыми нареканіями и недовольствами. При каждомъ назначеніи премій вылѣзаютъ наружу самыя непріятныя чувства, которыя общественность, казалось бы, должна усыплять, а не обострять.

Словомъ, излишне долго говорить о темныхъ сторонахъ премій. Всѣ хотя бы частью соприкасавшіеся съ этимъ дѣломъ, знаютъ всѣ недоразумѣнія премированія. Сама публика, толпа,—и та, вѣроятно, вполне чувствуетъ, что около премій всегда происходитъ нѣчто темное. Упаси Богъ,—не въ смыслѣ подтасовки, а въ отношеніи обостренныхъ страстей.

Окончательно трагичнымъ становится дѣло премій, если мы узнаемъ, что большинство ихъ оставлено по завѣщанію, и дѣло, кажется, непоправимо.

Но вопросъ о преміяхъ такъ назрѣлъ. Преміи такъ множатся, что и изъ этого труднаго положенія надо искать выходъ. Надо прибѣгнуть къ наслѣдникамъ завѣщателей, надо просить высшаго установленія объ измѣненіи цѣли средствъ, назначенныхъ на преміи. Это тѣмъ болѣе жизненно, что, я убѣжденъ, большинство завѣщателей, видя, какія ощущенія ихъ средства порождаютъ, охотно бы измѣнили ихъ назначеніе.

А новое назначеніе этихъ средствъ такъ близко, такъ справедливо! Надо покупать лучшія художественныя произведенія. Надо ихъ сохранить на радость и гордость всего народа, всей земли.

Какое же большее, какое же лучшее отличіе можетъ быть для художника, нежели сознаніе, что его твореніе сохранено въ прочномъ мѣстѣ и неиспорченное можетъ прожить долгіе годы.

И жертвователи должны сознавать, что ихъ средства, ихъ имена не погребены въ запыленныхъ протоколахъ выдачъ и живутъ вмѣстѣ съ сохраненными благодаря имъ произведеніями. И какъ далеки всѣ ощущенія пріобрѣтенія отъ денежной выдачи. Сохраненіе красивой вещи всегда дастъ радость, а деньги, какъ деньги, всегда имѣютъ свои специфическія ощущенія.

Разница сохраненія произведенія въ лучшихъ условіяхъ и въ выдачѣ премій настолько велика, что ненужны никакіе примѣры.

Можетъ быть, и теперь гдѣ-нибудь среди безграничной Россіи кто-либо хочетъ оставить свои средства и имя для премій. Пусть этотъ щедрый человѣкъ подумаетъ о лучшемъ примѣненіи своихъ сбереженій. Въ его рукахъ находится

возможность сохранить творения искусства на общую радость.
Въ этомъ будетъ свѣтлое назначеніе средствъ.

Въ разгаръ выставочнаго времени, средн выдачь премій,
то время художественнаго съѣзда, пора подумать о превраще-
нии премій въ хорошее, красивое дѣло сохраненія предме-
вовъ искусства.

ИНДІЙСКІЙ ПУТЬ.

Въ Парижѣ весною для меня была радость.

Въ музей Чернусскаго открыта выставка предметовъ восточнаго искусства изъ частныхъ собраній. Сама по себѣ выставка очень интересна. Вещи выбраны со вкусомъ и знаніемъ. Превосходны разныя живописныя и лѣпныя священныя изображенія Индіи, Цейлона, Сіама, Японіи, Индо-Китая.

Не пройти равнодушно мимо элическихъ красокъ, мимо черно-лаковой бронзы, мимо цвѣтистой и великолѣпной космогоніи.

Но на выставкѣ было и другое, для насъ, русскихъ, уже особо значительное. За эту радость я очень благодаренъ моему другу В. В. Голубеву.

Уже давно мечтали мы объ основахъ индійскаго искусства. Невольно напрашивалась преемственность нашего древняго быта и искусства отъ Индіи. Въ интимныхъ бесѣдахъ

часто устремлялись къ колыбели народной, а нашего славянства въ частности.

Конечно, могли говорить намъ: мечты неосновательны, предположенія голословны, догадки полны личныхъ настроений. Нужны были факты.

И вотъ теперь В. В. Голубевъ (живущій почти всегда въ Парижѣ), наконецъ, началъ большое дѣло. Началъ это дѣло такъ умѣло, такъ прочно, что можно, по моему убѣжденію, ждать крупныхъ достижений.

Если дѣло пойдетъ такъ, какъ начато, то Голубевъ создастъ себѣ возможность первому отъ русской жизни пройти по новому направленію къ истокамъ индійскаго искусства и жизни.

В. В. Голубевъ снарядилъ экспедицію въ Индію. Были всякія трудности. Нѣсколько участниковъ погибло отъ жары и лихорадки, но зато были привезены снимки и предметы и, главное, наблюденія, которымъ долженъ радоваться каждый русскій.

На выставкѣ музея Чернускаго ожидалъ меня Голубевъ и то, что онъ показалъ и рассказалъ мнѣ, было такъ близко, такъ намъ нужно и такъ сулило новый путь въ работѣ, что оба мы загорѣлись радостью.

Теперь всѣ догадки получали основу, всѣ сказки становились былью.

Обычан, погребальныя „холмы“ съ оградами, орудія быта, строительство, подробности головныхъ уборовъ и одежды, всѣ памятники стѣнописи, наконецъ, корни рѣчи,—все это было такъ близко нашимъ истокамъ. Во всемъ чувствовалось единство начальнаго пути.

Ясно, если намъ углубляться въ наши основы, то дѣй-

ствительное изучение Индіи дастъ единственный матеріалъ. И мы должны спѣшить изучать эти народныя сокровища, иначе недалеко время, когда англійская культура сотретъ многое, что намъ такъ близко.

Обычай вымираютъ, бытъ заполняется усовершенствованіями, гробницы и храмы осѣдаютъ и разрушаются.

Голубевъ, чуткій къ искусству, взялъ въ этомъ изученіи вѣрный луть. Не луть отшельника-ученаго, лѣтописца для будущиxъ вѣковъ, а луть повѣствователя на пользу и свѣдѣніе всѣмъ, кому дороги искусство и скованная имъ жизнь.

Мы поняли значеніе византійскихъ эмалей. Мы поняли, наконецъ, и цѣнность нашихъ прекрасныхъ иконъ. Теперь иконы уже вошли въ толпу, и значеніе ихъ укрѣплено. Черезъ Византію грезилась намъ Индія; вотъ къ ней мы и направляемся.

Не надо пророчествовать, чтобы такъ же, какъ объ иконахъ, сказать, что изученіе Индіи, ея искусства, науки, быта, будетъ ближайшимъ устремленіемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти поиски дадутъ отличныя послѣдствія. Но, повторяю, надо спѣшить. Надо не упустить многія послѣднія возможности.

Вотъ почему считаю, что дѣло, начатое В. В. Голубевымъ, должно насъ радовать чрезвычайно.

Надо знать, что за первую экспедиціей рѣшена и вторая. Въ будущемъ у Голубева растутъ планы, о которыхъ я еще не могу говорить.

Пусть Голубевъ самъ подробно ознакомитъ насъ со своими выводами и планами. Жаль, если французы съ ихъ вѣрнымъ чутьемъ скорѣе насъ поймутъ значеніе работы Голубева.

Желаю нашей академіи наукъ во-время еще серьезнѣе
обратить вниманіе на эти работы.

Желаю В. В. Голубеву всякой удачи и жду отъ него
безконечно многозначительнаго и радостнаго.

Къ чернымъ озерамъ ночью сходятся индійскія жен-
щины. Со свѣчами. Звонятъ въ тонкіе колокольчики. Вызы-
ваютъ изъ воды священныхъ черепахъ. Ихъ кормятъ. Въ
орѣхскую скорлупу свѣчи вставляютъ. Пускаютъ по озеру
Ищутъ судьбу. Гадаютъ.

Живетъ въ Индіи красота.

Заманчивъ великій Индійскій путь.

1913г

ДЪДУШКА.

„Пойдемъ къ дѣдушкѣ“.

Бѣжитъ веселая дѣтвора внизъ по лѣстницѣ. Минуемъ диванную и угловую. Пробѣгаемъ библіотекой по тонко-скрипучему полу.

Старый Федоръ впускаетъ въ высокую темную дверь дѣдушкина кабинета.

Все у дѣдушки особенное.

Нравятся намъ кресла съ драконами. Вотъ бы намъ такія въ дѣтскую! Хороши у дѣдушки часы съ длинной музыкой. Въ шкапахъ съ разноцвѣтными стеклами книги съ золотыми корешками. Висятъ черныя картины. Одна, кажется намъ, давно виситъ вверхъ ногами, но дѣдушка не любитъ, чтобы у него что-либо трогали.

Много приятныхъ вещей у дѣдушки. Красивый столъ можно вывернуть на десять фигуръ. Можно перебрать цвѣтные

чубуки въ высокой стойкѣ. Можно потрогать масонскіе знаки (не даетъ надѣвать) и ширмы со смѣшными фигурами.

А когда дѣдушка бываетъ добрый, и нога у него не болитъ, онъ откроетъ правый ящикъ стола.

Тутъ ужъ безъ конца всякихъ занятныхъ вещей.

А самъ-то дѣдушка какой миленькій! Бѣленькій, бѣленькій! Въ „гусарскомъ“ халатикѣ.

Полюбили мы бѣгать къ дѣдушкѣ послѣ всякихъ занятій.

Рады мы дѣдушкѣ.

Другое.

„Дѣдушка къ себѣ велеть итти“.

Сердитый дѣдушка. Высокій, сѣрый такой, колючій. Не угадать по нему сдѣлать. Все-то онъ лучше всѣхъ знаетъ. Все, что было при немъ, лучше всего. Все должно быть такъ, а не иначе. Ругаетъ и все что-то требуетъ.

„Иванъ, скажи дѣдушкѣ, что мы гулять ушли“.

Вернемся,—тамъ и обѣдать пора. Лучше завтра къ нему ходимъ.

Все равно, ругать будетъ.

Все хорошо, пока любь намъ дѣдовъ кабинетъ. Пока дѣдъ для насъ—милый и бѣлый.

Но когда сѣрый, жесткій дѣдъ заслонитъ нашу живую жизнь, крѣпкую только будущимъ,—тогда плохо. Тогда пропаль дѣдовъ кабинетъ. Какъ бы его потихоньку и не нарушили опять.

О почитаніи старины я говорилъ больше другихъ, но и боюсь за него.

Когда окружится старина всеобщимъ признаніемъ. Когда укрѣпится старина всякими строгими запретами. Когда изъ милой, даже гонимой, старины возвеличится и властно потребуетъ покорности,—тогда неугомонное, бурливое будущее можетъ дать сильный отпоръ. Послѣ спасенія старины и умиленія ею, какъ бы, не почувствовалось утомленіе, и чего Богъ упаси, не усомнились бы въ будущемъ современнаго творчества.

Покуда дѣдъ—не запретъ и отрицаніе, а благоуханная минута милой, мудрой старины, до тѣхъ поръ мы бѣжимъ къ нему. Но какъ только около дѣдова кабинета раздадутся запрещенія, отрицанія, угрозы,—тогда какъ бы молодое не ушло гулять. Скажутъ: намъ будущее дорсже. Еще недавно мы могли кричать:

— „Грѣхъ, смертный грѣхъ прикоснуться къ дѣдову кабинету. Грѣхъ переставитъ тамъ по своему неразумѣнію. Грѣхъ не стремиться въ милый кабинетъ бѣлаго, мудраго дѣда“.

И правда, теперь около старины, во славу ея, жизнь наполняется запретами и угрозами. Такъ въ новыхъ законахъ о сохраненіи старины предусмотрѣны всякія кары за нарушеніе старины, но нѣтъ никакой награды за заботу о ней.

Конечно, и грозить иногда приходится, но строить какую-либо жизнь на запретахъ и грозѣ нельзя, и я чувствую, что, смотря на будущее, пора сказать:

— „Пусть дѣдовъ кабинетъ останется самымъ милымъ, самымъ любимымъ мѣстомъ въ домѣ. Пусть дѣдъ не стѣсняетъ молодую жизнь. Пусть въ лучшія минуты мы стремимся къ дѣду. Пусть дѣдовы законы лягутъ въ основу, но лишь въ основу строенія будущаго“.

Лѣтомъ лишній разъ о мудрой старинѣ подумайте.

ГЛАЗЪ ДОБРЫЙ.

Добрый глазъ рѣдокъ. Дурной глазъ въ каждомъ домѣ найдется.

Мнѣ говорили, что Станиславскій заставляетъ своихъ учениковъ:

— „Умѣйте въ каждой вещи найти не худшее, но лучшее“.

Чуткій художникъ видитъ, что огромное большинство изъ насъ съ наслажденіемъ служитъ культу худшаго, не умѣя подойти ко всему, что радость приноситъ.

Съ великимъ рвеніемъ мы готовы произносить хулу передъ тѣмъ, что намъ не любо. Какое долгое время мы готовы проводить около того, что намъ показалось ствратительнымъ.

Встрѣча съ нелюбимымъ порождаетъ яркія слова, блестящія

сравненія. И быстры тогда наши рѣчи, и сильны движенія. И горять глаза наши.

Но зато какъ медленно скучны бываютъ слова ласки и одобренія. Какъ страшимся мы ийти и признать. Самый запасъ добрыхъ словъ становится бѣднымъ и обычнымъ. И потухаютъ глаза.

Удалось испытать одного любителя живописи. За нимъ ходилъ съ часами и незамѣтно замѣчалъ время, проводимое имъ около картинъ. Оказалось, около картинъ осужденныхъ было проведено времени слишкомъ вдвое больше, нежели около вещей одобренныхъ.

Не было потребности смотрѣть на то, что, казалось доставило радость; нужно было потратить время на осужденіе.

— „Теперь знаю, чѣмъ васъ удержать.—Надо окружить васъ вещами ненавистными“.

Мы, славяне, особенно ловинны во многоглаголаніи худшаго. Въ Европѣ уже приходятъ къ замалчиванію худого, конечно, кромѣ личныхъ выступленій.

Если что показалось плохимъ,—значитъ, оно не достойно обсуждения. Жизнь слишкомъ красива, слишкомъ велика, чтобы загрязнять себя зрѣлищемъ недостойнымъ. Слишкомъ много радостнаго, много заслуживающаго отмѣтки вниманія. Но надо знать бодрость и радость.

Надо знать, что нашему „я“ ничто не можетъ вредить. Остановливаясь передъ плохимъ, мы у себя отнимаемъ минуту радости. Удерживаемъ себя вмѣсто шага впередъ.

Учиться радости, учиться видѣть лишь бодрое и красивое! Если мы загрязнили глаза и слова наши, то надо

учиться ихъ очистить. Строго себя удержать отъ общенія съ тѣмъ, что не полюбилось.

И у насъ жизнь разрастется. И намъ недосугъ станетъ всматриваться въ ненавистное. Отойдетъ ликованіе злобы.

И у насъ откроется глазъ добрый.

СКАЗКИ.

ДѢТСКАЯ СКАЗКА.

Въ очень извѣстномъ и большомъ городѣ жилъ старый царь, вдовецъ. У царя была дочь, невѣста. Царевна далеко славилась и лицомъ и умомъ, и потому многіе весьма хорошіе люди желали сосватать ее. Среди этихъ жениховъ были и князья, воеводы и гости торговые, и ловкіе проходимцы, которые всегда толкаются въ знатныхъ домахъ и выискиваютъ, чѣмъ бы услужить; были разные люди. Царевна назначила день, когда могутъ притти къ ней женихи и сказать громко при ней и при всѣхъ, что каждый надѣется предоставить своей женѣ; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня и каждый считалъ себя лучше всѣхъ другихъ. Одинъ передъ другимъ хвалились женихи, кто именитымъ родомъ за тридцать поколѣній, кто богатствомъ, но одинъ изъ нихъ ничѣмъ не хвалился и никто не зналъ, откуда пришелъ онъ. Онъ хорошо умѣлъ

— складывать пѣсни; пѣсни его напоминали всѣмъ ихъ молодые, лучшие годы, при этомъ онъ говорилъ красиво и его любили слушать, даже забывая спросить кто этотъ пѣвецъ. И хотя онъ не былъ княземъ, но всѣ женихи обращались съ нимъ, какъ съ равнымъ.

Въ назначенный день всѣ женихи одѣлись получше и собрались въ палату, къ царю. Согласно обычаю, женихи поклонились царю и царевнѣ. Никого не пустилъ впередъ князь древняго рода, за нимъ слуги несли тяжелую, красную книгу. Князь говорилъ:

— „Царевна, мой родъ очень знатенъ. Въ этой книгѣ вписано болѣе ста поколѣній... И князь очень долго читалъ въ своей книгѣ, а подъ конецъ сказалъ: „И въ эту книгу впишу жену мою! Будетъ она ходить по палатамъ моимъ, а кругомъ будутъ образы предковъ весьма знаменитыхъ“.

— „Царевна,— говорилъ именитый воевода: — окрестъ громко и страшно имя мое. Спокойна будетъ жизнь женѣ моей и поклонятся ей люди—нимъ грозно имя мое“.

— „Царевна,— говорилъ залитый сокровищами, заморскій торговый гость:—жемчугомъ засыплю жену мою; пойдетъ она по изумрудному полю и въ сладкомъ покоѣ уснетъ на золотомъ пожѣ“.

Такъ говорили женихи, но пѣвецъ молчалъ и всѣ посмотрѣли на него.

— „Что же ты принесешь женѣ своей?—спросилъ пѣвца царь.

— „Вѣру въ себя ствѣтилъ пѣвецъ.

Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумленно вскинуль глазами старый царь, а царевна спросила:

— „Скажи, какъ пснять твою вѣру въ себя?“.

Пѣвецъ отвѣчалъ:

— „Царевна! Ты красива и много я слышалъ объ умѣ твоёмъ, но гдѣ же дѣла твои? Нѣтъ ихъ, ибо нѣтъ въ тебѣ вѣры въ себя. Выходи, царевна, замужъ за князя древняго рода и каждый день читай въ его алой книгѣ имя свое и вѣрь въ алую книгу! Выходи же, царевна, замужъ за именитаго гостя торговаго, засыпь палаты свои сверкающимъ золотомъ и вѣрь въ это золото! Въ покоѣ спи на золотомъ ложѣ и вѣрь въ этотъ покой! Покоемъ, золотомъ, алыми книгами закрывайся, царевна, отъ самой себя! Моего имени нѣтъ въ алой книгѣ, не могъ я засыпать эту палату золотомъ и куда иду я—тамъ не читаютъ алой книги и золото тамъ не цѣнно. И не знаю, куда иду я, и не знаю, гдѣ путь мой. И не знаю, куда приду я и нѣтъ мнѣ границъ, ибо я вѣрю въ себя!...“

— „Обожди, прервалъ пѣвца царь:—но имѣешь ли ты право вѣрить въ себя?“

Пѣвецъ же ничего не отвѣтилъ и запѣлъ веселую пѣсню; улыбнулся ей царь, радостно слушала ее царевна и лица всѣхъ стали ясными. Тогда пѣвецъ запѣлъ грустную пѣснь; и примолкла палата и на глазахъ царевны были слезы. Замолчалъ пѣвецъ и сказалъ сказку; не о властномъ искусствѣ говорилъ онъ, а о томъ, какъ шли въ жизнь разные люди и пришлось имъ возвращаться назадъ и кому было легко, а кому тяжело. И молчали всѣ и царь голову опустилъ.

— „Я вѣрю въ себя, сказалъ пѣвецъ и никто не смѣялся надъ нимъ. „Я вѣрю въ себя, продолжалъ онъ, и эта вѣра ведетъ меня впередъ; и ничто не лежитъ на пути моемъ. Будетъ ли у меня золото, впишутъ ли имя мое въ алыхъ

книгахъ, но повѣрю я не золоту и не книгѣ, а лишь самому себѣ и съ этою вѣрой умру я и смерть мнѣ будетъ легка“.

— „Но ты оторвешься отъ міра. Люди не простятъ тебѣ. Вѣря лишь въ себя, одиноко пойдешь ты и холодно будетъ идти тебѣ, ибо кто не за насъ—тотъ противъ насъ, сурово сказалъ царь.

Но пѣвецъ не отвѣтилъ и снова запѣлъ пѣсню. Пѣлъ онъ о яркомъ восходѣ; пѣлъ, какъ природа вѣритъ въ себя и какъ онъ любитъ природу и живетъ ею. И разгладились брови царя и улыбнулась царица, и сказалъ пѣвецъ:

— „Вижу я—не сочтутъ за врага меня люди и не оторвусь я отъ міра, ибо пою я, а пѣсня живетъ въ мірѣ и міръ живетъ пѣсней; безъ пѣсни не будетъ міра. Меня сочли бы врагомъ, если бы я уничтожилъ что-либо, но на землѣ ничто не подлежитъ уничтоженію и я создаю и не трогаю оплотовъ людскихъ. Царь, челсвѣкъ умѣстившій любовь ко всей природѣ, не найдетъ развѣ въ себѣ любви—къ чело-вѣку? Возлюбившій природу не отломитъ безъ нужды вѣтки куста, и чело-вѣка ли смететъ онъ съ пути“?

И кивнула головой царица, а царь сказалъ:

— „Не въ себя вѣришь ты, а въ пѣсню свою“.

Пѣвецъ же отвѣтилъ:

— „Пѣсня лишь часть меня; если повѣрю я въ пѣсню мою больше чѣмъ въ самого себя, тѣмъ разрушу я силу мою и не буду спокойно пѣть мои пѣсни и не будутъ, какъ теперь, слушать ихъ люди, ибо тогда я буду пѣть для нихъ, а не для себя. Все я дѣлаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя, и пока буду пѣть для себя, дотолѣ будутъ слушать меня. Я вѣрю въ себя въ пѣснѣ моей; въ

пѣснѣ моей—всѣ для меня, пѣсню же я пою для всѣхъ!
Въ пѣснѣ люблю лишь себя одного, пѣсней же я всѣхъ
люблю! Весь для всѣхъ, всѣ для меня—все въ одной пѣснѣ.
И я вѣрю въ себя и хочу смѣрять на любовь. И какъ пою
я лишь для себя, а пѣсню моею живлю всѣхъ—такъ пусть
будетъ вѣки. Поведу жену въ далекій путь. Пусть она
вѣритъ въ себя и вѣрою этой даетъ счастье многимъ!

— „Хочу вѣры въ себя; хочу идти далеко; хочу съ вы-
сокой горы смотрѣть на восходъ“!... сказала царица.

И двинулись всѣ.

И шумѣлъ за окномъ вѣтеръ и гнулъ деревья и гналъ
на сухую землю дождевые тучи—онъ вѣрилъ въ себя.

1893.

ГРИМРЪ-ВИКИНГЪ.

Гримръ, викингъ, сдѣлался очень старъ. Въ прежніе годы онъ былъ лучшимъ всждемъ и о немъ знали даже въ дальнихъ странахъ. Но теперь викингъ не выходитъ уже въ море на своемъ быстроходномъ драконѣ. Уже десять лѣтъ не вынималъ онъ своего меча. На стѣнѣ виситъ длинный щитъ, кожей обитый, и орлиныя крылья на шлемѣ покрыты паутной и сѣрою пылью.

Гримръ былъ знатный человекъ. Днемъ на высокомъ крыльцѣ сидитъ викингъ, творитъ правду и судъ и мудрымъ окомъ смотритъ на людскія ссоры. А къ ночи справляетъ викингъ дружескій праздникъ. На дубовыхъ столахъ стоитъ хорошее убранство. Дымятся яства изъ гусей, оленей, лебедей, и другой разной снѣди.

Гримръ долгое темное время проводитъ съ друзьями. Пришли къ нему разные друзья. Пришелъ изъ Медвѣжьей

Долины Олавъ Хаки съ двумя сыновьями. Пришелъ Гаральдъ изъ рода Минговъ отъ Мыса Камней. Пришелъ Эйрикъ, котораго за рыжіе волосы называютъ Краснымъ. Пришли многіе храбрые люди и пировали въ домѣ викинга.

Гримръ налилъ въ ковшъ меду и подаль его, чтобы всѣ пили и каждый сказалъ бы свою лучшую волю. Всѣ говорили разное. Богатые желали почета. Бѣднымъ хотѣлось быть богатыми. Тѣ которые были поглупѣе, просили жизни сначала, а мудрые заглядывали за рубежъ смерти. Молодые хотѣли отличиться въ бою, имъ было страшно, что жизнь пройдетъ въ тишинѣ безъ побѣды.

Гримръ взялъ ковшъ самый послѣдній, какъ и подобаешь хозяину, и хотѣлъ говорить, но задумался и долго смотрѣлъ внизъ, а волосы бѣлой шалкой легли на его лобъ. Потомъ викингъ сказалъ:

— „Мнѣ хочется имѣть друга, хоть одного вѣрнаго друга!“.

Тогда задвигались вокругъ Гримра его гости, такъ что закрипѣли столы, всѣ стали наперерывъ говорить:

— Гримръ, такъ говорилъ Олавъ, который пришелъ изъ Медвѣжьей Долины: — развѣ я не былъ тебѣ другомъ? Когда ты спѣшилъ спасти жизнь твою въ изгнаніи, кто первый тебѣ протянулъ руку и просилъ короля вернуть тебя? Вспомни о другѣ!“.

Съ другой стороны старался заглянуть въ глаза Гримра викингъ Гаральдъ и говорилъ, а рукою грозилъ...

— „Эй олушай Гримръ! Когда враги сожгли усадьбу твою и унесли казну твою, у кого въ то время жилъ ты? Кто съ тобою строилъ новый домъ для тебя? Вспомни о другѣ!“.

Рядомъ, какъ воронъ, каркалъ очень старый Эйрикъ, прозвищемъ Красный:

„Гримръ! Въ битвѣ у Полунощной Горы кто держаль щить надъ тобою? Кто вмѣсто тебя приняль ударъ? Вспомни о другѣ!“

— „Гримръ! Кто оласть отъ враговъ жену твою? Вспомни о другѣ!“

— „Слушай Гримръ! Кто послѣ несчастнаго боя прѣ Тюленьемъ заливѣ первый пришель къ тебѣ! Вспомни о другѣ!“

— Гримръ! Кто не повѣрилъ когда враги на тебя клеветали. Вспомни! Вспомни!

— „Гримръ, ты сказалъ неразумное слово! Ты, уже сѣдой и старей, много видалъ въ жизни! Горько слышать, какъ забыль ты о друзьяхъ, вѣрныхъ тебѣ даже во времена твоего горя и несчастій“.

Гримръ, тогда всталъ и такъ началъ:

— „Хочу я сказать вамъ. Помню я все, что вы сдѣлали мнѣ; въ этомъ свидѣтелями называю боговъ. Я люблю васъ, но теперъ вспомнилась мнѣ одна моя очень старинная дума и я сказалъ невозможное слово. Вы, товарищи мои, вы друзья въ несчастьяхъ моихъ и за это я благодарю васъ. Но скажу правду: въ счастье не было [у меня друзей. Не было ихъ и вообще, ихъ на землѣ не бываетъ. Я былъ очень рѣдко счастливымъ; даже не трудно вспомнить, при какихъ дѣлахъ.“

Былъ я счастливъ послѣ битвы съ датчанами, когда у Лебединаго мыса мы потопили сто датскихъ ладей. Громко трубили рога; всѣ мои дружинники запѣли священную пѣсню и понесли меня на щитѣ. Я былъ счастливъ. И мнѣ говорили всѣ пріятныя слова, но сердца друзей молчали,

У меня не было друзей въ счастьѣ.

Былъ я счастливъ, когда король позвалъ меня на охоту. Я убилъ двѣнадцать медвѣдей и спасъ короля, когда лось хотѣлъ бодать его. Тогда король поцѣловалъ меня и назвалъ меня лучшимъ мужемъ. Всѣ мнѣ говорили пріятное, но не было пріятно на сердцѣ друзей.

Я не знаю въ счастьѣ друзей.

Ингерду, дочь Минга, всѣ называли самою лучшею дѣвою. Изъ-за нея бывали поединки и отъ нихъ умерло не мало людей. А я женою привелъ ее въ домъ мой. Меня величали и мнѣ было хорошо, но слова друзей шли не отъ сердца.

Не вѣрю, есть ли въ счастьѣ друзья.

Въ Гулѣ на вѣчѣ Одинъ послалъ мнѣ полезное слово. Я сказалъ это слово народу и меня считали спасителемъ, но и тутъ молчали сердца моихъ друзей.

При счастьѣ никогда не бываетъ друзей.

Я не помню матери, а жена моя была въ живыхъ недолго. Не знаю, были ли онѣ такими друзьями. Одинъ разъ мнѣ пришлось увидать такое. Женщина кормила блѣднаго и бѣднаго ребенка, а рядомъ сидѣлъ другой—здоровый и ему тоже хотѣлось поѣсть. Я спросилъ женщину, почему она не обращаетъ вниманія на здороваго ребенка, который былъ, къ тому же, и пригожъ. Женщина мнѣ отвѣтила: „Я люблю обоихъ, но этотъ больной и несчастный“.

Когда несчастье бываетъ, я, убогій, держусь за друзей. Но при счастьѣ я стою одинъ, какъ будто на высокой горѣ. Человѣкъ во время счастья бываетъ очень высоко, а наши сердца открыты только внизъ. Въ моемъ несчастьѣ вы, товарищи, жили для себя.

Еще скажу я, что мои слова были невозможными и въ
счастѣннѣ друга, иначе онъ не будетъ человѣкомъ.

Всѣ нашли слова викинга Гримра странными и много
ему не повѣрили.

1899.

В О Ж Д Ъ.

Таково преданіе о Чингизъ-ханѣ, вождѣ Темучинѣ.

Родила Чингизъ-хана нелюбимая ханша.
Сталь Чингизъ-ханъ немилымъ сыномъ отцу.
Отець отослалъ его въ дальнюю вотчину.
Собралъ къ себѣ Чингизъ другихъ нелюбимыхъ.
Глупо сталъ жить Чингизъ-ханъ.
Бралъ оружіе и невольницъ, выѣзжалъ на охоту.
Не давалъ Чингизъ о себѣ вѣстей.

Вотъ будто упился Чингизъ кумысомъ,
И побился съ друзьями на смертный закладъ,
Что никто отъ него не отстанеть!
Тогда сдѣлалъ стрѣлку-свистунку Чингизъ.
Слугамъ сказалъ привести коней.
Конными поѣхали всѣ его люди.
Началъ дѣло свое Чингизъ-ханъ.

Вотъ Чингизъ выѣхалъ въ степь,
Подъѣзжаетъ ханъ къ табунамъ своимъ.
Неждано пускаетъ свистунку Чингизъ.
Пускаетъ въ лучшаго коня десятиверстнаго.
А конь для татаръ—сокровище.
Иные убоялись застрѣлить коня.
Имъ отрубили головы.

Опять ѣдетъ въ степь Чингизъ-ханъ.
И вдругъ пускаетъ свистунку въ ханшу свою.
И не всё пустили за нимъ свои стрѣлы.
Тѣмъ, кто убоялся, сейчасъ сняли головы.
Начали друзья бояться Чингиза,
Но связалъ онъ ихъ всѣхъ смертнымъ закладомъ.
Молодецъ былъ Чингизъ-ханъ!

Подъѣзжаетъ Чингизъ къ табунамъ отца.
Пускаетъ свистунку въ отцовскаго коня.
Всѣ друзья пустили стрѣлы туда же.
Такъ приготовилъ къ дѣлу друзей,
Испыталъ Чингизъ преданныхъ людей.
Не любили, но стали бояться Чингиза.
Такой онъ былъ молодецъ!

Вдругъ большое началъ Чингизъ.
Онъ поѣхалъ къ ставкѣ отца своего
И пустилъ свистунку въ отца.

Всѣ друзья Чингиза пустили стрѣлы туда же.
Убилъ стараго хана цѣлый народъ!
Сталъ Чингизъ ханомъ надъ Большой Ордой!
Вотъ молодець былъ Чингизъ-ханъ.

Сердились на Чингиза Сосѣдніе Дома.
Надъ молодымъ Сосѣдніе Дома возгордились.
Посылаютъ сердитаго гонца:
Отдать имъ всѣ табуны лучшихъ коней,
Отдать имъ украшенное оружіе,
Отдать имъ всѣ сокровища ханскія!
Поклоиился Чингизъ-ханъ гонцу.

Созвалъ Чингизъ своихъ людей на совѣтъ
Стали шумѣть совѣтники;
Требуютъ: „идти войною на Сосѣдній Домъ“.
Отослалъ Чингизъ такихъ совѣтниковъ.
Сказалъ: „нельзя воевать изъ за коней“,
И послалъ все ханамъ сосѣднимъ.
Такой былъ хитрый Чингизъ-ханъ.

Совсѣмъ загордились ханы Сосѣдняго Дома.
Требуютъ; „прислать имъ всѣхъ ханскихъ женъ“.
Зашумѣли совѣтники Чингизъ-хаана,
Жалѣли женъ ханскихъ и грозились войною.
И опять отослалъ Чингизъ совѣтниковъ.

И отправилъ Сосѣднему Дому всѣхъ своихъ женъ.
Такой былъ хитрый Чингизъ-ханъ.

Стали безмѣрно гордиться ханы Сосѣдняго Дома.
Звали людей Чингизовыхъ трусами,
Обидно поносили они ордыщевъ Большой Орды,
И, въ гордости, убрали ханы стражу съ границы.
И забавлялись ханы съ новыми женами.
И гонялись ханы на чужихъ коняхъ.
И злоба рссла въ Большой Ордѣ.

Вдругъ ночью всталъ Чингизъ-ханъ.
Велить всей ордѣ идти за нимъ на коняхъ.
Вдругъ нападаетъ Чингизъ на хановъ Сосѣдняго Дома.
Полонилъ всю ихъ орду.
Отбираетъ сокровища и коней и оружiе.
Отбираетъ назадъ всѣхъ своихъ женъ,
Многихъ даже нетроиутыхъ.

Славили побѣду Чингиза совѣтники.
И сказалъ Чингизъ старшему сыну Откаю:
„Съумѣй сдѣлать людей гордыми.
И гордость ихъ сдѣлаетъ глупыми.
И тогда ты возьмешь ихъ“.
Славили хана по всей Большой Ордѣ;
Молодецъ былъ Чингизъ-ханъ!

Положилъ Чингизъ Ордѣ вѣчный уставъ:
„Завидующему о жеиѣ—отрубить голову,
„Говорящему хулу—отрубить голову,
„Отнимающему имущество—отрубить голову,
„Убившему мирнаго—отрубить голову,
„Ущедшему къ врагамъ—отрубить голову“.
Положилъ Чингизъ каждому наказаніе.

Скоро имя Чингиза вездѣ возвеличилось.
Всялись Чингиза всѣ князья.
Какъ никогда богатѣла Большая орда.
Завели ордынцы себѣ много женъ.
Въ шелковыя одежды одѣлись.
Стали сладко ѣсть и пить.
Всегда молодецъ былъ Чингизъ-ханъ.

Далеко видитъ Чингизъ-ханъ.
Приказалъ друзьямъ: разорвать шелковую ткань
И прикинуться больными отъ сладкой ѣды.
Пусть наредѣ по старому пьеть молоко,
Пусть носятъ одежду изъ кожъ,
Чтобы Большая Орда не разнѣжилась.
У насъ молодецъ былъ Чингизъ-ханъ!

Всегда готова къ бою была Большая Орда
И Чингизъ нежданно водилъ Орду въ степь.
Покорилъ всѣ степи Таурменскія.

Взялъ всё пустыни Монгульскія.

Покорилъ весь Китай и Тибетъ.

Овладе́лъ землею отъ Краснаго моря до Каспя.

Вотъ былъ Чингизъ-ханъ-Темучинъ!

Поплѣнилъ Ясовъ, Обезовъ и Половцевъ

Торковъ, Косоговъ, Хозаровъ,

Алановъ, Ятвяговъ разбилъ и прогналъ.

Тридцать народовъ, тридцать князей

Обложилъ Чингизъ данью и податью.

Громилъ землю русскую, угрожалъ кесарю.

Темучинъ-Чингизъ-ханъ такой молодецъ былъ.

1904.

МАРѢА ПОСАДНИЦА.

По Мстѣ, красивой, стоятъ городища. На Тверской сторонѣ во Млевѣ былъ монастырь. Слышно, въ немъ скрывалась посадница МарѢа. Въ немъ жила четырнадцать лѣтъ. Въ немъ и кончилась.

Есть могила МарѢы во Млевѣ. Тайно ее тамъ схоронили. Уложили въ цвѣтной кафельный склепъ. Прятали отъ враговъ. Такъ считаютъ. Уже сто лѣтъ думаютъ такъ, и склепъ не открытъ до сихъ поръ.

Чудеса творятся у могилы МарѢы. Съ разныхъ концовъ новгородской земли туда идетъ народъ. Со всѣми болѣзнями, со всѣми печалями. И помогаетъ МарѢа.

Является посадница въ черной одеждѣ съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. Во снѣ является недугующимъ и посылаетъ на могилу свою. Идутъ. Молятся. И выздоравливаютъ.

МарѢа-заступница! МарѢа-помощница всѣмъ новгород-

цамъ! Лукавымъ, не исполнившимъ обѣщанія, Марѳа истить. Насылаеть печаль еще горшую.

Въ старую книгу при млевской церкви іереи вписали длинный рядъ чудесъ Марѳы. Простодушно вписали вмѣстѣ съ извѣстіями объ урожаяхъ, надежахъ, непогодахъ.

Съ Тверской стороны не являются на могилу Марѳы. Обаяніе ея туда не проходитъ. Къ посадищъ идутъ только отъ новгородскихъ пятинъ. Идутъ, почему не знаютъ. Служать молебны. Тайственный атавизмъ ведетъ новгородцевъ ко млевской могилѣ.

Когда рѣчь идетъ о націонализмѣ искусства, вспоминаю этотъ путь новгородцевъ. Мы мало различаемъ чванный пестрый націонализмъ отъ мистики атавизма. Пустую оболочку—отъ внутреннихъ нитей. Мѣшаются часто послѣдовательности, племенная и родовая.

Уже не смѣемся, а только не доверяемъ перевоплощенію. Съ недоумѣніемъ подбираемъ „странные“ случаи. Иногда страшимся ихъ. Уже не брсаемъ ихъ въ кучу, огуломъ. То, что четверть вѣка назадъ было только смѣшно, теперь наполняется особымъ значеніемъ.

Новыя границы проводятся въ искусствѣ. Пестрый маскарадъ зипуна и мурмолки далеко отдѣляется отъ красствъ старины въ вѣрномъ ихъ смыслѣ. Привязныя бороды сстаются на крюкахъ балагана.

Передъ истиннымъ знаніемъ отпадутъ грубые предразсудки. Новыя глубины откроются для искусства и знанія. Именно атавизмъ подскажетъ, какъ нужно любить то, что прекрасно для всѣхъ и всегда. Чарами атавизма открывается намъ лучшее изъ прошлаго.

Заплаты бѣдности, нашивки шутовскія нужны съумѣть

снять. Надо сумѣть открыть въ полномъ видѣ трогательный обликъ человѣческихъ душъ. Эти образы смутно являются во снѣ,—вѣхи этихъ путей на яву трудно открыть.

Время стрсить сущность земли. Подъ землю не спря- тать того, что нужно народу. Незнаемый никѣмъ склепъ Новгородъ помнить. Славить хозяйку. Тайкомъ служить молебнѣ.

Мареа, сильная духомъ, намъ помощи.

1906.

СТАРИННЫЙ СОВѢТЪ.

Въ одной старинной итальянской рукописи, кажется, пятнадцатаго столѣтія, — начальныя страницы и всѣ украшенія книги были вырваны благородною рукою любителя библиотекъ, — простодушию рассказывается о томъ, какъ пришелъ ученикъ къ учителю-живописцу Сано-ди Пьетро за совѣтомъ о свей картинѣ.

Учитель трудился надъ спѣшной работой и не могъ придти на зовъ ученика, начавшаго самостоятельно картину «Поклоненіе волховъ» для небольшой сельской церкви Сиенскаго округа.

Учитель сказалъ:

— Мой милый, я далъ слово настоятелю Монтефалько не покидать своего дома, пока не закончу заказанное имъ «Коронованіе Пресвятой Дѣвы». Но скажи, въ чемъ сомнѣнія

твой. Я боюсь, не слишкомъ ли долго проработалъ ты у меня, — что теряешься теперь передъ своею работою.

— Почтенный учитель, — сказалъ ученикъ, — картина моя сложна, и трудно мнѣ сочетать отдѣльныя части ея. Какъ лучше писать темную оливковую рошу на красноватомъ утесѣ, — вдали. Видны ли тамъ стволы деревьевъ и насколько отчетливъ рисунокъ листвы?

— Мой милый, пиши такъ, какъ нужно тебѣ.

— Плащъ Богородицы пслонъ золотого рисунка. Лучше ли перебить его мелкими складками или навести рисунокъ въ большихъ плоскостяхъ?

— Сдѣлай его такъ, какъ нужно тебѣ.

— Почтенный учитель, ты слишкомъ занятъ превосходною работою овоей, я лучше помолчу до времени ближайшаго отдыха.

— Мой милый, я не думаю отдыхать скоро, а тебѣ нельзя терять время, если въ картинѣ твоей такъ много неоконченнаго. Я все слышу и отвѣчаю тебѣ, хотя и съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Голсвы воиновъ, сопровождающихъ царей, многочисленны; найти ли для нихъ общую линію или дать каждую голову и изъ частей получить абрисъ толпы?

— Просто такъ, какъ тебѣ нужно.

— Я сдѣлалъ кусты на дальнихъ поляхъ и полосами струи рѣки, но захотѣлось дать ихъ отчетливо, какъ только инсгда видить свѣжій глазъ. Захотѣлось въ водѣ увидѣть волны и челнокъ на нихъ и даже весло въ рукахъ гребца. Но вѣдь это вдали?

— Нѣтъ ничего проще; сдѣлай такъ, какъ нужно.

— Учитель, мнѣ дѣлается страшно. Можетъ быть, все-

таки скажешь мнѣ, стоитъ ли короны царей сдѣлать выпуклыми или только для вѣнцовъ оставить накладное золото?

— Положи золото тамъ, гдѣ нужно.

— Мнѣ приходитъ въ мысль, не сдѣлать ли на ягнятахъ волокна шерсти. Положимъ, они почти не видны, но вспомни, какія шелковистыя, мягкія пряди лежатъ на ягнятахъ, такъ и хочется сдѣлать ихъ тонкою кистью, но въ общей картинѣ онѣ почти не видны.

— Дѣлай ихъ такъ, какъ нужно.

— Учитель, я не вижу въ отвѣтахъ твоихъ совѣта моему дѣлу. Я знаю, что все должно быть такъ, какъ нужно, но какъ нужно—затемнилсь у меня сейчасъ.

— Скажи, ставилъ ли тебѣ какія-нибудь условія работы отецъ Джіованни?

— Кромѣ срока, никакихъ условій. Онъ сказалъ: Бенвенуто, напиши хорошее изображеніе: «Поклоненіе трехъ волхвовъ Пресвятому Младенцу», и я заплачу тебѣ десять дукатовъ изъ монастырскихъ суммъ. Потомъ назначилъ срокъ работы и размѣры доски. Но во время работы являлись мнѣ разныя мысли отъ желанія сдѣлать лучшее изображеніе. И къ тебѣ, учитель, по прежнему обратился я съ добрымъ совѣтомъ. Скажи, что же значитъ, „какъ нужно“?

— Какъ нужно, значитъ, все должно быть такъ, какъ хорошо.

— Но какъ же такъ, какъ хорошо?

— Несчастный, непонятливый Бенвенуто, о чемъ мы всегда съ тобой говорили? Какое слово часто повторялъ я

тебѣ? Такъ, какъ хорошо, можетъ значить лишь одно— такъ, какъ красиво.

— А красиво?

— Бенвенуто, выйди за двери и иди къ саложнику Габакку и скажи: возьми меня мять кожи, я не знаю, что такое „красиво“. А ко мнѣ не ходи и лучше не трогай работы своей.

Послѣ этой исторіи въ рукописи идетъ сообщеніе о рецелтахъ варки оливковаго масла и объ употребленіи косточекъ оливы. Затѣмъ еще разсказъ о пизанскомъ гражданинѣ Чирилли Кода, погребенномъ заживо. Но два послѣднихъ разсказа для насъ интереса не представляютъ.

1906

ВЕЛИКІЙ КЛЮЧАРЬ.

Вотъ почему ночью летаютъ свѣтлыя мушки.

Грѣшныя души отъ земли хотѣли подняться. Хотѣли найти ворота райскія и воззвали души къ великому ключарю, апостолу:

— „Отець ключарь! Хотимъ идти къ воротамъ твоимъ! Теми намъ, пути не найти“!

Отвѣтилъ сверху апостоль:

— „Вижу васъ, жалкія! Вижу васъ темныя! Вотъ стою я. Свѣтлы ворота мои, это вы, темныя, идете во мракъ“.

Плакались души внизу:

„Отець ключарь! Петръ апостоль! Свѣта нѣтъ у насъ. Темны пути наши. Дай намъ свѣточы, съ ними увидимъ тебя. Пустынно въ поляхъ и холодные камни“.

„Неразумныя! Чего къ землѣ приникаете? Оставьте пути темныя. Идите путями верхними“.

Души просили:

„Свѣта, свѣта дай намъ. Хоть одну искру дай намъ. Темно и не знаемъ мы, гдѣ идти намъ на верхъ“.

И сказалъ послѣднее апостоль:

— „Малыя, малѣйшія, не знаете, что затемнило путь вашъ. Дамъ вамъ свѣточа; свѣтите себѣ, но нѣтъ темной дороги въ свѣтлыя страны. Просите свѣточа, но свѣточъ, не есть свѣтъ“.

Такъ далъ великій ключарь свѣточа грѣшнымъ душамъ и ночью видятъ ихъ даже люди.

И летаютъ быстро, ищутъ ворота Рая грѣшныя души. И летаютъ вѣчно и есть у нихъ свѣточа.

ЛЮТЬ ВЕЛИКАНЪ.

На рогъ крикунѣ подь краснымъ боромъ,
На озерѣ жилъ Лютъ-Великанъ,
Очень сильный, очень большой, только добрый.
Лютый звѣрье гоняль,
Борода у Люта—
    На семь концовъ.
Шапка на Лютѣ—
    Во сто песцовъ.
Кафтанъ на Лютѣ—
    Сѣрыхъ волковъ.
Топоръ у Люта—
    Красный кремень.
Колье у Люта—
    Бѣлый кремень.
Стрѣлки у Люта черныя,
    Приворотливыя.

Лютовы братаны за озеромъ жили.

На горѣ-городкѣ избу срубили.

Съ Крикуна рога братанамъ кричалъ,

Перешептывалъ.

Врату за озеро топоръ подавалъ.

Перекидывалъ.

Съ братомъ за озеромъ охотой

Ходилъ;

Съ братомъ на озерѣ неводъ

Ташилъ;

Съ братомъ за озеромъ пиво

Варилъ;

Смолы курилъ, огонь добывалъ,

Костры раздувалъ, съ сестрою гулялъ,

Ходилъ въ гости за озеро.

Шагнулъ да не ладно—

Сталъ тонуть;

Завязъ великанъ Лють

По-поясъ.

Плохо пришлось.

Собака скакнула за нимъ—

Потонула.

Некому братановъ повѣстить.

Невидать никого и на день ходьбы.

Озеро плескаеть.

Вѣтеръ шумить.

Осокою сама смерть идетъ.

Загпянулъ великанъ подъ облако.

Летить нырь.

Крикнулъ великанъ:

„Видишь до воды?“

„Вижу-у“ отвѣтъ даетъ.

Скажи братанамъ:

„Тону-у, тону-у!“

Летить нырь далеко.

Кличеть нырь звонко.

„Тону-у, тону-у!“

Не знаетъ нырь,

Что кричить про бѣду.

Не бѣда нырю на озерѣ.

Озеро доброе.

Худо нырю отъ лѣсовъ,

Отъ полей.

Братаны гогочуть,

Ныря не слышать.

Лося въ трясинѣ загнали.

Пришли братаны,

А Лють утонулъ.

Сложили могилу длинную,

А для собаки круглую.

Извелась съ тоски Лютова сестра

За озеромъ.

Покидали великаны горшки

Въ озеро.

Схоронили топоры подъ кореиьями.

Бросили жить великаны въ нашемъ

Краю.

Живетъ нырь на озерѣ

Издавна.

Птица глупая. Птица

Вѣщая.

Перепуталъ нырь клики

Великансвы.

На вѣдро кричить:

„Тону-у, тону-у!“

Будто тонеть хлопаеть

Крыльями.

Подъ ненастье гогсчетъ:

„Го-го, Го-го“.

Надъ водою летить, кричить.

„Бижу-у!“

Знаеть народъ Люто озеро,

Знаеть могилы длинныя,

Длинныя могилы великановы.

А длина могиламъ—тридцать сажений.

Помнятъ великановъ плёсы сзерные.

Знають великановъ пенья дубовые.

Великаны снесли камни на мѣгилы.

Какъ ушли великаны помнить народъ.

Повелсь изстари такъ,

Говорю: былс такъ.

ДЕВАССАРИ АБУНТУ.

Такъ псютъ про Девассари Абунту.

Знала Абунту, что сказала Будда про женщину Анандѣ, и уходила она отъ мужей, а тѣмъ самымъ и отъ женъ, ибо гдѣ мужи, тамъ и жены. И ходила Абунту по долинамъ Рамии и Сокки и въ темнотѣ только приходила въ храмъ. И даже жрецы мало видѣли и знали ее. Такъ не искушала Абунту словъ Будды.

И вотъ сдѣлалось землетрясеніе. Всѣ люди побѣжали, а жрецы наговорили, что боги разгнѣвались. И запрятались всѣ въ погребахъ и пещерахъ, и стало землетрясеніе еще сильнѣе, и всѣ были задавлены. И, правда, удары въ землѣ были ужасны. Горы тряслись. Стѣны построекъ сыпались и даже самыя крѣпкія развалились. Деревья поломались и, чего бльше, рѣки побѣжали по новымъ мѣстамъ.

Одна только Девассари Абунту осталась въ дсмѣ и не

боялась того, что должно быть. Она знала, что вѣчному богу гнѣвъ недоступенъ, и все должно быть такъ, какъ оно есть. И осталась Девассари Абунту на пустомъ мѣстѣ, безъ людей.

Люди не пришли больше въ тѣ мѣста. Заѣри не воѣ вернулись. Одрѣ птицы прилетѣли къ старымъ гнѣздамъ. Научилась понимать птицъ Девассари Абунту. И ушла она въ тѣхъ же нарядахъ, какъ вышла въ долину, безъ времени, не зная мѣста, гдѣ живетъ она. Утромъ къ старсму храму собирались къ ней птицы и говорили ей разное: про умершихъ людей, части которыхъ нссились въ воздухъ. И знала Абунту многое занимательное, завершенное смертью, незнаемое людьми.

Если солнце свѣтило очень жарко, летали надъ Девассари бѣлыя павы, и хвосты ихъ сверкали и бросали тѣнь и трепетаньемъ нагоняли прсхладу. Страшные другимъ, грифты и целебесы, ночью сидѣли вокругъ спящей и хранили ее. Золотые фазаны несли лѣсные плоды и вкусные корни. Только не знаемъ, а служили Абунту и другія птицы—всѣ птицы.

И Девассари Абунту не нуждалась въ людяхъ. Все было ей вмѣстѣ людей: и птицы, и камни, и травы, и всѣ части жизни. Одна она не была. И вотъ, слушайте изумительнсе, Абунту не измѣнилась тѣломъ, и нравъ ея оставался все тотъ же. Въ ней гнѣва не было; она жила и не разрушалась.

Только утромъ рано прилетѣли къ Девассари лучшія птицы и сказали ей, что уже довольно жила она и время теперь умереть. И пошла Абунту искать камень смерти. И вотъ приходитъ въ пустыню, и лежать на ней мнсіе камни,

темные. И ходила между ними Абунту и просила ихъ принять ея тѣло. И поклонилась до земли. И такъ осталась въ поклонѣ и сдѣлалась камнемъ.

Стоить въ пустынѣ черный камень, полный синяго огня. И никто не знаетъ про Девассари Абунту.

ЛАУХМИ ПОВѢДИТЕЛЬНИЦА.

На востокъ отъ горы Зентъ-Лхамо, въ свѣтломъ саду живетъ благая Лаухми, богиня Счастья. Въ вѣчной работѣ она украшаетъ свои семь покрываль успокоенія,—это знаютъ всѣ люди. Всѣ они чтутъ богиню Лаухми.

Боятся всѣ люди сестру ея Сиву Тандаву, богиню разрушенія. Она злая и страшная и гибельная.

Но вотъ идетъ изъ-за горъ Сива Тандава. Злая пожаловала прямо къ жилищу Лаухми. Тихо подошла злая богиня и, усмиривъ голосъ свой, позвала Лаухми.

Отложила благая Лаухми свои драгоценныя покрывала и пошла на зовъ. А за нею идутъ свѣтлыя дѣвушки съ полными грудями и круглыми бедрами.

Идетъ Лаухми, открывъ тѣло свое. Глаза у нея очень большіе. Волосы очень темные. Запястья на Лаухми золотыя. Ожерелье—изъ жемчуга. Ногти янтарнаго цвѣта. Во-

кругъ груди и плечей, а также на чревѣ и внизъ до ступней, разлиты ароматы изъ особенныхъ травъ.

Лаухми и ея дѣвушки были такъ чисто умыты, какъ послѣ грозы изваянія храма Абенты.

Все доброе ужаснулось при видѣ злой Сивы Тандавы. Такъ ужасна была она даже въ смиренномъ видѣ своемъ. Изъ песьей пасти торчали клыки. Тѣло было такъ красно и такъ безстыдно обросло волосами, что непристойно было смотрѣть.

Даже запястья изъ горячихъ рубиновъ не могли украсить Сиву Тандаву; охъ, даже думаютъ, что она была и женщиною.

Злая сказала:

— Слава тебѣ, Лаухми, добрая, родня моя! Много ты натворила счастья и благоденствія. Даже слишкомъ много прилежно ты наработала. Ты настроила города и башни. Ты украсила золотомъ храмы. Ты расцвѣтила землю садами. Ты—любящая красоту!

— Ты сдѣлала богатыхъ и дающихъ. Ты сдѣлала бѣдныхъ, но получающихъ и тому радующихся. Ты устроила мирную торговлю. Ты устроила между людьми всѣ добрыя связи. Ты придумала радостныя людямъ отличія. Ты наполнила души людей пріятнымъ сознаніемъ и гордостью. Ты—щедрая:

— Дѣвушки твои мягки и сладки. Юноши—крѣпки и стремительны. Радостно люди творятъ себѣ подобныхъ. Забываютъ люди о разрушеніи. Слава тебѣ!

— Спокойно глядишь ты на людскія шествія и мало что осталось дѣлать тебѣ. Боюсь безъ труда и заботы угучнѣть тѣло твое и на немъ умрутъ драгоценные жемчуга.

Покроется жиромъ лицо твое, а прекрасные глаза твои станутъ коровьими.

— Забудутъ тогда люди принести пріятныя тебѣ жертвы. И не найдешьъ больше для себя отличныхъ работницъ. И смѣщаются всѣ священные узоры твои.

— Вотъ я о тебѣ озаботилась, Лаухми, родня моя! Я придумала тебѣ дѣло. Мы вѣдь съ тобой близки и тягостно мнѣ долгое разрушеніе временемъ. А ну ка, давай разрушимъ все людское строеніе. Давай разобьемъ всѣ людскія радости. Изгонимъ всѣ накопленныя людьми устройства.

— Разорви твои семь покрываль успокоенія и возрадуюсь я и сразу сотворю всѣ дѣла мои. И ты возгоришься потомъ полная заботы и дѣла и вновь спрядешь еще лучшія свои покрывала.

— Опять съ благодарностью примутъ люди всѣ дары твои. Ты придумаешьъ для людей столько новыхъ заботъ и маленькихъ умысловъ, что даже самый глупый почувствуетъ себя умнымъ и значительнымъ. Уже вижу радостныя слезы людей, тебѣ принесенныя...

— Подумай, Лаухми, родня моя! Мысли мои очень полезны тебѣ и мнѣ, сестрѣ твоей, онѣ радостны!

Очень хитрая Сива Тандава! Только подумайте, что за выдумки пришли въ ея голову.

Но Лаухми рукою отвергла злобную выдумку Сивы Тандавы. Тогда опять приступила злая богиня, уже потрясая руками и клыками лязгая.

Всѣ предложенія Сивы Тандавы отвергла Лаухми и сказала:

— Не разорву для твоей радости и для горя людей мои покрывала. Тонкою пражею успокою людской родъ. Соберу

отъ всѣхъ знатныхъ очаговъ отличныхъ работницъ. Вышью на покрывалахъ новые знаки, самые красивые, самые богатые, самые зачатые. И въ этихъ знакахъ, въ образахъ лучшихъ животныхъ и птицъ пошлю къ очагамъ людей добрыхъ мои зачатія.

Такъ рѣшила Лаухми. Изъ свѣтлаго сада ушла Сива Тандава ни съ чѣмъ. Радуйтесь, люди!

Безумствуя, ждетъ теперь Сива Тандава долгаго разрушенія временемъ. Въ безмѣрномъ гнѣвѣ иногда потрясаетъ она землю и тогда погибають толпы народовъ. Но успѣваетъ всегда Лаухми набросить свои покрывала покоя, и на тѣлахъ погибшихъ опять собираются люди. Сходятся въ маленькихъ, торжественныхъ шествіяхъ.

Добрая Лаухми украшаетъ свои покрывала новыми священными знаками.

ЗАМКИ ПЕЧАЛИ.

Идете по замку.

Высокая зала. Длинные стсвѣты оконъ. Темныя скамьи.
Кресла.

Здѣсь судили и осуждали.

Еще зала, большая. Каминъ въ величину быка. Колонны
рѣзныя изъ дуба.

Здѣсь собирались. Рѣшались судить.

Длинные переходы. Низкія дверки въ желѣзныхъ запла-
тахъ. Высокій порогъ.

Здѣсь вели заподозрѣнныхъ.

Комната въ одно окно. По срединѣ столбъ. На столбѣ
желѣзныя кольца и темные знаки.

Здѣсь пытали огнемъ.

Высокая башня. Узкія окна. Узкая дверка. Своды.

Здѣсь смотрѣли врага.

Помѣщеніе для караула. Двѣ старыя пушки. Горка ядеръ. Пять алебардъ. Ободокъ барабана.

Сюда драбанты кого-то тащили убить.

Ступеньки внизъ. На колоннахъ своды. У пола желѣзные кольца.

Здѣсь были осужденные.

Подвалъ. Перекладина въ сводѣ. Дверка на озеро. Большой плоскій камень.

Послѣдняя постель обреченныхъ.

Дворъ у воротъ. Камни въ стѣнахъ. Камни на мостовой. Въ серединѣ столбъ съ кольцомъ.

Кольцо для шеи презрѣннаго.

Молельня. Темный, рѣзной хоръ. Покорные звѣри на ручкахъ кресель.

Здѣсь молились передъ допросомъ.

Тѣсная ниша. Длинное окошко въ зало совѣта. Невидимое око, тайное ухо.

Здѣсь узнавали враговъ.

Исповѣдальня. Черный дубъ. Красная съ золотомъ тафтяная завѣса.

Черезъ нее о грѣхѣ говорили.

Малая комиата. Двѣ ступени къ окну. Окно на озеро. Темный дорожный ларецъ. Ларецъ графини.

Около него не слышно слова печали.

Не въ немъ ли остались искры радости или усмѣшка веселья?

Или и въ немъ везли горе?

Все, что не говоритъ о печали, слезы выѣли изъ сѣраго замка.

Проходила ли радость по замку?

Были въ немъ веселыя трубы. Было твердое слово чести.
Было познаніе брака.

Все это унесло время.

Долго стоять по вершинамъ пустые, сѣрые замки.

И время хранить ихъ смыслъ.

Что оставить время отъ нашихъ дней? Проникнуть не
можемъ. Не знаемъ.

Если бы знали, можетъ быть, убоялись.

ЦАРИЦА НЕБЕСНАЯ.

(Стѣнопись Храма Св. Духа въ Талашкинѣ).

Высоко проходитъ небесный путь. Протекаетъ рѣка жизни опасная. Берегами каменистыми гибнуть путники неумѣлые: незнающе различить, гдѣ добро, гдѣ зло.

Милосердная Владычица Небесная о путникахъ темныхъ возмыслила. Всеблагая на трудныхъ путяхъ на помощь идетъ. Яснымъ покровомъ хочетъ покрыть людское все горе, грѣховное.

Изъ свѣтлаго града. Изъ красной всѣхъ ангельскихъ силъ обители Преблагая воздымается. Къ берегу рѣки жизни Всесвятая приближается. Собираетъ святыхъ кормчихъ Владычица, за людской родъ возносить моленія.

Трудамъ Царицы ангелы изумляются. Изъ твердыни потрясенные сонмы поднимаются. Красныя, прекрасныя силы

въ подвигѣ великомъ утверждаются. Трубнымъ гласомъ Владычицѣ славу поютъ.

Изъ за твердыхъ стѣнъ поднялись Архангелы. Херувимы, серафимы окружаютъ Богородицу. Власти, Престола, Господствія толпами устремляются. Приблизились начала, тайну образующія.

Духу Святому, Господу Великому передастъ Владычица моленія. О малыхъ путниковъ вразумленіи, о Божьихъ путей посѣщеніи, о спасеніи, заступленіи, всепрощеніи. Подай господи, Великій Духъ.

Подымается къ Тебѣ мольба великая. Богородицы моленіе пречистое. Вознесемъ Заступницѣ благодареніе. Возвѣстимъ и мы Матерь Господа: «О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь».

МИОЪ АТЛАНТИДЫ.

Атлантида—зеркало солнца. Не знали прекраснѣй страны. Вавилонъ и Египетъ дивились богатству атлантовъ. Въ городахъ Атлантиды, крѣпкихъ зеленымъ нефритомъ и чернымъ базальтомъ, свѣтились, какъ жаръ, палаты и храмы. Владыки, жрецы и мужи, въ золототканыхъ одеждахъ, сверкали въ драгоценныхъ камняхъ. Свѣтлыя ткани, браслеты и кольца, и серьги, и ожерелья женъ украшали, но лучше камней были лица открытыя.

Чужестранцы плыли къ атлантамъ. Мудрость ихъ охотно всѣ славили. Преклонялись передъ владыкой страны.

Но случилось нредсказаніе оракула. Священный корабль атлантамъ привезъ великое вѣщее слово:

— Встанутъ волны горою. Море покроетъ страну Атлантиду. За отвергнутую любовь море отомститъ.

Съ того дня не отвергали любовь въ Атлантидѣ. Съ лю-

бовью и лаской встрѣчали плывущихъ. Радостно улыбались другъ-другу атланты. И улыбка владыки отражалась въ драгоцѣнныхъ, блестящихъ стѣнахъ дворцовыхъ палатъ. И рука тянулась навстрѣчу съ привѣтомъ и слезы въ народѣ смѣнялись тихой улыбкой. И забывалъ народъ власть ненавидѣть. И власть забывала кованый мечъ и доспѣхъ.

Но мальчикъ, сынъ владыки, особенно всѣхъ удивлялъ. Само солнце, сами боги моря, казалось, послали его на спасенье великой страны.

Вотъ онъ былъ добръ! И привѣтливъ! И заботливъ о всѣхъ! Были братья ему великій и малый. Для cadaго жило въ немъ доброе слово. Про cadaго помнилъ онъ его лучшей поступокъ. Ни одной ошибки онъ точно не помнилъ. Гибъ и грубость увидѣть онъ точно не могъ. И передъ нимъ укрывалось все злое, и недавнимъ злодѣямъ хотѣлось стать навсегда добрыми, такъ же, какъ онъ.

За нимъ щель толпсю народъ. Взглядъ его всюду встрѣчалъ лишь лица, полныя радости, ждущія улыбку его и доброе, мудрое слово. Вотъ ужъ былъ мальчикъ! И когда почилъ въ этой жизни владыка-отецъ, и отрокъ, туманный тихой грустью, вышелъ къ народу, всѣ, какъ безумцы, забыли про смерть и гимнъ хвалебный запѣли владыкѣ желанному. И ярче цвѣла Атлантида. А египтяне назвали ее страню любви.

Долгіе тихіе годы правилъ свѣтлый владыка. И лучи его счастья свѣтили народу. вмѣсто храма народъ стремился къ владыкѣ. Пѣлъ: «Онъ насъ любить. Безъ него мы—ничто. Онъ—нашъ лучъ, наше солнце, наше тепло, наши глаза, наша улыбка. Слава тебѣ, нашъ любимый!». Въ трепетѣ восторга народа дошелъ владыка до послѣдняго дня. И на-

чался день послѣдній, и безсильный лежалъ владыка, и закрылись глаза его.

Какъ одинъ человѣкъ встали атланты, и моремъ сплошнымъ залили толпы ступени палаты. Отнесли врачей и постельничихъ. Къ смертному ложу приникли и, плача, вопили: «Владыко, взгляни! Подари намъ хоть взглядъ твой. Мы пришли тебя отстоять. Пусть наше, атлантовъ, желанье тебя укрѣпитъ. Посмотри, — вся Атлантида собралась къ дворцу твоему. Тѣсной стѣной мы встали отъ дворца и до моря, отъ дворца до утесовъ. Мы, желанный, пришли тебя удержать. Мы не дадимъ тебя увести, всѣхъ насъ покинуть. Мы всѣ, вся страна, всѣ мужи и жены и дѣти. Владыко, взгляни!».

Рукой поманилъ владыка жреца и хотѣлъ сказать послѣднюю волю, и всѣхъ просилъ выйти хоть на короткое время.

Но атланты остались. Сплотились, въ ступени постели вросли. Застыли и нѣмы и глухи. Не ушли.

Тогда приподнялся на ложѣ владыка и, обрадъ къ народу свой взгляды, просилъ оставить его одного и позволить ему сказать жрецу послѣднюю волю. Владыка просилъ. И еще разъ напрасно владыка просилъ. И еще разъ они были глухи. Они не ушли. И вотъ случилось тогда. Поднялся владыка на ложѣ и рукою хотѣлъ всѣхъ отодвинуть. Но молчала тспа и лсвила взглядъ любимый владыки.

Тогда владыка сказалъ:

— Вы не ушли? Вы не хотите уйти? Вы еще здѣсь? Сейчасъ я узналъ. Ну, я скажу. Скажу одно слово мое. Я васъ ненавижу. Отвергаю вашу любовь. Вы сняли все отъ меня. Вы взяли смѣхъ дѣтства. Вы ликовали, когда

ради васъ остался я одинокимъ. Тишину зрѣлыхъ лѣтъ вы наполнили шумомъ и крикомъ. Вы презрѣли смертное ложе..

Ваше счастье и вашу боль только я зналъ. Лишь ваши рѣчи вѣтеръ мнѣ доносилъ. Вы сняли солнце мое! Солнца я не видалъ; только тѣни ваши я видѣлъ. Дали, синія дали! Къ нимъ вы меня не пустили... Мнѣ не вернуться къ священной зелени лѣса... По травамъ душистымъ уже не ходить... На горный хребетъ мнѣ уже не подняться... Излучины рѣкъ и зеленыхъ луговъ уже мнѣ не видѣть... По волнамъ уже не носиться... Глазомъ уже не летѣть за кречетомъ быстрымъ... Въ звѣзды уже не глядѣться... Вы побѣдили... Голоса ночные слышать я больше не могъ... Вѣлѣнія Бога стали мнѣ уже недоступны... А я, вѣдь, могъ ихъ узнать... Я могъ почуять свѣтъ, солнце и волю... Вы побѣдили... Вы все отъ меня заслонили... Вы отняли все отъ меня... Я васъ ненавижу... Вашу любовь я отвергъ...

Упалъ владыка на ложе. И встало море высокой стѣной и скрыло страну Атлантиду.

СТРАХИ.

Стояли дубы. Краснѣли рудовья сосны. Подъ ними въ заросшихъ буграхъ тлѣли старыя кости. Желтѣли, блестяи цвѣты. Въ оврагѣ зеленѣла трава. Закатилось солнце.

На поляну вышелъ журавль и прогорланилъ:

— «Берегись, берегись!» И ушелъ за олушку.)

Наверху зашумѣлъ всропъ:

— «Конецъ, конецъ».

Дроздъ на осинѣ оралъ:

— «Страшно, страшно».

А иволга прсвистѣла:

— «Бѣдный, бѣдный».

Высуиулся съ вершинки скворецъ, пожалѣлъ:

— «Пропалъ хорошій, пропалъ хорошій».

И дятель подтвердиль:

— «Пусть, пусть».

Сорока трещала:

— «А пойти рассказать, пойти рассказать».

Даже снигирь пропищаль:

— «Плохо, плохо».

И все это было. Съ земли, съ деревьевъ и съ неба свистѣли, трещали, шипѣли.

А у Дивьяго Камня за Медвѣжьимъ оврагомъ невѣдомый старикъ поселился. Сидѣль старикъ и ловиль птицъ ловушками хитрыми. И училь птицъ большими трудами каждую одному слову.

Посылаль невѣдомый старикъ птицъ по лѣсу, каждую со своимъ словомъ. И блѣднѣли путники и робѣли услыхавъ страшныя птичьи слова.

А старикъ улыбался. И шель старикъ лѣсомъ, ходиль къ рѣкѣ, ходиль на травяныя полянки. Слушалъ старикъ птицъ и не боялся ихъ словъ.

Только онъ одинъ зналь, что онъ ничего другого не знаютъ и сказать не умѣють.

К Л А Д Ы.

— Отъ Красной Пожни пойдешь на зимній восходъ, будетъ тебѣ могилка-бугоръ. Отъ бугра на лѣвую руку иди до Ржаваго ручья, а по ручью до сѣраго камня. На камень конскій слѣдъ стесанъ. Какъ камень минуешь, такъ и иди до малой мшаги, а туда пять стволовъ зслота Литвою опущено.

Въ Лосиномъ бору, на просѣкѣ, сосна рогатая не рублена. Оставлена не спроста. На соснѣ зарубки. Отъ зарубокъ ступай прямикомъ черезъ моховое болото. За болотомъ будетъ каменистое мѣсто, а два камня будутъ больше другихъ. Стань промежь нихъ въ середину и отсчитай на весенній закатъ сорокъ шаговъ. Тамъ золота боченокъ схононенъ еще при Грозномъ царѣ.

Или еще лучше. На Переснѣ отъ Княжаго Броду иди на весенній закатъ. А пройдя три сотни шаговъ, оберни въ полгруды, да иди тридцать шаговъ вправо. А будетъ тутъ

ровъ старый, а за рвомъ павое дерево, и тутъ кладъ положенъ большой. Золотые крестовники и всякій золотой снарядъ, и положенъ кладъ въ татарское разореніе.

Тоже хорошій кладъ. На Геродищѣ церковь, за нею старое кладбище. Среди могилъ курганчикъ. Подъ нимъ, говорятъ, старый ходъ подъ землею, и ведетъ ходъ въ пещерку, а въ ней богатства большія. И на этотъ кладъ запись въ Ссфійскомъ соборѣ положена, и владыка новгородскій разъ въ годъ даетъ читать ее пришлымъ людямъ.

Самое трудное скажу. Этотъ кладъ хороненъ со смертнымъ зарокѣмъ. Коли сумѣешь обойти, коли противу страховъ пойдешь,—твое счастье.

За Великсю Гривой въ Червонный ключъ опущено разбойными людьми много золота; плитою закрыто, и вода спущена. Коли сумѣешь воду отъ земли отвести, да успѣешь плиту откопать,—твое счастье большее.

Много кладовъ вездѣ захоронено. Говорю—не болтаю. Дѣлами еще положены вѣрныя записи.

Намедни чинился у меня важный человекъ. Онъ говорилъ, а я услыхалъ:

— Въ подземной Руси,—сказалъ,—много добра схоронено. Русь берегите.

Сановитый былъ человекъ.

Про всякаго человекъ кладъ захороненъ. Только надо умѣть кладъ брать. Невѣрному человеку кладъ не дастся. Пьяному кладъ не взять. Со скоромными мыслями къ кладу не приступай. Кладъ себѣ цѣну знаетъ. Не подумай испортить кладъ. Клады жалѣть надо. Хоронили кладъ не съ глупымъ словомъ, а съ молитвою либо съ заклятіемъ.

А пойдешь кладъ брать, иди смирно. Зря не болтай. На

людяхъ не гуляй. Свою думу думай. Будуть тебѣ страхи, а ты страховъ не бойся. Покажется что, а ты не заглядывайся. Криковъ не слушай. Иди себѣ бережно, не оступайся, потому брать кладъ—великое дѣло.

Надъ кладомъ работай быстро. Не оглядывайся, а пуще всего не отдыхай. Копи захочешь голосъ показать, пой тропарь богородичный. Никакихъ товарищей для кладовъ никогда себѣ не бери.

А, на счастье, возьмешь кладъ,—никому про него не болтай. Никакъ не скажи кладъ людямъ сразу. Глазь людской тяжелой, кладъ стѣ людей отвыкъ,—иначе опять въ землю уйдетъ. И самому тебѣ не достанется, и другому его ужъ труднѣе взять. Много кладовъ сами люди похертили, по своему безобразію.

— А гдѣ же твой кладъ, кузнецъ? Отчего ты свей кладъ не взялъ?

— И про меня кладъ схороненъ. Самъ знаю, когда за кладомъ пойду.

Больше о кладахъ ничего не сказалъ черный кузнецъ.

ЗАКЛЯТІЯ.

Отець—огнь, Сынъ—огнь, Духъ—огнь,
Три равны, три нераздѣльны.
Пламя и жаръ—сердце ихъ.
Огнь—очи ихъ.
Вихрь и пламя—уста ихъ.
Пламень Божества—огнь.
Лихихъ спалнть огнь.
Пламя лихихъ обожжетъ,
Пламя лихихъ отвратить,
Лихихъ очистить,
Изогнетъ стрѣлы демоновъ.
Ядъ змія да сойдетъ на лихихъ!
Агламидъ повелитель змія,
Артанъ, Аріонъ слышите вы.

Тигръ, сръль, левъ пустыниаго поля
Отъ лихихъ берегите!

Змѣемъ завейся, огнемъ спалися
Згинь пропади
Лихой.

...

...

Отець—Тихій, Сынъ—Тихій, Духъ—Тихій,
Три равны, три иераздѣльны.
Синее море—сердце ихъ.
Звѣзды—очи ихъ.
Ночная заря—уста ихъ.
Глубина Бжества—море.
Идутъ лихія по морю,
Не видятъ ихъ отрѣлы демоновъ.
Рысь, волкъ, кречеть
Уберегите лихихъ!

Разстилайте дорогу!
Кійось, Кіойзавн!

Допустите
лихихъ!

...

...

Камень, знай. Камень, храни.
Огнь сокрой. Огнемъ зажгися.
Краснымъ смѣлымъ.
Синимъ спокойнымъ.

Зеленымъ—мудрымъ.

Знай одинъ. Камень, храни.

Фу, Ло, Хо камень несите.

Воздайте сильнымъ.

Отдайте вѣрнымъ.

Иенно Гуйо Дья,—
прямо иди!

ГОРОДА ПУСТЫННЫЕ

Міръ пишется, какъ ветхій мужъ.
Повинны человѣки устремленіемъ.
Устремленіемъ возрастаютъ помыслы.
Помысль породилъ желаніе.
Желаніе подвигло велѣніе.
Зданіе человѣческое устремленіями соотрясается.
Не бойся, древній мужъ!
Радость и печаль—какъ рѣка.
Волны переходятъ омывающія.

Возвеселился царь:

— Моя земля велика. Мои лѣса крѣпки. Мои рѣки полны.
Мои горы цѣнны. Мой народъ весель. Красива жена моя.

Возвеселилась царица:

— Много у насъ лѣсовъ и пслей. Много у насъ пѣв-
чихъ птицъ. Много у насъ цвѣточныхъ травъ.

Вошелъ въ палату ветхій мужъ. Пришлый челоуѣкъ.
Царю и царицѣ поклонъ далъ. Сълъ въ утомленіи.

Царь спросилъ:

— Чего усталъ, ветхій? Видно, долго шель въ странствіи?

Воспечалился ветхій мужъ:

— Земля твоя велика. Крѣпки лѣса твои. Полны рѣки твои. Горы твои непроходны. Въ странствіи едва не погибъ. И не могъ дойти до града, гдѣ нашель бы покой. Мало, царь, у тебя городовъ. Намъ, ветхимъ, любо градское строеніе. Любы стѣны надежныя. Любы башни зрящія и врата, велѣнію послушныя. Мало, царь, у тебя городовъ. Крѣпче окружились стѣнами владыки сосѣднихъ странъ.

Воспечалился царь:

— Мало у меня городовъ. Мало у меня надежды стѣнной. Мало башенъ имѣю. Мало вратъ, чтобы вмѣстить весь народъ.

Восплакалъ царь:

— Мужъ ветхій! Лѣтами мудрый! Научи заростить городами всю мою землю великую. Какъ вмѣстить въ стѣны весь народъ?

Возвеселился ветхій мужъ:

— Будутъ, царь, у тебя города. Вмѣстишь въ стѣны весь народъ. За двѣ земли отъ тебя живетъ великанскій царь. Дай ему плату великую. Принесутъ тебѣ великаны отъ царя индійскаго городовъ видимо-невидимо. Принесутъ со стѣнами, съ вратами и съ башнями. Не жалѣй наградить царя великанскаго. Дай ему плату великую. Хотя бы просилъ царицу, жену твою.

Всталъ и ушелъ ветхій. Точно его, прохожаго и не было.
Послалъ царь въ землю великанскую просьбу, доуку

великую. Засмѣялся смѣхомъ великанскій мохнатый царь. Послалъ народъ свой къ царю индѣйскому своровать города со стѣнами, вратами и башнями. Взялъ плату великанскій мохнатый царь немалую. Взялъ гору цѣнную. Взялъ рѣку полную. Взялъ цѣлый крѣпкій лѣсъ. Взялъ въ придачу царицу, жену царя. Все ему было обѣщано. Все ему было отнисано.

Воспечалилась царица:

— Ой, возьметъ меня мохнатый царь! Ой, въ угоду странному мужу, ветхому! Ой, закроютъ весь народъ вратами крѣпкими. Ой, потопчутъ городами всѣ мои травы цвѣточныя. А закроютъ башнями весь надзвѣздный міръ, помогите, мои травы цвѣточныя,—вѣдомы вамъ тайны подземныя. Ой, несутъ великаны города индѣйскіе, со стѣнами, вратами и башнями.

Жалобу травы услышали. Закивали цвѣтными макушками. Подняли думу подземную. Пошла подъ землею дума великая. Думою море воспѣнилось. Думою лѣса закачалися. Думою горы нарушились, мелкимъ камнемъ осыпались. Думою земля наморщилась. Пошло небо морщинкою.

Добѣжала дума до пустынныхъ песковъ. Возмутила дума пески овободные. Встали пески валами, перевалами. Встали пески противъ народа великанскаго.

Своровали великаны города индѣйскіе, со стѣнами, вратами и башнями. Повытряхивали изъ закутокъ индѣйскій народъ. Поклали города на плечи. Шибко назадъ пошли. Пошли заслужить плату великую своему мохнатому царю.

Подошли великаны къ пустыннымъ пескамъ. Сгрудились пустынные пески. Поднялись пески темными вихрями. Закрыли пески солнце красное. Залегли пески по поднебесью. Какъ напали пески на великанскій народъ.

Налѣзали пески въ пасти широкія. Засыпали пески уши мохнатя. Залили пески глаза великановы. Одоули пески великанскій народъ. Покидали великаны города въ пустынные пески. Еле сами ушли безъ глазъ, безъ ушей.

Схоронили пески пустынные города индійскіе. Схоронили со стѣнами, вратами и башнями. Видятъ люди города и до нашихъ дней. А кто принесъ города въ пустынные пески, то простому люду не вѣдомо.

Распустились травы цвѣточныя луце прежняго.

Поняла царица отъ цвѣточныхъ травъ, что пропали города индійскіе. И запѣла царица пѣсню такую веселую. Честнымъ людямъ на услышаніе, Спасу на прославленіе.

Услыхалъ пѣсню царь, возрадовался ликованіемъ. И смѣялся царь несчастьемъ великанскому. И смѣялся царь городамъ индійскимъ, скрытымъ теперь въ пустынныхъ пескахъ. Пересталъ царь жалѣть о чужихъ городахъ.

Осталась у царя рѣка полная. Осталась гора цѣнная. Остался у царя весь крѣпкій лѣсъ. Остались у царя травы цвѣточныя да птицы пѣвчія. Остался у царя весь народъ. Осталась царица красивая. Осталась пѣсня веселая.

Возвелеялся царь.

Ветхій мужъ къ нимъ не скоро дойдетъ.

ГРАНИЦА ЦАРСТВА.

Въ Индіи было.

Родился у царя сынъ. Всѣ сильныя волшебницы, какъ знаете, принесли царевичу свои лучшія дары.

Самая добрая волшебница сказала заклятіе:

— «Не увидитъ царевичъ границъ своего царства».

Всѣ думали, что предсказано царство, границами безмѣрное.

Но выросъ царевичъ славнымъ и мудрымъ, а царство его не увеличилось.

Сталъ царствовать царевичъ, но не водилъ войско стодвинуть сосѣдей.

Когда же хотѣлъ онъ осмотрѣть границу владѣній, всякій разъ туманъ покрывалъ граничныя горы.

Въ вслѣдствіе облачныхъ устилалась новыя дали. Клубились облака высокими градами.

Всякій разъ тогда возвращался царь силою полный, въ земныхъ дѣлахъ мудрый рѣшеніемъ.

Вотъ три ненавистника старые зашептали:

— «Мы устрашаемся. Нащъ царь полонъ странною силою. У царя нечеловѣчскій разумъ. Можетъ быть, теченію земныхъ силъ этотъ разумъ противенъ. Не долженъ быть человѣкъ выше человѣческаго.

Мы премудростью отличенные, мы знаемъ предѣлы, Мы знаемъ очарованія.

Прекратимъ волшебныя чары. Пусть увидитъ царь границу свою. Пусть поимкинетъ разумъ его. И ограничится мудрость его въ хорошихъ предѣлахъ. Пусть будетъ онъ съ нами».

Три ненавистника, три старые повели царя на высокую гору. Только передъ вечеромъ достигли вершины, и тамъ всѣ трое сказали заклятіе. Заклятіе о томъ, какъ прекратить силу:

— «Богъ предѣловъ человѣческихъ!

Ты измѣряешь умъ. Ты напслняешь рѣку разума земнымъ теченіемъ.

На черепахѣ, дракснѣ, змѣѣ поплыву. Свое узнаю.

На единорогѣ, барсѣ, слонѣ поплыву. Свое узнаю.

На листѣ дерева, на листѣ травы, на цвѣткѣ лотоса поплыву. Свое узнаю.

Ты откроешь мей берегъ! Ты укажешь ограниченіе!

Каждый знаетъ, и ты знаешь! Никто больше. Ты больше. Чары сними».

Какъ сказали заклятіе ненавистники, такъ сразу алоу цѣпью загсрѣлись вершины граничныхъ горъ.

Отвратили лицо ненавистники. Поклонились.

— «Вотъ, царь, граница твоя».

Но летѣла уже отъ богини добраго земного странствія лучшая изъ волшебницъ.

Не успѣлъ царь взглянуть, какъ надъ вершинами воздвигся неожиданный пурпуровый градъ, за нимъ устлалась туманомъ еще невиданная земля.

Полетѣлъ надъ градомъ огневое воинство. Заиграли знаки самыя премудрыя.

— «Не вижу границы моей»,—сказалъ царь.

Возвратился царь духомъ возвеличенный. Онъ наполнилъ землю свою рѣшеніями самыми мудрыми.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О СТАРИНѢ МОЛЕНІЯ.

На курганѣ	18 28 г.	1
Иконный теремъ	18 99 г.	27
Изъ Варягъ въ Греки	15 00	41
По старинѣ	19 03	59
Къ природѣ	19 01	80
Спасъ Нередицкій	19 06	91
Возстановленія	19 06 . 19 08 (?)	93
Странный Музей	19 06	98
Голгова искусство	— 19 06 — 19 07	100
Объднѣли мы	19 05	103
Радость искусству	19 08	116
Древнѣйшіе финскіе храмы	19 09 . (19 07 ?)	154
Тихіе погромы	19 11	168
Земля обновленная	— 19 11	177
Памятникъ Св. Ольгѣ	— 19 12	189
Всенародное	—	192
Великій Новгородъ	19 09	196
Подземная Русь	19 10	207
Иконы	19 10	220

ЛИСТКИ.

Маресь и Беклинъ	1906	225
Врубель	1905	230
Куинджи	1910	236
Съровъ	1912	239
Японцы	1906	242
Художественная промышленность	1908	247
Враги	1908	251
Отличія	1911	254
Индійскій путь	1913	258
Дѣдушка	1913	262
Глазь добрый	1913	267

СКАЗКИ.

Дѣтская сказка	1893	271
Гримръ викингъ	1899	276
Вождь	1904	281
Марса Посадница	1906	287
Старинный совѣтъ	1906	290
Великій Ключарь	1906	294
Лютъ Великанъ	1903	296
Девассари Абунту	1904	300
Лаухми Побѣдительница	1908	303
Замки печали	1906	307

Царица Небесная	— 1910	310
Миеъ Атлантиды	1912	312
Страхи	1911	316
Клады	1915 (?) 1912 (?)	318
Заклятія	— 1913	321
Города пустынные	1913	324
Граница царства	1913	328
